

C-20

ЕРЕВАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

С. А. САРДАРЯН

**ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
АРМЕНИИ**

(Исторические науки—07575-археология)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой
степени доктора исторических наук

Ереван — 1971

Работа выполнена на кафедре Археологии и Источниковедения исторического факультета Ереванского государственного университета.

1. Доктор исторических наук, профессор Акопян С. Е.
2. Доктор исторических наук, профессор Акопян Т. Х.
3. Доктор исторических наук Бдоян В. А.
4. Кандидат исторических наук Мнацаканян А. О.

Работа направлена на отзыв Гос. Ист. Музей Арм. ССР.
Автореферат разослан « » 1971 г.

С диссертацией можно ознакомиться в кабинете научных работников университета.

Г. М. МНАЦАКАНЯН

3

дований обнаруженных нами новых памятников и найденных материалов.

В первом разделе дана краткая история культуры каменного и медного веков. В нем указано, что с ранних времен человеческой истории в Армении существовали очаги человеческой культуры, имеющие всемирно-историческое значение.

Открытие древнекаменного века Армении (стоянки горы Артин, Сатани дар, среднего течения Раздана) считается одним из достижений армянской советской археологии. Кроме этих, уже известных, палеолитических стоянок, составляющих содержание второго раздела, в работе представлен ряд новых, до сих пор неизвестных, неолитических стоянок и поселений, изучению которых посвящен третий раздел.

В четвертом разделе впервые детально изучаются отдельные этапы энеолитических памятников, главным образом, на основании данных, извлеченных из наших жераскопок (Шенгавит и ряд других поселений). Установлены этапы энеолитической культуры: ранняя, средняя и поздняя ступени.

Стратиграфическое изучение памятников новокаменного и медного веков Армении, постепенное развитие культурных остатков, чередующихся слоев, дало возможность осуществить хронологическую периодизацию всего неолита и медного века Армении по раннему, среднему и позднему временам—вопрос довольно важный и не разрешенный до настоящего времени армянскими археологами.

Таким образом, история Армении отодвигается на сотни тысяч лет, а культура шелльской эпохи, обнаруженная на территории СССР, по сей день считается наидревнейшей из известных человеческих культур.

ЧАСТЬ I

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ

Глава первая

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ КАМЕННОГО И МЕДНОГО ВЕКОВ АРМЕНИИ

В настоящей главе изложена краткая история изучения каменного и медного веков Армении; эта культура не изучалась в досоветское время и лишь при советской власти, и особенно за последние двадцать пять лет стала интенсивно изучаться.

Как уже известно, до Октябрьской революции на территории Армении открытия остатков человеческой культуры каменного и медного веков носили случайный характер, раскопки начались с 1870 г. в ограниченном количестве, а материалы получили неправильные определения.

Возможность существования палеолитической культуры в Армении ряд ученых отрицал. Они предполагали, что человек проник в Армению из Месопотамии и Центральной Азии уже с оформившейся культурой, следовательно, не к чему искать следы культуры каменного века в Армении. Найденные в 1909 году на склонах горы Арагац обсидиановые орудия (Ж. де Морганом и рядом других западных ученых), были отнесены к эпохе металлов.

К исследователям ранней культуры Армении надо отнести Ж. де Моргана, по мнению которого Армения не могла пережить ранние времена каменного века, ибо период нового каменного века Армении был очень непродолжителен и быстро

перешел в век металла. Морган предполагал, что на протяжении всего четвертичного периода, Иран, а частично и Армения оставались необитаемыми до появления металлических изделий¹. ...Под влиянием подобных предвзятых мнений, сильно тормозивших дело исследования каменного века Армении, долгое время господствовала тенденция к отрицанию существования в Армении древнейшей культуры, причем металлическому веку приписывались не только орудия палеолита, но и неолита.

В годы советской власти в Армении значительно увеличился объем археологических работ. Богатый фактический материал, собранный за последние годы нашими археологами, позволил дать отпор бытующему ошибочному мнению, отрицавшему существование каменного века в Армении.

Два совершенно случайных открытия подтвердили возможность существования культуры каменного века в Армении. В 1933 г. геолог А. П. Демехин в 18 км к северу от Еревана на левом берегу Раздана, близ курорта Арзни, на террасе, высотой в 80 м обнаружил ряд обсидиановых орудий, характерных для позднеашельского периода.

И в 1935 г. М. Гукасян близ села Пемзашен Ленинканского района, на северо-западном склоне Арагаца нашел мустьерский остроконечник².

Изучение палеолита Армении было возможно только систематическими археологическими исследованиями и обнаружением более ценных и многочисленных материалов. Важным событием явилось открытие нами стоянок древнего каменного века.

С 1943 г. мы специально исследовали те места, где в большом количестве были сконцентрированы запасы обсидиановой руды. Затем, в 1943—1949 годах мы провели исследовательские работы: на Араратской равнине, Арагацотне, в бассейнах рек—Касах, Ахурян, Мецамор, преимущественно на

¹ J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase T. I. Paris, 1889, p. 1—3, La préhistoire orientale, T. III, Paris, 1927, p. 19—22. Ж. де Морган, Доисторическое человечество, М. 1926, стр. 47.

² Е. А. Байбуртян, Новые находки каменного века в Армении. С. А. III, 1937, стр. 208; Его же, Орудия труда в Древней Армении, Изв. Арм. ФАНа, № 1, Ереван, 1938, стр. 195—196 (на арм. яз.).

юго-восточных склонах Арагаца,—на горе Артин, и по среднему течению реки Раздан (Арзни, Нурнус, Джрабер, Фонтап, Лусаван и др.).

В 1944—45 годы во время полевых работ, в окрестностях г. Арагац, на склонах горы Артин (близ Талина), мы обнаружили около 12 стоянок-мастерских древнего каменного века, разбросанных на Сатани-даре, Арегуни, на южном холме и по среднему течению р. Раздан, в Арзни, Нурнусе, Джрабере и др., которые дали большое количество материалов почти для всех эпох палеолита и неолита³.

На основании открытий этих древнейших и многочисленных материалов из стоянок г. Артин и среднего течения Раздана, нам удалось в 1943—46 годы окончательно установить развитие культуры первобытного человека, проживавшего в Армении в последовательные эпохи древнего и нового каменных веков,—весь четвертичный период, начиная с шелльской эпохи, раннедревнего каменного века (нижнего палеолита) до неолита.

Наши систематические исследования продолжались также в 1947—49 и 1951—70 гг. Нами восстановлены все этапы древнего и нового каменных веков (нижний, средний и верхний палеолит и ранний поздний неолит), что дало возможность установить непрерывность и последовательность развития культуры на территории Армении с самой зари человеческой истории, с шелльской эпохи нижнего палеолита до неолита и энеолита. Изучением стоянок горы Артин, Арзни, Чаткерана, Нурнуса занимались также С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина⁴ (1946—1947 гг.).

В 1958—1961 годах, на правом берегу Раздана, близ селений Кахси, Кармрашен (Талинского района) и в Джрабере

³ С. А. Сардарян, Палеолит в Армении, Изв. АН Арм. ССР, № 3, 1950 г.; Его же, Палеолит в Армении, 1954; Первобытное общество в Армении, 1967 (на арм. яз.).

⁴ М. З. Паничкина, Находки каменных орудий на Арагаце, Изв. АН Арм. ССР, 1946 г., № 5, стр. 55 и С. Н. Замятнин, Находки нижнего палеолита в Армении, Изв. АН Арм. ССР, № 1, 1947, стр. 24—25; М. З. Паничкина, К вопросу о верхнем палеолите в Армении, Изв. АН Арм. ССР, 1948 г., № 7, стр. 67—69; Его же, Палеолит Армении, Л., 1950.

—Разданский каньон В. П. Любин обнаружил ряд орудий⁵ древнего каменного века.

Проблемой нового каменного века Армении, в прошлом занимался только О. А. Погапов, который в 1926 г. в селе Хзнауз и в соседних с ним селах Вагаршапатского района обнаружил ряд материалов позднего неолита и раннего металла⁶.

Ряд раскопок в Армении проводился также в поисках эпохи энеолита. Первые исследования в указанном направлении принадлежат археологам А. С. Уварову и А. Д. Ерицяну, которые в 1879 г., в ходе раскопок на холме Армавир⁷, обнаружили культуру энеолита.

Памятники эпохи энеолита—крепости и могильники раскопаны Н. Я. Марром—в 1893 г. на западном склоне горы Арагац⁸, близ селений Сарнахбюр (Согутлу), Паник (Кавтарлу), Карнут (Дираклар) и Парнигех.

Примечательны также раскопки, произведенные Е. Лалаяном, в 1904 г.⁹ и О. Абибуллаевым¹⁰ в 1951 г. и в последующие годы, на энеолитическом поселении Кюль-тапа (Нахичеванская АССР). Энеолитические памятники изучались Лалаяном и на берегу Севанского озера, близ селений Астгадзор (Аликрх), Геташен (Адияман), Неркин Каранлух (Мартунинский район). Аналогичные памятники найдены в 1908 году также и в районах Карса (Тигнис).

В 1913 и 1928 гг. Е. Лалаян производил раскопки на

⁵ В. П. Любин и С. П. Баян, Новые находки культуры палеолита на вулканическом нагорье Арм. ССР. Доклады АН Арм. ССР, XXXIII, 1961 г., № 2; Его же, Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения), КСИА АН СССР, вып. 82, 1961 г.

⁶ О. А. Погапов, «Предісторичний Кавказ, східний світ», 1928 г., № 2, стр. 22.

⁷ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подошвы Апарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII в., Тбилиси, 1944 г., стр. 92—95.

⁸ Там же, стр. 110.

⁹ Е. Лалаян, Нахичеванский район. СБ «Азгараган хандес» (этнографическое обозрение), 13, Тифлис, 1906, стр. 207—208 (на арм. яз.).

¹⁰ О. Абибуллаев, Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевана, 1955 г., МИА, 67, 1959.

Шреш-блуре¹¹ (Эчмиадзин). Исследованием энеолита занимался и П. Ф. Петров¹²,—в 1914 г. в с. Малаклу (близ Игди-ра).

В Западной части Армянского нагорья, на берегу Ванского озера, на холме Шамирам-альти, в 1899 г. исследованием памятников энеолита занимался В. Бельк¹³, впоследствии, в 1937 г. те же памятники были раскопаны Рейли¹⁴. Остатки энеолитической культуры обнаружил в 1938—39 гг. Мр. К. Лейке, в ходе раскопок Ванской крепости и в Шамирам-альти.

В 1942 г. в районе Эрзерума (Караз)¹⁵ были предприняты археологические разведки Х. З. Кошайем.

Археологические исследования Армении показывают, что до установления Советской власти изучение, как палеолита, неолита, так и энеолита носило случайный характер.

После установления Советской власти большое внимание было уделено систематическому изучению энеолитических поселений.

В 1924 г. комитет по охране древних памятников Армении, организовал раскопки поселений в Эйларе. Работами руководил Е. Лалаян¹⁶. В дальнейшем, в 1928 г. эти раскопки продолжал Е. Байбуртян. Сбор энеолитических материалов осуществил Е. Момджян в Кировакане на холме Тагаворанист.

Аналогичные энеолитические материалы были обнаружены в Узунларе (Алаверди), и в 1927 г. в Лори у с. Артвин.

В 1936—1938 гг. на энеолитическом поселении Шенгавит, в более широком масштабе производил раскопки Е. Байбур-

¹¹ Е. А. Лалаян, Раскопки могильников в Советской Армении, Ереван, 1931, стр. 38—66 (на арм. яз.).

¹² Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 73.

¹³ W. A. Jenny, Schamiramaltı prehistorische Zeitschrift XIX, N 3—4, Berlin, 1928, S. 280—304.

¹⁴ E. B. Reilly Tilkitepedeki ilk Kazılar, 1937, (Excavations at Tilkitepe, 1937), T. T. Arkeologya ve Etnografya Dergisi, IV, 1940, S. 145—178.

¹⁵ H. Kosay, K. Turfan—Erzurum—Karaz kazısı raporu. „Türk Tarih Kurumu Belleten“, XXIII, 1959, N. 91, S. 349—384.

¹⁶ Е. А. Лалаян, Раскопки могильников в Сов. Армении, Ереван, 1931, стр. 36—66.

тян. Они дали четкую картину энеолита Армении¹⁷ и обогатили наши знания об энеолитической культуре Армении.

В поисках энеолитических памятников специальные исследования производил в 1944 г. в Закавказье Б. А. Куфтин¹⁸.

В связи с изучением энеолита Кавказа и Закавказья был затронут и вопрос об энеолите Армении рядом советских и зарубежных ученых. Важный вклад в это дело внесли: Б. Б. Пиотровский¹⁹, А. А. Иессен²⁰, Е. И. Крупнов, Д. Л. Коридзе, О. М. Джапаридзе, О. А. Абибуллаев, Л. И. Глонги, А. И. Джавахишвили, как и зарубежные археологи—Бартон Браун, Ч. А. Барней²¹, Р. Брейдвуд, С. Худ, В. Ламб, которые своими работами еще более обогатили и развили изучение энеолита.

Автореферат находился в процессе издания, когда была получена монография К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили²², в которой авторы коснулись также вопросов новокаменного и медного веков (энеолит) Армении.

Поскольку авторы не знакомы как с обнаруженными нами в последние двадцать лет несколькими десятками неолитических и энеолитических поселений, так и с раскапываемым в последние двенадцать лет многослойным поселением Шенгавит, материалы которого найдут отражение в подготавливаемом нами объемистом труде, посвященном неолиту и энеолиту, они естественно не имели возможности сделать правильные выводы и в отношении неолита и энеолита Армении, допустили ряд ошибок. Характеристику стратиграфии сложных, многослойных памятников Армении они заменили старыми, плохо исследованными материалами и одним—двумя новыми, малоизученными памятниками. А характеристика стратиграфических данных и связанных с ними комплексов и вовсе отсутствует.

¹⁷ Е. А. Байбуртян, Орудия труда в древней Армении, Изв. Арм. ФАН, № 1, Ереван, 1938 г., стр. 195—196 (на арм. яз.).

¹⁸ Б. А. Куфтин, Куро-Аракский энеолит, стр. 73.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, Медный век Армении, С. А. XI, 1949; Его же, Археология Закавказья, Л., 1949.

²⁰ А. А. Иессен, Кавказ и древний Восток, КСИД, вып. 93.

²¹ С. А. Burney, Eastern Anatolia in the Chalcolithic and early bronze age. As. VIII, 1958, p. 157.

²² К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры южного Кавказа, Л., 1970.

Вышеотмеченные ошибки вытекают из монографии Э. Ханзадяна²³, которая основывается исключительно на типологическом исследовании керамики и которыми широко воспользовались К. Кушнарева и Т. Чубинишвили (стр. 138—171). Нашу датировку стоянок докерамического неолита Армении (Артин-лер, Заганер, Барож) эти авторы необоснованно взяли под сомнение (стр. 103). Подобное неправильное мнение высказано и в отношении памятников керамического неолита (Кхзак-блур, Маштоци-блур, Тертери дзор, Агвеси-бнер) (стр. 41—42), для которых характерен грубый лепной полушарный сосуд (с примесью глины, песка и соломы), имеющий на венчике сквозные отверстия и прикрепленные выступы. Авторы, не зная стратиграфии и раскопчного материала выше указанных неолитических поселений, неолитических памятников Армении и найденной там керамики, необоснованно относят к энеолиту, отождествляя с энеолитическими памятниками Грузии. Между тем неолит Армении общностью своих поселений и археологического материала отличается от ранних памятников Грузии (Архуло, Шулавери, Цопи, Амиранис-гора (2,3), Абелиани)²⁴, так же как и от памятников Азербайджана (Шому-тепе, Тойре-тепе, Баба-дервиш I, Муган, Мишур-чай и Гура-дере 2).

Неолитическая керамика Армении тождественна Мерси-ну, Хаджилару, Чатал-Гуюку. Авторы, говоря о многослойном поселении Шенгавит, отмечают, что «Здесь представлены все стадии развития Куро-Аракской культуры, а нижний слой выходит за рамки III тыс. до н. э.»²⁵ (стр. 17) и ссылаются на труды Е. Байбуртяна, Э. Ханзадяна и А. Мартиросяна, как на источник. Между тем до наших раскопок никому не была известна как очередность этапов развития Куро-Аракской культуры Армении, так и отнесение культуры нижнего слоя Шенгавита раннее III тыс. до н. э. Не была известна также оборонительная стена и подземный ход Шенгавита. Все это стало известно благодаря нашим раскопкам. Ограни-

²³ Э. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. и Гарни—4 (результаты раскопок 1949—66 гг.).

²⁴ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры южного Кавказа, Л., 1970, стр. 26, рис. 46, стр. 27, рис. 5, стр. 30, рис. 8; стр. 31, рис. 9.

²⁵ Там же, стр. 36, рис. 10; стр. 39, рис. 13.

ченные и кратковременные раскопки не дали Байбуртяну возможности сделать полные выводы о вышеупомянутом. Авторы, основываясь на упомянутой работе Э. Ханзадян, керамику энеолита («ранней бронзы») Армянского нагорья типологическим методом делят на три хронологических этапа (стр. 136—160).

1. Для керамики первого этапа характерна трехчастность изготовления, грубая орнаментация ямочкой либо рельефом (спирали, концентрические круги, усики и т. д.). Как нам известно, из стратиграфических данных Шенгавита трехчастность изготовления характерна не только для раннего, но и для среднего и позднего этапа энеолита. Указанная орнаментика характерна также для всех этапов энеолита, с той только разницей, что на среднем и позднем этапе энеолита на шейке сосуда появляется тонкий и широкий прочерченный узор.

Первый этап авторы делят на 3 локальные группы: 1) Карасская группа (рис. 44, 1, 3, 7, 9, 10, 12), нижний слой, Шреш-блурская (рис. 44, 24—30, 32), Карнутская (Дираклар) и Кироваканская. 2) Шреш-блурская, Мохраблурская (Эчмиадзин), частично Шенгавит. 3) Кироваканская керамика и т. д. «Куро-Аракский» слой Шреш-блур, как показали наши раскопки, имеет только один этап, ранний этап энеолита, с одной и той же керамической продукцией. В целом такова же и мохраблурская керамика. Следовательно, деление Шреш-блур на две локальные группы или же отделение его от Мохра-блур ошибочно.

Второй этап развития керамики авторы делят на две локальные группы:

1. Кироваканская (рис. 44, 78, 79, 82),
2. Шенгавитская (рис. 44, 81, 85, 87).

К этому времени относят также керамику Шреш-блур, Игдира, Такавораниста, как и керамику слоя К₂, К₃ Геой-тепе (рис. 44, 89—96).

По нашим стратиграфическим наблюдениям Шенгавита, Шреш-блур, Мохра-блур ко второму этапу, развития керамики, нельзя отнести керамику Шреш-блур, Игдира и слоя «К» Геой-тепе. Все они характерны для второго, (раннеэнеолитического) слоя Шенгавита.

Керамику третьего этапа авторы делят на три локальные группы:

1. Эларская керамика (рис. 44, 83, 84, 86, 88). Туловище украшено вдавленной ямочкой, усиками, рельефными выступами, сосуд в виде подставки. К этому периоду отнесены: Элар, нижний слой Гарни, нижний слой Ахтамура и т. д. Эти поселения по нашим раскопкам Шреш-блур, Мохра-блур и Шенгавит, следует отнести не к третьему этапу (среднему энеолиту), а к раннему энеолиту или первому этапу, и датировать началом III тыс. до н. э., а поздний энеолитический слой Гарни—к периоду среднего энеолита (второй этап энеолита). Отнесение шенгавитских сосудов к третьему этапу энеолита также неверно (рис. 44₈₇) спирали, (рис. 44₁₁₇) меандры, (рис. 44₁₂₁), треугольники, заполненные косыми штрихами, подставки. Из них (рис. 44₈₇, 121, 122) раскопанные в верхнем слое Шенгавит—2 относятся к первому этапу энеолита—раннему энеолиту. К среднему энеолиту (3-ий слой Шенгавита) следует отнести предмет на рис. 44₁₁₇, выше слоя с керамикой типа Шреш-блур и характерный для середины III тыс. до н. э. Отнесение их к позднему энеолиту, началу II тыс. до н. э. неверно. А рис. 44₁₁₉ следует отнести к Шенгавиту—4, третьему этапу энеолита. По стратиграфическим данным наших раскопок Шенгавита, Шреш-блур, Мохра-блур, позднюю группу кироваканских поселений следует датировать средним энеолитом, 3-им слоем Шенгавита (2 этап)—серединой III тыс. до н. э. Стратиграфический материал Шенгавита служит нам основанием для отрицания высказывания авторов о принадлежности нижнего слоя Шенгавита к энеолиту, а трех верхних слоев к «ранней бронзе».

Тем не менее, до наших раскопок, изучение энеолитических памятников Армении и их исследование, за исключением Шенгавита, не шло дальше шурфовых раскопок. Оставался невыясненным ряд вопросов для полной истории энеолита. Археологам не удавалось даже уяснить причину различия, характерной для энеолитической культуры керамики поселений Шреш-блур, Такавораниста, Франганоца, Арагаца (Хзнауза). Частичные раскопки, производившиеся узкими шурфами, на небольших участках, по отдельным поселениям не позволяли пополнить изучение энеолитических памятников. Необходи-

но было выяснить другой, не менее важный вопрос—абсолютный возраст шенгавитских родовых поселений и жилищ, и энеолита Армении. Анализ и комплексное изучение археологических находок энеолитического периода, их систематизация и учет стратиграфических данных отметили хронологическое развитие ее керамики²⁶.

Выяснилось, что каждая ступень развития возникла в разное время, это легло в основу обстоятельного исследования периодизации энеолитической культуры Армении и одновременно явилось главной темой настоящей работы.

Поселения энеолита Армении, после раскопок, произведенных Е. Лалаяном и Е. Байбуртяном, долгое время не изучались. Систематическое исследование и раскопки энеолита Армении мы начали с 1943 г., обследовав всю Арагатскую равнину (1943—1970 гг.) от реки Аракса до вершины Арагаца, от Ахуряна до Раздана, и все пространство между рекой Гарни и Гегамскими горами. Мы производили раскопки в ряде поселений энеолита: Мохра-блуре, Кхзьяк-блуре, Маштоц-блуре, Ахвесибнере, Шреш-блуре, Франганоце, Сев-блуре, Ахтамуре, в Гарнийской крепости и др.

До наших раскопок историческое время открытий различных энеолитических поселений не было определено. Значение наших исследований заключается еще и в том, что впервые осуществив их на большой территории, мы подвергли сравнительному исследованию находки, обнаруженные в разных районах Армении, пытаясь дать периодизацию памятников медного века Армении. Наши последние раскопки открыли раннюю, среднюю и позднюю культуру энеолитических поселений, относящуюся ко времени, с конца IV тысячелетия до начала II тысячелетия до н. э., тесно связанную с поселениями позднего неолита Армении. Более полную картину этой культуры дало Шенгавитское поселение в г. Ереване.

На основании ряда археологических находок из древних поселений были установлены этапы развития культуры медного века Армении. Сопоставление новых находок Шенгавита с открытиями остальных энеолитических поселений Армении еще яснее определило возраст упомянутых памятников.

В 1958—1970 гг. в ходе наших раскопок на энеолитических поселениях Шенгавита были обнаружены крайне интересные и богатые материалы.

Поселение Шенгавита лежит в основе исследований энеолита Армении и имеет важное научное значение для аргументации зарождения на месте ранней металлургии, и существования непрерывной заселенности в эпоху энеолита.

Наши раскопки дали возможность, помимо периодизации этой древней культуры, увязать ее с культурой Передней Азии, по времени с конца IV тысячелетия до начала II тысячелетия до н. э.

Эта краткая характеристика энеолита Армении не была бы полной, если бы мы не проследили материалы Шенгавита, раскопанные в 1936—1938 гг. Е. Байбуртяном (Гос. исторический музей Армении), как и ряд других энеолитических материалов, извлеченных из Шреш-блуре и поселений Малаклу (Игдир).

Возникновение и развитие энеолита Армении нельзя рассматривать в отрыве от историко-культурных связей племен Армянского нагорья, Закавказья и Передней Азии. В настоящем создается возможность определить периоды истории каменного и медного веков Армении. Последние новейшие археологические находки стали полноценными источниками не только для истории Армении, благодаря им древнейшая культура Армении вошла во всеобщую историю.

²⁶ С. А. Сардарян, Первобытное общество в Армении, 1967, стр. 161—258.

ЧАСТЬ II

ДРЕВНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК (ПАЛЕОЛИТ) В АРМЕНИИ

Глава первая

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ АРМЕНИИ В ДРЕВНЕЙШУЮ ЭПОХУ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В этой главе дана краткая характеристика географической среды и геологических условий четвертичного периода Армении.

Естественная географическая среда, в которой находился человек эпохи палеолита, в первоначальной стадии истории общества, при наличии примитивнейшей техники должна была оказать определенное, но не решающее влияние на человека.

Первобытный человек намного больше испытывал влияние географической среды, особенно, в эпоху четвертичного периода, когда большая часть земного шара претерпевала значительные климатические изменения.

На Армянском нагорье для существования первобытного человека имелись благоприятные естественные условия. Более того, факты заставляют признать, что Армения являлась одним из тех районов земного шара, где протекал процесс зарождения человека уже с конца третичного периода—с верхней фации плиоцена и начала четвертичного периода. Об этом свидетельствуют как результаты геологических изысканий в Армении, так и палеонтологические палеоботанические материалы, собранные в большом количестве на территории Армянской ССР и самые ранние шелльские и ашельские орудия.

По геологическим данным ранний период кайнозойской эры Армянского нагорья представляет следующую картину: в

миоценовых отложениях обнаружены «чешуи рыб, принадлежащих к семейству сельди», в суглинках—растительные остатки, преимущественно остатки листьев, а в известняках—богатая фауна.

Кайнозойская эра отмечена несколькими этапами развития озерных и пресноводных фаций, которые охватывали период от нижнего плиоцена до плейстоцена включительно.

Встречающуюся в отложениях Мегринского района фауну, а также флору, в которой характерны виды, переходящие от вечнозеленых к лиственным, нужно отнести к возрасту нижнего плиоцена.

В вулканических отложениях среднего бассейна рек Раздан (Зангу) и Азат (Гарни) встречаются образцы флоры, относящиеся к возрасту среднего плиоцена.

К верхнему плиоцену относятся также пресноводные озерные отложения в окрестностях Еревана и близ селений Нурнус и Теджабак. Верхние пласты отложений у с. Нурнус состоят из белых диатомитов, лежащих на пластах андезита. В этих диатомитовых отложениях найдены остатки ископаемой фауны. Среди них найдены части скелетов предка древней лошади (гиппархон), этрусского носорога, древнейшего слона и других животных, которые могли существовать лишь в условиях тропического и субтропического климата.

Присутствие гиппариона в составе перечисленной фауны показывает, что эта группа диатомита относится к верхнему плиоцену (ко временам доминдельской фазы), что подтверждается также данными микропалеоботанического исследования.

Аналогичную стратиграфическую картину имеет также диатомит верхнеплиоценового возраста в окрестностях с. Теджабак, где найдены скелеты рыб.

К возрасту нижнего плейстоцена относятся пласты Сисианского диатомита, содержащие богатую флору четвертичного периода.

Возникновение более молодых пресных вод среднего плейстоцена доказывается диатомитовыми глинами селений Базарчай (в Сисиане) и Арзни, которые лежат на отложениях лавы четвертичного периода и содержат в малом количестве отпечатки листьев.

Возрастом среднего плейстоцена определяются также озерные отложения Ленинакана (Казачий пост), в верхних слоях которых встречается богатая фауна ископаемых млекопитающих: слон (*Elephas trogontherii*), носорог (*Rhinoceros Mercki*), первобытная лошадь (*Equus stenonis*), верблюд (*Camelus knoblochi* Nehr), бык (*Bos primigenus*) и олень (*cervus* sp.). Вся эта фауна относится к миндельской и миндельрисской фазе.

При исследовании старого русла реки Аракс выяснилось, что на Араратской долине были озерные островки, на которых вырастала пресноводная флора—лиственный лес той же фазы. Остатки последней встречаются также у с. Новрузлу и на возвышенностях, прилегающих к Араратской долине, в прошлом являвшейся обширным озером. К этому же времени относятся палеонтологические находки у с. Эйлас (в 12 км от Еревана). В нижнем слое толщи эйласского озерного песка встречаются следы ископаемого быка (*Bos trochoceros* Meyer) и слона (*Elephas trogontherii*). К верхнему четвертичному периоду относится фауна Севанского бассейна—бык (*Bison Bonasus*), олень (*cervus elaphus*).¹

К этому же времени относится скелет благородного оленя и кости человеческого черепа (*Homo sapiens fassieis*), обнаруженные под туфовыми пластами в юго-восточной части Еревана.

В конце четвертичного периода мамонт и носорог в Армении уже не встречаются.

Наукой установлено, что во второй половине четвертичного периода (плейстоцена) Армения пережила два больших этапа оледенения—рисский и вюрмский.

Следы этих оледенений подтверждены на Арарате, Арагаце и в Гегамских горах. Помимо этих гор, многие вершины и местности горных цепей Армении также носят на себе ясные следы того же оледенения.

Ледяной покров горного массива Арагаца спускался до 2200 метров.

При максимальном вюрмском оледенении предел льда на

¹ Л. А. Авакян, Четвертичные ископаемые млекопитающие Армении, 1959.

Гегамской возвышенности (бассейн Севанского озера, уровень воды на высоте 1925 м.) был на высоте около 2800 метров, что представлено боковыми и нижними моренами, моренными покровами и соответствующими рельефами.

Однако гораздо лучше изучен массив горы Арагац (высшая точка 4095 м.), который при риссе был покрыт сплошным льдом, местами спускавшимся до 2200 метров. При вюрме же сплошной ледник охватывал лишь вершинную зону массива и оттуда по всем главным ущельям, во все стороны, спускались довольно большие ледники.

При рисском оледенении в Армении возник холодный и сырой климат; появились животные, приспособившиеся к умеренному и холодному климату, а именно: мамонт, косматый носорог, пещерный медведь, гигантский олень, дикий бык и т. д.

Глава вторая

РАННИЙ ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК (НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ) А. ШЕЛЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Шелльские каменные орудия. Древнейший период человеческой истории называется ранним или нижним палеолитом. Человек впервые использовал случайные грубые, необработанные, заостренные куски камня и простые деревянные палки. С течением времени человек начинает сознательно изготавливать орудия из камня. На территории Армении эти древнейшие остатки человеческой культуры первой ступени нижнего палеолита, шелльской эпохи,—каменные орудия шелльского типа—были впервые обнаружены в 1943—1945 гг. на юго-западных склонах горы Арагац, в стоянках горы Артин—Сатани-дар, Арегуни и Южных холмов².

Склоны горы Артин очень интересны не только своими третичными отложениями, но преимущественно тем, что на них сохранились богатые остатки самой ранней палеолитической культуры. На склонах Сатани-дар, покрытых большим

² С. А. Сардарян, Палеолит в Армении, Ереван, 1954, стр. 43—52.

количеством обсидиана (вулканического стекла) олигоценного возраста найдены обработанные человеком грубые каменные орудия, ручные рубила, которые относятся к шелльской эпохе нижнего палеолита.

В стоянке Сатани-дар, расположенной на северо-восточном склоне горы Артин, обнаружены в большом количестве отлично обработанные орудия самого раннего или нижнего палеолита. Эти орудия по своим формам и технике изготовления присущи как шелльской, так и ашелльской эпохе. Они изготовлены из обсидиана и диабаз.

Среди каменных орудий нижнего палеолита стоянок Сатани-дара и соседних местностей встречаются большей частью законченные ручные рубила с двусторонней оббивкой, неопределенной формы отщепы, грубые рубящие орудия, острокопечники, скребла, скобели, диски, в большом количестве пластины клетонского типа и другие. Армянское нагорье—система Арагаца, стоянки среднего течения реки Раздан и другие районы, богатые обсидианом—Сисиан, Гехагмаган (Агмаган), г. Арарат, Нех-Масик (Сипан) Бюракан и другие—по богатству обсидиановых рудников, их качеству и удобству местности (для охоты и использования воды) были наилучшими местами обитания палеолитического человека в течение всего четвертичного периода.

Шелльские ручные рубила. Наиболее характерным и хорошо изученным каменным орудием шелльской эпохи в Армении является ручное рубило с двусторонней обработкой. В основе изготовления шелльского ручного рубила лежит двусторонняя оббивка желваков, благодаря чему это массивное орудие приобретает весьма определенную целесообразную форму: один конец рубила острый, другой—толстый, тупой, а необработанная часть пятки служит рукояткой (обух). Один продолговатый выгнутый край ручного рубила оформлен, округлен, в средней части выпуклый, а другой—продолговатый профильный край—путем систематического скалывания легкими ударами отточился и получил вид зигзагообразного режущего лезвия. Нижняя тупая сторона (обух) заканчивается круглой, широкой, ровной площадкой и массивной пяткой.

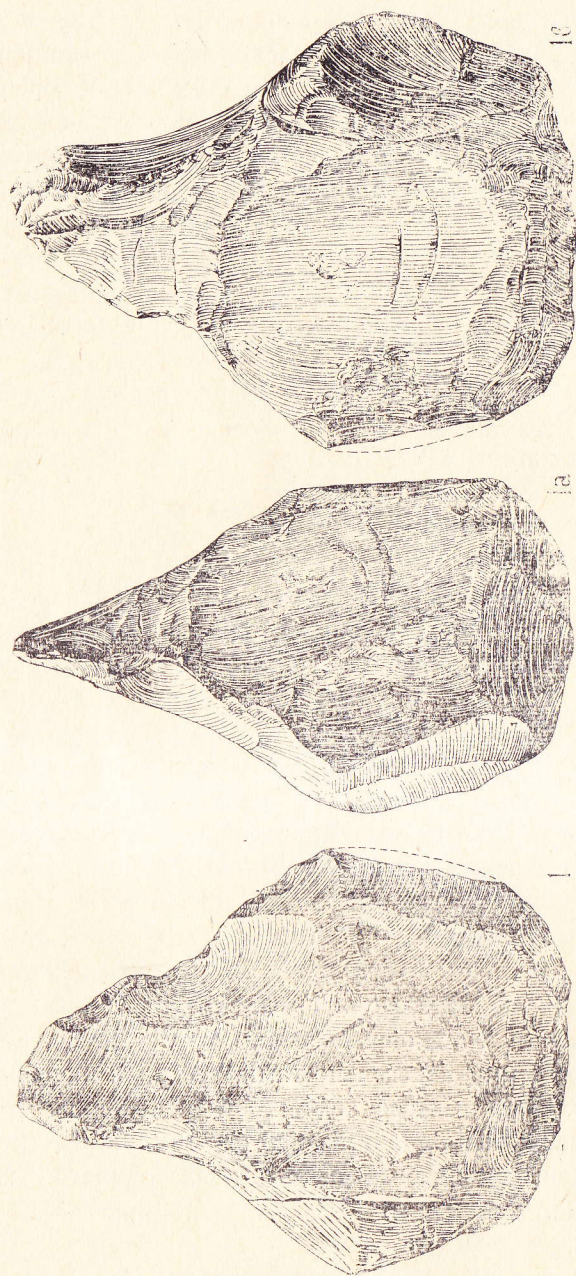
Рукоятка (обух) шелльского рубила составляет более чем две трети всего орудия.

Возраст шелльской культуры определяется ранними четвертичными отложениями. Шелльские ручные рубила устойчивой формы, несомненно, являются наиболее ранними орудиями производства и бывают валунообразными, грушевидными (табл I), овальными и миндалевидными. С шелльскими орудиями первобытный человек вступил в начальный период развития первобытно-общинного строя. Эти орудия являются первым достоверным свидетельством того, что в геологический ранний четвертичный период в Армении обитал человек³.

Таким образом, пояс, где возник и развивался человек, охватывает и Армению.

Шелльские сопровождающие орудия. В ранних четвертичных отложениях стоянки-мастерской Сатани-дар в Армении вместе с шелльскими ручными рубилами найдено много орудий из грубообработанных массивных кусков, изготовленных из цельных бесформенных желваков обсидиана грубой оббивки. На последних отчетливо видны следы намеренных ударов и употребления, остальная поверхность камня имеет естественную корку. Это самые древние орудия, изготовленные руками человека, которые сопровождали шелльские ручные рубила. Поэтому в археологии они так и называются сопровождающими шелльскими ручными рубилами—орудиями из мелких кусков. Эти орудия имеют архаический вид, случайные очертания, продолговатую форму; некоторые из них имеют форму треугольника или неправильного многоугольника. Один край у них режущий острый, а другой—тупой, приспособленный для держания орудия в руках. Значительная древность этих орудий характеризуется также очень густой патиной серого тусклого цвета и выветриванием. Орудия эти служили, вероятно, примитивными ножами, грубыми скребками, скобелями, примитивными сверлами, острокопечниками, проколками, дисковидными орудиями и др. В Армении в этих отложениях найдены также остатки животных раннего четвертичного периода.

³ С. А. Сардарян, Палеолит в Армении, Ереван, 1954, стр. 52—72.

Ручное рубило шелльского типа, обсидиан, из стоянки Сатани-дара, 1/2 натуральной величины.

Приблизительно к этому же времени относится найденная неподалеку от палеолитической стоянки Арзни в диатомитах Нурнуса фауна—древний слон, этрусский носорог, гиппарион.

Рубила и сопровождающие орудия Сатани-дар горы Артин по форме, количеству и технике обработки относятся к лучшим образцам шелльских орудий нижнего палеолита Европы и Азии и стоят в ряду первоклассных памятников, известных науке. Палеолитическая стоянка Сатани-дар заслуживает еще большего внимания также в силу своего географического положения, так как являлась связующим звеном между первобытной культурой Передней Азии и культурой палеолита Южной Азии, Средиземноморья, Черноморского побережья и Западной Европы.

Геологические данные, палеонтологические и палеоботанические остатки, обнаруженные в ряде районов Армении, относящиеся к концу третичного и началу четвертичного периодов, позволяют сказать, что Армения была одним из районов, где шел процесс возникновения человека. Изучаемый материал, несомненно, подтверждает факт чрезвычайно ранней обитаемости Армянского нагорья уже с начала четвертичного периода—зари истории человечества.

Б. АШЕЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Ашельские каменные орудия. Ашельские орудия представляют дальнейшее развитие и продолжение шелльских орудий. В Армении к этому времени относятся стоянки нижнего палеолита—Сатани-дар, Арегуни и Южного-холма, стоянка в среднем течении Раздана⁴ в Арзни (терраса в 80 м. на реке Раздан), Чаткеране, Аширабате, Нурнусе, Лусаване, Джрабере, Фонгане и стоянка Красносельского района. На всем протяжении ущелья в среднем течении реки Раздан находятся богатые обсидиановые рудники, в которых обнаружены более развитые ручные рубила с двусторонней оббивкой и орудия из отщепов ашельского типа.

Ашельские ручные рубила. Дальнейшее развитие труда в ашельский период находит отражение в усовершенствовании

⁴ С. А. Сардарян, Палеолит в Армении, 1954, стр. 72—100.

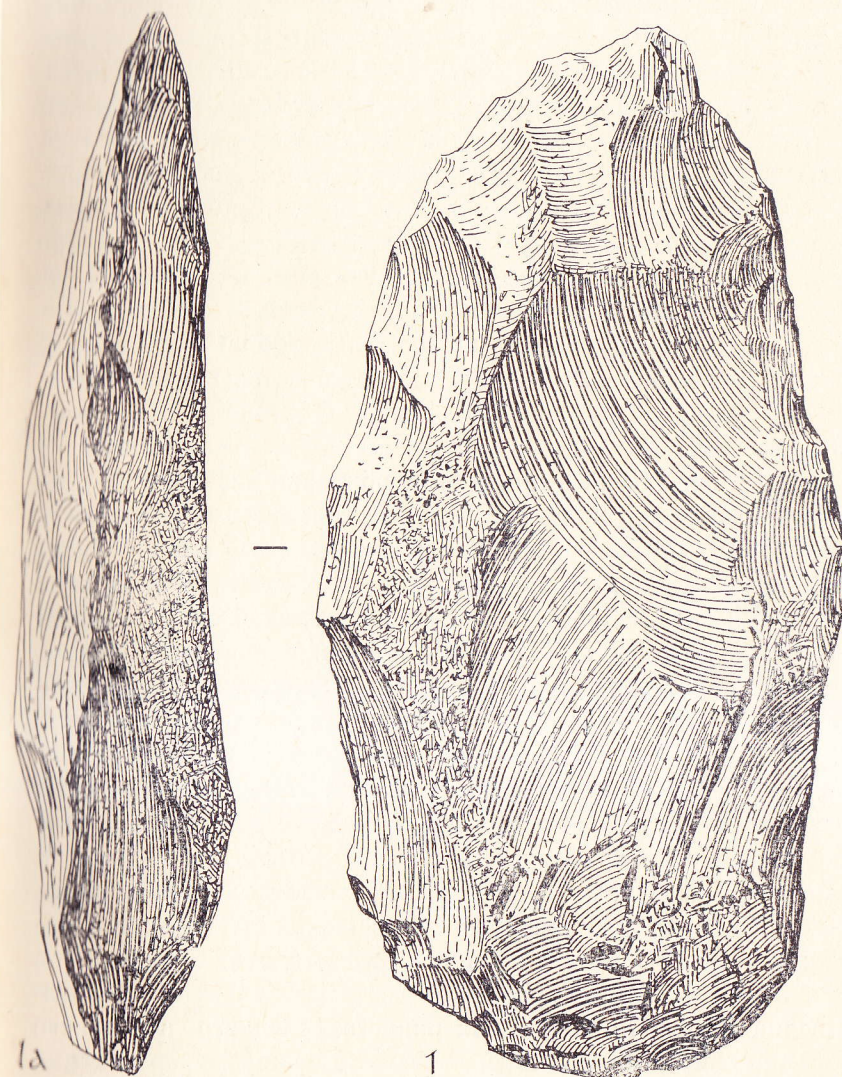
каменных орудий и в технике их изготовления; повсюду, где встречаются грубые шелльские орудия, их сменяют тщательно и искусно изготовленные ашельские орудия. Основным типом ашельских орудий остается ручное рубило с двусторонней оббивкой (табл. II). Ашельское рубило отличается от шелльского прежде всего правильным миндалевидным, овальным, дисковидным или треугольным очертанием. Два длинных профильных режущих лезвия ашельских рубил прямые и острые. Ручное рубило, значительно уменьшенное, имеет тонкую исчезнувшую пятку, обработано более тщательно и мастерски. Благодаря тщательной и утонченной обработке ашельское ручное рубило получило режущее свойство. Ручное рубило, как наиболее характерное орудие нижнего палеолита, в ашельскую эпоху встречается в большом количестве. Среди каменных орудий во всем нижнем палеолите его принято считать наиболее распространенным и ярко выраженным типом.

Орудия типа клетон и леваллуа. Еще более совершенствуются формы орудий, изготовленные из отщепов и мелких кусков с двусторонней или односторонней оббивкой. Ашельские ручные рубила с двусторонней оббивкой сопровождали остроконечники, скребла, скобели, режущие ножи, сверла, дисковидные орудия типа клетон и леваллуа, которые употреблялись в быту для обработки дерева и шкур. От ручного рубила их отличает примитивность обработки.

Ашельские орудия изготовлены не только из обсидиана, но также из диабазы и дацита. На них, в особенности на рабочих краях, заметна дальнейшая дополнительная обработка. В позднеашельскую эпоху встречаются тщательно изготовленные орудия, имеющие прямые правильные очертания.

Раннеашельским орудиям присуща темная, черно-бархатная густая патина, а патина позднеашельских орудий менее густая, хотя полностью покрывает естественный цвет камня.

Комплекс ашельских орудий горы Артин содержит в большом количестве отлично обработанные ручные рубила и орудия из отщепов, которые представляют два периода ашельской эпохи—ранний и поздний ашель. Среди них встречаются многообразные, но характерные формы. Соответствующая обработка этих разных форм, несомненно, свидетельствует о новой специализации орудий и высокой технике их из-

Ручное рубило ашельского типа, дацит, из стоянки Джраберда, 2/3 натуральной величины.

готовления, связанных с усложнением хозяйственной деятельности древнейших обитателей Армении.

Ашельские ручные рубила Сатани-дар горы Артин по форме и технике обработки принадлежат к числу наилучших и наиболее характерных образцов ашельских ручных рубил того же периода, известных археологии.

В конце ашеля двусторонняя обработка срудий резко ограничивается, так как производство требовало новых видов орудий и нового способа их обработки, что нашло свое четкое отражение в орудиях типа леваллуа. На них ясно видны следы перехода к следующей эпохе—мустьерской технике. Мелкие орудия типа клектон, сопровождающие ашельское ручное рубило, также постепенно совершенствуются.

Ашельские орудия—сотни тщательно обработанных ручных рубил, найденных в большом количестве в Сатани-дар, Арзни, Нурнусе, Джрабере, Лусаване, Фонтане и других местах—показывают, что палеолитические стоянки Армении в течение тысячелетий были местом обитания первобытного человека. Периоду ашельской культуры присуща теплолюбивая фауна нижней четвертичной миндель-рисской, частично миндельской фазы, т. е. к ашельской эпохе нижнего палеолита относятся богатые остатки ископаемых млекопитающих (слон трогонтерий, носорог Мерка, первобытная лошадь, верблюды, олень, ископаемый бык), найденные в Лениакане. Приблизительно к тому же возрасту относится фауна, найденная между селами Енгиджа и Эйлас, южнее Еревана (слон трогонтерий, олень), а также остатки слона трогонтерия, найденные близ деревни Геташен (Агджагшлаг), южнее Кармир-блур.

В результате работ, произведенных в последние годы в западной части Армянского нагорья, в небольшом количестве был обнаружен очень важный для решения этого вопроса материал—ашельские орудия нижнего палеолита, найденные в горах Суйсуз около Карса⁵. Эти места находятся в непосредственной близости от стоянок раннего, среднего и позднего палеолита восточной части Армянского нагорья—горы Артин, юго-запада Арагаца, Арзни, Нурнуса, Джрабера, по среднему течению Раздана и др.

⁵ К. K kten, Karsin tarih  ncesi hakkında ilk kısa rapor. T rk tarih kurumu Belleten, cilt VII, Ankara, 1943, S. 602, 606, 608, 611.

Возможно, что низменность, по которой протекает река Арацани (долины Харберда, Булануха, Муша и Алашкерта), облегчала сообщение между югом и севером.

Если учесть, что горный хребет армянского Тавра также не мог служить непреодолимым препятствием для сообщения с югом, то значение этого естественного коридора еще более возрастает. Вполне приемлемо, что в ранний четвертичный период здесь обитал человек. Не исключено, что в долине Арацани в начале четвертичного периода были вполне благоприятные условия для постоянного жительства человека. Важно и то, что в верхнем течении реки Арацани,—в долине Вагреванда (Алашкерта),—было много удобных дорог, идущих к долине Аракса на Араратскую равнину, к горе Арагац, расположенных в границах переднеазиатского ареала⁶.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ (МУСТЬЕРСКАЯ ЭПОХА)

Мустьерские каменные орудия. Следы мустьерской культуры в Армении известны в ряде палеолитических стоянок⁷. Местами, где отмечен наиболее богатый комплекс мустьерских орудий, являются стоянки на горе Артин (Сатани-дар, Арегун и Южного холма), стоянки в среднем течении реки Раздан, Арзни, Нурнус, Джрабер, Лусаван, Фонтан, Тачарабак (Тежрабак), Чаткеран, Аргел, Каклик (Ноемберян) и Пемзашен (Артик). В Армении мустьерские орудия найдены вместе с ашельскими.

Орудия из расколотого, но обработанного обсидиана, встречающиеся в ранних слоях стоянок горы Артин и среднего течения Раздана, изготовлены из небольших отщепов с искусственно заостренной рабочей частью. К более позднему периоду относятся следы человеческой культуры в стоянках Арегун и Южных холмов.

Многочисленные находки, залегающие в слоях большой толщины, показывают, что стоянками пользовались многие поколения первобытных людей. По сравнению с древнейшим периодом истории человеческого общества эти стоянки дос-

⁶ Б. Данциг, Турция, М., 1949, стр. 113; А. А. Стоянов, Отчет о геологических исследованиях, произведенных летом 1917 г. в Турецкой Армении. Изв. геол. комитета, т. 37, № 1, 1918 г., стр. 337.

⁷ С. А. Сардарян, Палеолит в Армении, 1954, стр. 103—123.

тигли значительных успехов; заметно усовершенствовались орудия труда, изменилась техника их изготовления. Прежние ручные рубила, изготовленные из желваков, с двусторонней оббивкой хотя и встречаются в мустьерской культуре, но такая устаревшая техника двусторонней обработки камня была уже непригодна для изготовления остроконечников, скребков и тонкорезущих и скоблящих орудий. И поэтому ручные рубила с двусторонней оббивкой заменяются орудиями с односторонней оббивкой, что достигается путем скалывания от пластин дисковидного нуклеуса. Края пластин путем отжимания подвергнуты дополнительной ретуши. Хотя ручные рубила, в основном, сохраняют свою старую форму, но уменьшаются и приобретают второстепенное значение, что свидетельствует об упадке техники двусторонней оббивки и необходимости постепенного отказа от рубила. Мустьерские орудия отличаются от ашельских совершенством исполнения, хорошо обработанными формами, а также цветом патины. Поверхность обсидиана имеет тусклый, неблестящий оттенок, на орудии не видна прежняя сильная дымчатость, что является результатом более кратковременного выветривания этих предметов. В мустьерской коллекции палеолитических стоянок Армении преобладают отщепы—тонкие пластины треугольной формы; человек переходит к более целесообразным формам обработки камня, появляется техника скалывания. Прежде ядрища (нуклеусы) имели неправильные очертания, между тем в мустьерский период обращается внимание на их специальное целесообразное оформление; нуклеусу придается вид диска, с помощью отбойника от обсидианового нуклеуса откалывают отдельные пластины. Нуклеусы мустьерского периода изготовлены из массивных кусков обсидиана, имеют крупные размеры и вид правильного, широкого, плоского диска: на них сохранились следы скалывания и употребления. Встречаются дисковидные нуклеусы с односторонней и двусторонней оббивкой. Отщепы отделены от нуклеусов большей частью с одной стороны. Сколы на поверхности широких плоских фасет идут в разных направлениях, со всех сторон (с краев к центру), образуя несколько наклонных плоскостей, которые составляют ударную площадку ядрища.

Особенностью палеолитических стоянок Армении является большое количество нуклеусов, что свидетельствует о продолжительности в этих стоянках техники обработки среднепалеолитических орудий.

Мустьерскому периоду присущи также продолговатые орудия из тонких пластин треугольной формы, отделенные от дисковидных нуклеусов, рабочие края (лезвия) которых заострились посредством отжимания костяным орудием и благодаря тонкой технике ретуши. Эта обработка имела большое значение при усовершенствовании техники скалывания обсидиана и кремня. Края пластин и грани спинки не параллельны друг другу, скрещиваются на концах, имея в основании большой выпуклый бугорок с ударной площадкой, что присуще мустьерской технике; некоторые пластины больших размеров близки по своей форме пластинам типа леваллуа, фасеты которых сходятся в центре спинки. В мустьерскую эпоху обеспечивается необходимая подготовка для изготовления орудий, более искусное получение правильных форм пластин и отщепов, чем это было в предшествующую, ашельскую эпоху. Неандертальский человек сейчас уже не пользуется готовыми, грубыми примитивными орудиями, изготовленными из бесформенных отщепов. Он изготавливает два характерных типа мустьерских орудий из сравнительно тонких пластин, отделенных от каменных дисковидных нуклеусов с помощью несравненно высокой техники обработки—остроконечника и скребла. Характер орудий мустьерской эпохи существенно меняется, формы их становятся не только устойчивыми и определенными, но и более дифференцируются.

Остроконечники приобретают форму продолговатого треугольного листа, края которых подвергаются мелкой, тонкой ретуши. Некоторые виды этих остроконечников с двусторонней оббивкой и более тонких и правильных маленьких ручных рубил служили уже универсальными режущими орудиями, а также наконечниками дротиков, предварительно закрепленных на деревянной рукоятке. Имеются наконечники дротиков, которые в мустьерский период являлись более усовершенствованными охотничьими орудиями. Они изготовлены из широких остроконечных обсидиановых пластин треугольной формы с односторонней обработкой. Один

бок у них гладкий, а другой—со стороны спинки—имеет ряд фасеток; они остроконечны, с широким основанием и выемкой для рукоятки. Некоторые остроконечники применялись в качестве сверла, простых проколов и долотьев.

Мустьерские ручные рубила имеют миндалевидную, овальную и треугольную формы. Они отличаются от ашельских своими малыми размерами, зигзагообразными острыми краями, острыми концами с мелкой ретушью, исчезнувшей пяткой, гладкой поверхностью, ассиметричным поперечным сечением и т. д. Мустьерское рубило утратило прежнюю роль и значение рубящего и скалывающего орудия, приобрело режущую и прокалывающую функцию, служа теперь остроконечником. Среди них особенно отличаются продолговатые, овальные мустьерские скребла и скобели; орудия обработаны с одной стороны путем отжима, а рабочее лезвие имеет зубчатую ретушь. Тупой кривой край обработан таким образом, чтобы человек мог во время резания опираться пальцами о спинку. Мустьерские скребла отличаются по форме и характеру. Большая часть их является скреблами для резания и скобления дерева и кости, остальные—скобели для сдирания шкуры убитого животного и резания мяса. Требовались также специальные режущие и скобящие орудия из ножевидных пластин.

Небольшим орудиям мустьерского периода в Армении с односторонней оббивкой, по сравнению с предшествующей эпохой, присущи также многообразие и многочисленность, несмотря на то что в них сохранены еще примитивные очертания. Мустьерские орудия с односторонней обработкой подвергались такой же эволюции, как и ручные рубила. Некоторые их виды великолепно обработаны, что свидетельствует о постепенном развитии более усовершенствованных орудий мустьерской эпохи. Возникновение этой новой техники обработки камня в среднем палеолите подготавливает последующий переход к развитой технике верхнего палеолита. В наиболее ранних изделиях среднего палеолита Армении продолжает существовать традиция ашельской техники, а именно—более примитивная обработка орудий, большие размеры их, двусторонняя оббивка рубил и дисковидных орудий, что напоминает соответствующие формы позднего ашеля, этим определяется более

ранний мустьерский возраст данной коллекции. Комплексу мустьерского материала палеолитических стоянок Армении присущи также хорошо обработанные усовершенствованные отщепы, которые встречаются вместе с маленькими рубилами с двусторонней оббивкой и дисковидными орудиями.

Некоторые части позднеашельской техники стоянок горы Артин и среднего течения реки Раздан сохранились в части мустьерского материала, что нашло отражение, в особенности, в связи и сходности ручных рубил с двусторонней оббивкой и дисковидных орудий. Эта связь с позднеашельскими орудиями свидетельствует о близости возраста позднеашельского и раннемустерского комплексов Армении. Они позволяют датировать раннюю группу указанных комплексов стоянок горы Артин и среднего течения реки Раздан временем раннего мустье. Вместе с раннемустерскими орудиями, найденными в стоянках горы Артин и среднего течения реки Раздан, в значительном количестве обнаружены также тонкие и хорошо обработанные орудия, в частности остроконечники и скребла, характерные для позднего или развитого мустье.

Эти хорошо обработанные обсидановые мустьерские орудия, в большом количестве изготовленные из дисковидных нуклеусов, встречаются с пластинами и с такими типами орудий, которые характерны для следующей стадии палеолита. Они указывают на значительное усложнение культуры в период позднего мустье, свидетельствуя о том, что среди мустьерских охотничьих групп Армении начинает проявляться хозяйственная деятельность, благодаря которой становятся понятными возникновение и дальнейшее развитие культуры верхнего палеолита. Мустьерская культура распространилась не только в прежних стоянках—шельских и ашельских, но и на более обширной территории. Подобные находки обнаружены также по течению реки Раздан—в окрестностях Нурнуса, в Джрабере, Фонтане и других местах, где мустьерские орудия найдены вместе с остатками плейстоценовой фауны.

В Западной Армении также найдены остатки нескольких стоянок, вместе с характерными каменными орудиями, которые относятся к мустьерскому периоду палеолита. На севере Армянского Тавра—в двух пунктах долины реки Арацани, левого притока Евфрата, в Элазике (район Малатии) и Лизе

близ горы Буланух обнаружены леваллуа-мустьерские орудия.

Изучение стоянок среднего палеолита горы Артин показало, что люди продолжали жить здесь и в среднем палеолите.

Памятники мустьерской эпохи вместе с многочисленными фактами, дополняющими друг друга, в Армении представлены шире, чем материал предыдущих эпох. Орудия этого периода позволяют сделать более обоснованные выводы о главных чертах общественной жизни людей мустьерской эпохи. Изучение позднемустьерских орудий Армении показывает не только усложнение труда неандертальского человека, но и делает очевидным ту близкую связь и непосредственную последовательность, которая существует между средним и верхним палеолитом.

ПОЗДНИЙ ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК (ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ)

Орудия труда верхнего палеолита. Остатки стоянок верхнего палеолита в последние два десятилетия обнаружены также в нескольких районах Армении. Культура позднего периода древнего каменного века—места обитания человека верхнего палеолита вместе с каменными орудиями—обнаружена в стоянках той же горы Артин, Сатани-дар, Южных холмов и Арегуни и по среднему течению реки Раздан—Арзни, Нурнусе, Чаткеране, Тачарабаке (Тежирабаке), Аширабате, Джрабере, Фонтане, Лусаване и других местах, т. е. в стоянках предшествующего нижнего и среднего палеолита. Это обстоятельство свидетельствует о существовании в Армении всей эпохи палеолита и всех его этапов и неоспоримо доказывает факт постоянного обитания первобытного человека на Армянском нагорье⁹. Палеолитические стоянки Армении ныне получили признание. На горе Артин находится известная в СССР и Западной Европе палеолитическая стоянка Сатани-дар¹⁰. Кроме указанных стоянок верхнего палеолита, в среднем течении реки Раздан известны также многочисленные пещеры

⁹ С. А. Сардарян, Палеолит в Армении, стр. 127—168.

¹⁰ Всемирная история, т. 1, 1955, стр. 50—53.

со следами человека верхнего палеолита. Стоянки верхнего палеолита обнаружены также в селе Дзорашен Агинского района. Особенно интересны пещерные стоянки, находящиеся на территории сел Сабунчи и Мастара Талинского района, где выявлены остатки древних стоянок с каменными орудиями. Пещерные стоянки позднего палеолита имеются также на территории села Арег, в ущелье Арзни, которые, однако, стали обитаемыми в верхнем палеолите.

Культура позднего четвертичного периода или археологически-верхнего палеолита Армении также представлена богатыми комплексами. Характерные орудия этого периода уже не имеют прежней универсальности. Каждое орудие приспособлено для определенного вида работ—для обработки кости, дерева и шкур. Материалом для изготовления орудий в верхнем палеолите Армении также служили обсидиан и частично дацит. Очень важной особенностью дальнейшего развития культуры верхнего палеолита является распространение новой, более усовершенствованной техники обработки каменных орудий. В верхнем палеолите происходит дифференциация орудий производства, связанная с новой техникой обработки камня и кости.

Вместо скребел и остроконечников, изготавливаемых в среднем палеолите из грубых пластин дисковидных массивных нуклеусов, которые уже не могли удовлетворять новым потребностям, начинают изготавливаться орудия нового типа. В верхнем палеолите, изготавливаются небольшие орудия из тонких пластин, которые отделяются от призматических нуклеусов. Из крупного массивного обсидианового желвака получали продолговатый нуклеус пирамидальной формы с заостренным концом или формы правильной призмы, с двумя широкими концами, ровной ударной площадкой под прямым углом. С этих площадок по направлению боковых плоскостей резкими ударами, равномерным скалыванием отделяли прямые удлиненные узкие, ножевидные пластины, из которых в дальнейшем в результате отжимания, тонкой ретуши и детальной обработки, заостряя рабочий край, изготавливали разнообразные орудия. На нуклеусах сохранились следы отделенных пластин. Наличие большого количества нуклеусов в палеолитических стоянках Армении является явным доказательством того, что

эти стоянки были стоянками-мастерскими человека верхнего палеолита. В верхнем палеолите пластина становится основным видом орудий. Из нее изготавливали ножи, наконечники копья и дротики, скребки, резцы, остроконечники, проколки и сверла. Если в предшествующую эпоху существовали две устойчивые формы каменных орудий—остроконечники и скребки, изготовленные из коротких, толстых и широких пластин среднего палеолита, то сейчас в распоряжении человека уже имелась целая коллекция специализированных и усовершенствованных каменных орудий; узкие и длинные пластины позволяли резко изменить и расширить коллекцию мелких орудий. На них уже заметно изменение техники скалывания. Орудия из мелких пластин употреблялись для изготовления мелких костяных орудий.

Орудия ориньякской культуры стоянок верхнего палеолита Армении своей формой связаны с последним этапом мустьерской эпохи. Техника обработки орудий верхнего палеолита по сравнению с техникой среднего палеолита также меняется; более совершенствуется дополнительная подправка. В ориньякский период верхнего палеолита появляется более узкая продолговатая пластина с боковой ретушью, имеющая параллельные лезвия, а на спинке несколько фасет. Из таких пластин изготавливали концевые скребки, многообразие которых свидетельствует о том, что они являются важной новинкой этой эпохи. Путём подправки концов обсидиановые пластины превращаются в рабочие дугообразные лезвия. Некоторые из них являются косыми остроконечниками или боковыми скребками типа шательперон, а короткие и мелкие пластины использовались в качестве ножей. Из орудий этого периода также важны гравёрки, которые использовались для обработки орудий и других предметов из кости и рогов. Резцы изготовлены из длинных пластин и имеют на конце прямое лезвие с ретушью и режущую часть с изломом на боковом углу. В верхнем палеолите появляются новые типы специализированных орудий—скошенные боковые резцы употреблялись для скульптурных работ. Из крупных пластин также изготавливались ножи, орудия для гравировки. Некоторая часть пластин оформилась и получила вид листовидного наконечника копья, края которого тщательно обработаны ретушью. Встречаются

также орудия типа долота, остроконечники типа граветт, изготовленные из длинных узких пластин с боковой ретушью, с острым концом внизу и выемкой в форме рукоятки; остроконечники копья, охотничьи ножи и т. д.

В конце ориньякской эпохи в связи с развитием охоты преобладают более усовершенствованные орудия, которые появляются в большом количестве в следующей солютрейской эпохе. Имеются мелкие орудия в виде тонкого узкого миниатюрного ножа с тонкой ретушью. Такими орудиями геометрической формы «микролитского типа» были: мелкие ножи, сверла, остроконечники, проколки, употреблявшиеся для тонкой работы—гравировки, скульптуры и изготовления одежды. Они относятся к концу ориньяка.

Наконечники дротика с боковой выемкой изготовлены из пластин, лезвие обработано солютрейской ретушью. Всему комплексу этого ориньякского типа палеолитических стоянок Армении присуща массивность резцов. Эти многочисленные и многообразные орудия ориньякского времени указывают на определенное развитие первобытного человека. Уже «ископаемый разумный человек» верхнего палеолита, занимающийся охотой, изготавливает не только орудия для гравировки, скребла, скобели и проколки, но и другие охотничьи орудия, например копье и дротик. Древнейшие остатки орудий верхнего палеолита Армении совпадают по времени с периодом ориньяка.

Раннему ориньяку присущи остроконечники типа шательперон, а позднему ориньяку—орудия типа граветт—тонкие остроконечники с узкими краями, ладьевидные скребки.

Эти изменения были подготовлены всеми периодами предшествующих эпох. Еще в мустьерскую эпоху встречаются зачатки этих изменений, получившие развитие в верхнем палеолите. Основными орудиями верхнего палеолита остаются ретушированные пластины с режущим лезвием и скребла разных типов, которые выполняли ту же функцию, что и мустьерские скребла. В верхнем палеолите они изготавливались из узких пластин и массивных нуклеусов. Значительным изменениям подверглись режущие лезвия орудий, остроконечники и резцы, они имеют более широкое применение, что было связано с потребностями более развитой хозяйственной деятельности

верхнего палеолита. Это приводило к многообразию и количественному преобладанию тонких режущих и колющих орудий.

В процессе развития техники верхнего палеолита в Армении за ориньякской эпохой *следует солютрейская эпоха*, которая по технике обработки каменных орудий мало чем отличается от ориньякской. Эта техника значительно совершенствуется и улучшается, вступая в новую фазу развития. В эту эпоху прекрасно обрабатывается не только край орудия, но и его широкая поверхность. С поверхности орудия посредством отжимания отделяют очень тонкие мелкие чешуйки, на месте которых по всей поверхности орудия остаются неглубокие ямочки. Солютрейским орудиям присущи остроконечники и наконечники дротика с боковой выемкой, поверхность которых с двух сторон обработана солютрейской ретушью. Солютрейская техника достигает высокого совершенства. Наконечники копья и дротика имеют форму лаврового листа; они прикреплялись к рукоятке и служили охотничьим оружием. Вся поверхность обработана тонкой ретушью посредством отжимания с двух сторон. Солютрейской эпохе также присущи обух дротика и наконечники копья с боковой выемкой. Кроме этих форм, имеются также и другие, относящиеся к группе резцов, остроконечников, сверл, скребков и гравированных орудий. Они отличаются от орудий предшествующего периода прямыми очертаниями и более совершенной обработкой.

Мадленская эпоха является дальнейшим развитием предыдущей, солютрейской эпохи. Ее культура распространена в более широких масштабах. В мадленскую эпоху некоторые формы солютрейских орудий—наконечники дротиков в форме лаврового листа и наконечники дротиков с боковой выемкой—исчезают. В верхнепалеолитических стоянках Армении из орудий мадленской эпохи найдены красивые узкие, ножевидные пластины, очень тонко и тщательно обработанные, с острыми краями и параллельными гранями. Главными орудиями мадленской эпохи являются скобели, концевые скребки, резцы из пластин. Встречаются также тщательно изготовленные специальные мелкие орудия, употреблявшиеся для обработки дерева, шкур и кости. Найдены также каменные прокол-

ки, остроконечники, долота, сверла. Этим орудиям присуща блестящая поверхность, покрытая светлой патиной. Встречаются призматические и конусообразные нуклеусы с равной ударной площадкой, от которых отделены прямые пластины с параллельными гранями.

Формы и техника обработки вышеописанных орудий свидетельствуют об их позднем, верхнепалеолитическом возрасте. Типичные для верхнего палеолита нуклеусы, пластины, скребла, проколки, остроконечники разных видов—все изделия этой коллекции схожи с предметами раннего мадлена.

Этой коллекции раннемадленских предметов из стоянок верхнего палеолита Армении присуще количественное преобладание резцов, нуклеидных орудий и развитие микролитских форм. Подобные черты имеют и скобели, нуклеидные скребла, концевые скребла из широких пластин, проколки с небольшой выемкой по краям, остроконечники, вогнутые скребла.

Таким образом, позднюю группу коллекций палеолитических стоянок горы Артин в Армении—клинообразные перочинные ножи, орудия из коротких пластин, скребла малых размеров с ретушью, резцы и нуклеидные орудия следует отнести к мадленской эпохе. Патинизация этих орудий также определяет их возраст. Поверхность их подверглась более незначительным изменениям, нежели поверхность орудий древнейшего палеолита. Эти орудия верхнего палеолита по сравнению с орудиями древнего палеолита патинизированы слабее, а по сравнению с обсидиановыми орудиями раннего неолита более позднего периода—сильнее. Неолитические орудия отличаются от них сильным естественным блеском, черной поверхностью и почти полным отсутствием патины. К поздней группе верхнего палеолита горы Артин по времени близки стоянки среднего течения реки Раздан и найденные там каменные орудия. Верхний палеолит среднего течения реки Раздан также характеризуется нуклеидными орудиями с тонкой ретушью—скреблами, проколками, резцами и пластинами.

По классификации палеолита памятники верхнего палеолита Армении хронологически могут быть сопоставлены: первый—с ориньяком, второй—с солютре, третий—с мадленом.

Вышеуказанные наблюдения за памятниками верхнего

палеолита в Армении подтверждают факт обитания человека в Армении также на протяжении всего верхнего палеолита.

Остатки каменного века Армении дают возможность наметить не только отдельные этапы палеолита (средний, нижний, верхний), но также их подразделения.

Палеолит Армении приближается к культуре палеолита Южной Азии, Африки и Средней Европы, поскольку носители упомянутой ранней культуры находились на той же ступени палеолита, начиная с его раннего этапа. Орудия нижнего, среднего и верхнего палеолита, найденные в большом количестве в стоянках горы Артин и среднего течения реки Раздан как по своей первоклассной форме, так и по количеству являются самыми богатыми из известных материалов не только в Армении, но и во всей Передней Азии, и позволяют характеризовать всю эпоху каменного века.

Последние археологические находки в Армении дают полный комплекс древнего каменного века, отражая следы закономерного развития всех его этапов, которые подтверждаются также палеонтологическими и палеоботаническими находками во многих местах Армении.

Таким образом, Армения является одним из древнейших очагов человеческой культуры и связующим звеном между культурами палеолита Южной Азии, Средиземноморья, Средней Европы и Африки. Армения, бесспорно, была одной из колыбелей первобытного человека и его культуры.

ЧАСТЬ III

СРЕДНИЙ И НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК (МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ) В АРМЕНИИ

Глава первая

МЕЗОЛИТ В АРМЕНИИ

Азильская культура. Вместо характерных для верхнего палеолита многообразных форм и типов обсидиановых орудий больших размеров, широко распространяются стандартные мелкие формы, в том числе сегменты и остроконечники с дугообразной ретушью, а также мелкие круглые скребла. В культуре азильского человека происходили и другие изменения. Материалу пещерной культуры азильской эпохи придают геометрические формы микролитов из обсидиана, служивших лезвиями гарпунов и наконечниками дротиков и укреплявшихся на деревянном или костяном основании. Характерны также крупные сегментообразные грубые орудия: резцы, изготовленные из массивных широких пластин, остроконечники, скребла, отбойники, нуклеусы и другие.

Азильская культура впоследствии сменяется новой, более однообразной *тарденуазской культурой*. Изделия из обсидиана теперь заметно уменьшаются и получают наиболее характерную геометрическую форму микролитов. В Армении имеется ряд пещерных поселений этой эпохи (Талинский район), где открыты остатки культуры послеледникового периода. Важное значение в жизни древних охотников имело приручение собаки. Собака была первым прирученным животным, ее кости найдены в пещерах позднего мезолита Армении. Наиболее ранние сведения о собаках в Армении встречаются в наскаль-

ных изображениях Пайтасар-Налтапы (Агмаган), где вместе с людьми, оленями, козлами, дикими баранами изображены охотничьи собаки.

В эпоху мезолита из обсидиановых пластин изготавливали наконечники стрел нового типа с рукояткой, частично обработанные, с мелкой ретушью по краям. Такие наконечники имели важное значение, являясь особенностью культуры мезолитического человека. Подобными наконечниками стрел, скреблами, остроконечниками пользовались мезолитические племена Зага (Талинский район), от которых сохранились более ранние формы мезолитической культуры. Дальнейший этап освоения человеком Армянского нагорья в послеледниковый период отмечен рядом поселений—мезолитическими пещерными стоянками. К этому времени относится также стоянка холма Арегуни. Ее обитатели изготавливали орудия прежним, верхнепалеолитическим способом. У них появляются примитивные наконечники стрел, изготовленные из мелких обсидиановых пластин. На холме Арегуни горы Артин найдены стоянки позднего мезолита, в которых обнаружено значительное количество обработанных каменных орудий. Обитатели этих стоянок вели, подобно своим предкам, охотничий образ жизни. Каменные орудия были, как и прежде, разнообразными, но техника обработки камня подверглась существенному изменению. В эпоху мезолита мастера обладали искусством отделять от мелких, тонких, карандашевидных призматических нуклеусов длинные и узкие обсидиановые пластины с прямыми краями. Поэтому наконечники стрел у них были более совершенными, с точно симметричными острыми концами, напоминающими листья ивы.

Подобные поселения в пещерах открыты также недалеко от горы Артин. Характерные следы позднего мезолита дают нам стоянки холма Арегуни, горы Артин и пещеры, называемые Зага. Эти памятники мезолитической эпохи являются важным этапом в истории культуры обитателей Армянского нагорья. Именно в это время усложнилась техника, обогатились коллекции орудий труда и произошли существенные изменения в хозяйстве. Орудия труда стали обрабатываться двумя новыми способами. Мезолитические племена Армянского нагорья изготавливали обсидиановые орудия не только спосо-

ми, унаследованными от верхнего палеолита, т. е. из пластин, отделенных от призматических нуклеусов, но и широко использовали те специфические приемы, которые применялись для изготовления мелких обсидиановых орудий (микролитов) геометрической формы. Найдены обсидиановые вкладыши гарпунов, разделенные на части, наконечники дротиков и стрел. Орудия встречаются в форме обособленных скоплений, состоящих из небольшого числа предметов, что, вероятно, указывает на кочевой образ жизни обитателей Армянского нагорья. Племена более северных районов—стоянок горы Артин, известные по остаткам палеолитических поселений, продолжают существовать в мезолите и начале неолита.

Глава вторая

НЕОЛИТ В АРМЕНИИ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ НОВОГО КАМЕННОГО ВЕКА (НЕОЛИТА) АРМЕНИИ

Армянское нагорье в эпоху нового каменного века отличалось богатством растительного и животного мира. Здесь, по видимому, климат был более умеренным, влажным и теплым. Глубокие и полноводные реки и озера кишели рыбой. В послеледниковую эпоху в Армении господствовали два влажных климатических периода: первый—длился с начала мезолита до конца нового каменного века (12 000—4 000 л. до н. э.), второй—с конца раннего энеолита до конца позднего неолита, приблизительно 2 500—2 000 л. до н. э.

В связи с новыми природными условиями (изменение климата) и социально-экономическими сдвигами ко времени конца неолита и конца раннего энеолита, на всех холмовых поселениях, за исключением Шенгавита (где она продолжалась до конца энеолита) жизнь прекратилась, а в поселении Джеванатун-Блур, жизнь существовала и в бронзовом веке.

Там, где теперь пустынно, раньше были луга и леса: доныне и горы изобиловали козулями, муфлонами; стадами бродили предки современных оленей, серн и диких быков. На бере-

гах бесчисленных рек и озер люди занимались охотой—рыболовством и ловлей птиц.

Судя по многочисленным данным, на Араратской равнине и в ряде других мест первые поселения появились лишь тогда, когда люди добились полного усовершенствования техники нового каменного века и перешли к приручению животных и земледелию. Исследования показывают, что поселения нового каменного века Армении поначалу возникали исключительно по берегам рек и озер. После отступления северных ледников и вызванного им осушения климата, в конце неолита в поселениях занимающих болотистые места, влага начинает убывать и люди постепенно их покидают. Между тем в энеолитических поселениях—по берегам рек—жизнь продолжает существовать до конца раннего энеолита.

Поселения среднего и позднего энеолита уже строились не поблизости рек и озер, а в более неприступных местах—в предгорьях и на горах. Племена, обладающие имуществом, уже начинают укреплять свои поселения для защиты от неприятеля. Изображения животных и людей, покрывающие скалы обширных районов свидетельствуют о существовании летнего кочевого быта на древних пастбищах. Предполагается, что многочисленные стада домашних животных, передвигавшиеся по горным поясам Армении, начиная с конца нового каменного века, уничтожали на своем пути леса, остатки которых еще сохраняются на склонах Арагаца-Гегамских гор—в виде кустарников. Под копытами домашних животных сильно оскудел и переродился травяной покров земли.

До последнего времени новокаменный век (неолит) Армении оставался неизвестным. Еще не были уточнены место и время возникновения первых оседлых земледельческо-скотоводческих поселений на Армянском нагорье, сменивших кочевые стоянки собирателей, охотников и рыболовов раннего мезолита.

В настоящее время в Армении накопился значительный материал, относящийся к этой культуре, до некоторой степени определен ее ареал, уклад и продолжительность, возможность хронологического разделения ряда местных (локальных) групп.

Новый каменный век в археологии по праву считается

«неолитической революцией», завоевания которой имели громадное значение для последующего развития жизни неолитического человека. Это был переход к земледельческо-скотоводческим формам производства, внесшим много нового в область хозяйственного уклада и культуры человека¹.

В начале неолита некоторые племена заселили Араратскую равнину, плодородные долины Аракса, Арацани и других больших и малых рек Армении. Именно в этих долинах, которые близки друг другу, подобно звеньям одной цепи, уже в VI—V тысячелетиях до н. э. возникли новые культурные формы хозяйства. Именно в этих долинах и оформилась затем древнейшая цивилизация Армянского нагорья и уже в IV тысячелетии до н. э. завершился каменный век.

В период неолита возникают первые очаги земледельческо-скотоводческой культуры. На обширной территории Араратской равнины и соседних предгорий эта новая культура переживала период своего расцвета. Земледельцы Араратской равнины создали своеобразную культуру—одну из древнейших культур древнего мира. В настоящее время доказано, что Армения была одной из прародин культурных растений и земледелия, а также скотоводства. Об этом свидетельствуют не только остатки злаков и животных, найденные в результате археологических раскопок, но и сохранившиеся до сих пор в Армении виды диких животных (дикой козы и барана) и зерновых—пшеницы и ячменя.

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ И СКотоводческие ПОСЕЛЕНИЯ В АРМЕНИИ

Памятники неолитической культуры были обнаружены и частично изучены на обширной территории. Зона распространения нового каменного века на Армянском нагорье охватила всю Армению (Араратскую равнину, центральную часть Малой Азии, в том числе и Киликию). Памятники этой культуры проникли также южнее Армении—в Верхнюю Месопотамию, на юго-запад—в Сирию, Палестину, Финикию (Библия). Здесь

¹ История СССР, т. I, 1966, стр. 40—41.

они сталкивались с культурой раннего Хасуна и Телль-Халафской (неолитической) культурой. Керамика Армянского нагорья, орудия из обсидиана и другие элементы, проникая в районы Киликии, Сирии и Палестины, становились известными там под названием мерсинской (Юмюк-тепе) неолитической культуры.

Очень рано появившись на Армянском нагорье эта культура долгое существовала в Араратской равнине (Кхзьяк-блур, Маштоц-блур и др.), Киликии, Мерсине и Тарсе, между тем как на юго-западе—в Северной Сирии, Палестине и Финикии—она более позднего происхождения, длилась недолго и не была выражена так ярко. Что же касается ее первоначальной территории, то там, по всей вероятности, культура эта появилась и распространилась еще в начале VI тысячелетия до н. э. и сохранялась долгое время—до IV тысячелетия до н. э.

Следы новой культуры, порожденной мезолитом, наблюдаются в юго-западной части г. Арагац и в Араратской равнине. Много тысяч лет назад на протяжении долгих веков на Армянском нагорье жили мезолитические охотники.

Следы новой земледельческой культуры найдены на юго-западном Арагаце и в Араратской равнине, где впоследствии развилась культура раннего новокаменного века. Благодаря развитию производительных сил основываются первые, прочно оседлые, постоянные поселения. На территории Армении—в Араратской равнине и предгорьях Арагаца—неподалеку друг от друга раскинулось несколько поселений, которые представляли следующие друг за другом культурные этапы в развитии хозяйства и жизни древнего населения этого периода. Первые поселения и стоянки были расположены на горе Артин (Талинский район), где обнаружены большие мастерские неолитической эпохи по изготовлению орудий. Неолитический человек в совершенстве владел ножами из обсидиана, изготовленными из крупных пластин, отщепленных от призматических нуклеусов, проколками, сверлами, скребками, техникой скалывания. Однако ему еще не были известны неолитические приемы обработки и шлифовки камня и сверление.

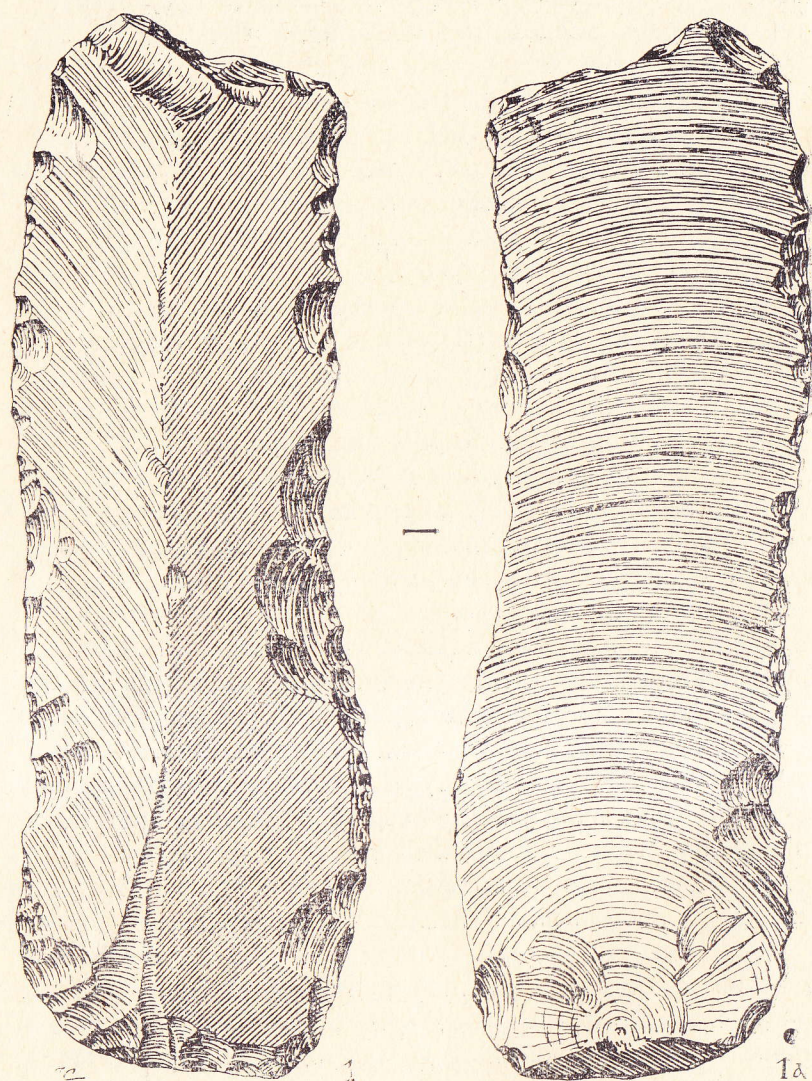
Обитатели поселений Барожа и Зага занимались собирательством, охотой и не имели представления о приручении до-

машних животных, разведении и возделывании растений. Они находились на ступени перехода от позднего мезолита к раннему неолиту. В это время в их хозяйстве и культурной жизни произошли значительные изменения. Вероятно, в конце VII тысячелетия до н. э. эти обитатели уже отказались от пещерного существования своих предшественников и жили в открытых поселениях. На местах их обитания обнаружены следы жилищ. О наличии последних свидетельствуют сохранившиеся каменные основания разрушенных стен. Это черта нового вида хозяйства дополняется и усиливается другими признаками неолитической культуры. Первым таким признаком является наличие все еще грубых орудий из крупных нуклеус и пластин (табл. III—V), с бесспорно характерной для неолита ретушированной поверхностью и лезвиями, и другие изделия из камня. Все это говорит об обогащении культуры обитателей поселения, о росте их запросов.

Поселения раннего неолита горы Артин являются докерамическими неолитическими поселениями, обитатели которых еще не умели изготавливать глиняную посуду и шлифованные сверленные каменные орудия. Основным орудием являлись лук и стрелы с каменным наконечником и орудия типа макролитов. Среди каменных пластин и изделий типа макролитов найдено несколько каменных мотыг со следами рукояток с изношенной рабочей частью. Это были примитивные мотыги, используемые для выкорчевывания диких растений. О зачатках земледелия свидетельствуют зернотёрки, ступки и пестики, а также острия с зубчатыми краями вкладышей серпов с кремневой ретушью, которые характерны для древней земледельческой культуры. Предполагается, что ими срезали колосья диких зерен, а мельчили и промалывали последние зернотерками. Древние следы земледельческой культуры, найденные в неолитических поселениях юго-западной части горы Арагац. Над остатками слоев мезолита имелся один слой с изделиями из обсидиана и костями животных, что дополняет общую картину жизни обитателей.

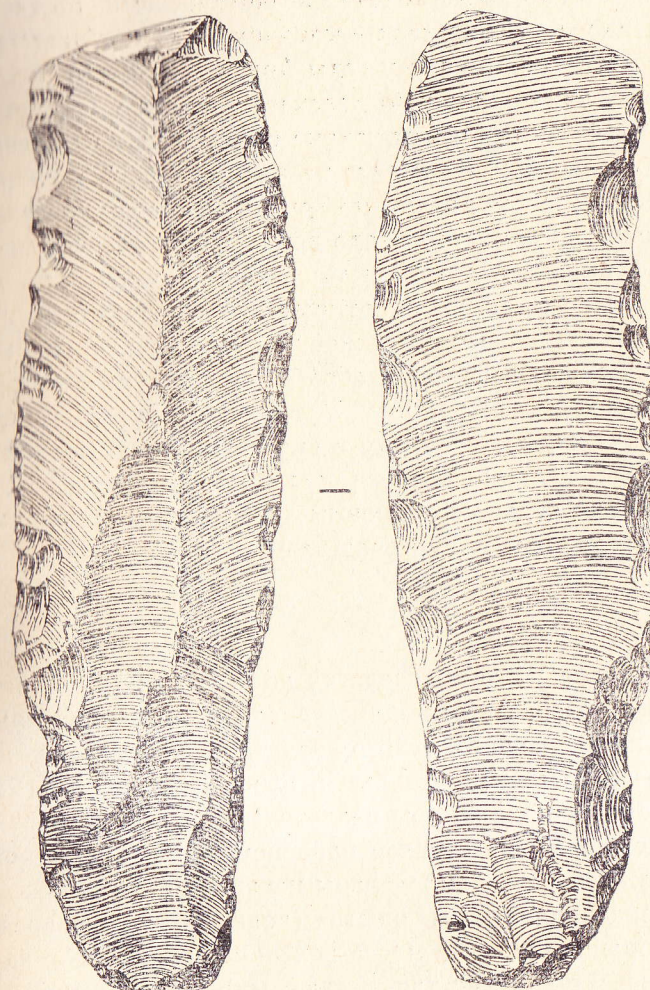
Несмотря на большую роль зерновых культур, обитатели Армении в начале неолита еще не умели обрабатывать землю, т. е. ограничивались лишь сбором готового естественного урожая. В позднем мезолите и раннем неолите они еще не пе-

Таблица III

Крупная пластина, обсидиан докерамического нового каменного века из стоянки Арегуни-Блура, 2/3 натуральной величины.

Таблица IV

Крупная пластина, обсидиан раннего нового каменного века из стоянки Арегуни-Блура, 2/3 натуральной величины.

решили к земледельческому хозяйству в полном смысле этого слова.

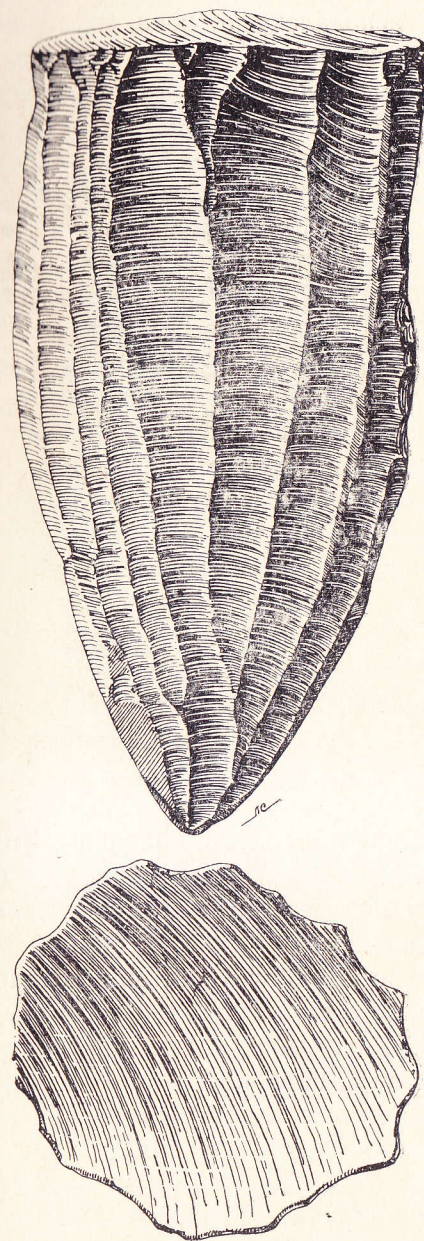
Неверно было бы думать, что обитатели раннего неолита Арагаца были единственными земледельцами Армянского нагорья в эпоху позднего мезолита и раннего неолита. Почти в

это же время земледелие (связанное с дикими сортами зерен) появляется также и в других районах Армении. Раннее земледелие отчетливо представлено неолитическими поселениями Зага и Барожа. Обитатели последних, как и обитатели ранне-неолитической стоянки у горы Артин, сохранили в технике обработки камня традиции далекого прошлого. Они по-прежнему обрабатывали миниатюрные треугольники из обсидиана, проколки, скребки. В неолите начинают широко и систематически использовать различные крупные каменные изделия, изготовление которых требовало новых неолитических приемов. Отшлифовывалась поверхность топориков, молотков, каменных зернотёрок, ступок и пестиков, ретушировались поверхность и края крупных пластинок из обсидиана и наконечники стрел. Широко развивается обработка кости, из которой изготавливались иглы, шилья, бусы. Усложнение орудий из камня и кости, а также хозяйственного инвентаря было связано с глубокими изменениями в жизни неолитических обитателей Армении, которые обзаводятся новым характерным видом хозяйства—земледелием и скотоводством.

* * *

В начале VI-го тысячелетия до н. э. в жизни племен Армянского нагорья произошли существенные изменения: начинается период керамического неолита. Обнаружены первые керамические сосуды—грубые и плохо обожженные. Расцвет земледельческой культуры неолитических обитателей Армении полностью представлен найденными на Араратской равнине поселениями. Земледельцы неолита размещались как на этой плодородной низменности (долине), так и в предгорье. Эти избранные некогда места долго сохранялись в качестве постоянных поселений для жителей многих поколений.

Поселения Маштоц-блур и Кхзак-блур являются ныне наиболее известными древними поселениями керамического неолита оседлых земледельцев Армении. Первые земледельцы Араратской равнины были носителями культуры поселений Маштоц-блур и Кхзак-блур. Два внутренних слоя этих холмообразных возвышенностей охватывает неолитическая культура, покрытая сверху отложениями раннеэнеолитической

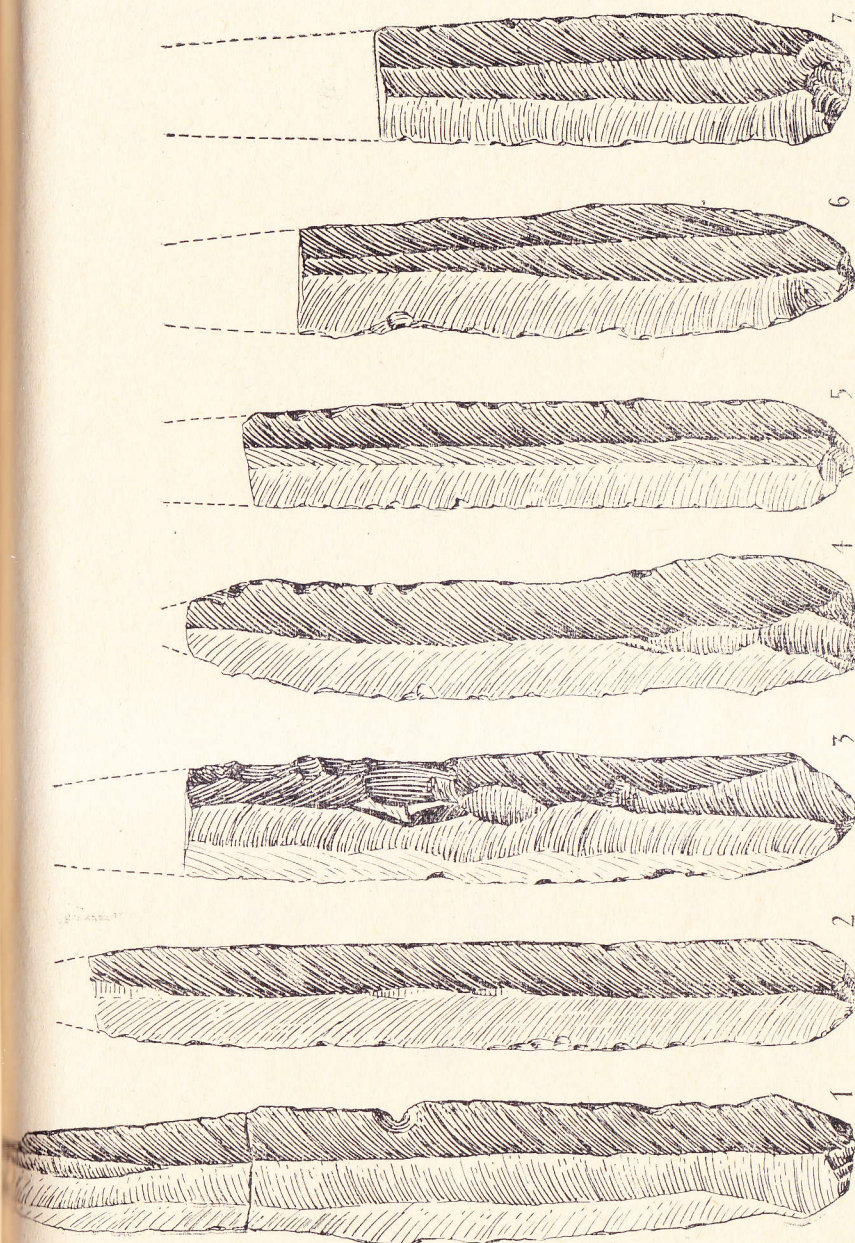

Крупный нуклеус, обсидиан раннего нового каменного века из Ани Пемзы, 1/2 натур. велич.

культуры. Обитатели раннекерамического неолита выбрали местожительство неподалеку от реки, возможно потому, что внизу было еще очень сыро, и они стремились использовать для посева свободные от разливов рек территории.

В неолитических слоях поселений Кхзьяк-блур и Маштоц-блур заметно постепенное исчезновение миниатюрных орудий из обсидиана геометрической формы, появляются крупные пластины, первые отшлифованные каменные топоры, молотки, в том числе и другие орудия из различных видов камня. Уже употреблялись лук и стрелы, изготавливались глиняные сосуды и т. д. Охота и рыболовство, как и прежде, играли важную роль в хозяйстве. В поселениях найдены не только хорошо изготовленные, ретушированные с двух сторон вкладыши из обсидиана неолитического типа, наконечники стрел с черенком, небольшого размера зернотёрки и ступки, мотыги, булавы, но и другие каменные орудия, крупные пластины, ножи, остроконечники и др. (табл. VI). В этих поселениях найдены также орудия из кости. Глиняные сосуды имеют грубую обработку. У неолитических людей из поселений Кхзьяк-блур и Маштоц-блур имелись чаши с линейным или пунктирным орнаментом и сквозными отверстиями по ободку, сосуды и горшки с прикрепленной ручкой и т. п. По всей вероятности, жители придавали большое значение керамике (табл. VII—VIII).

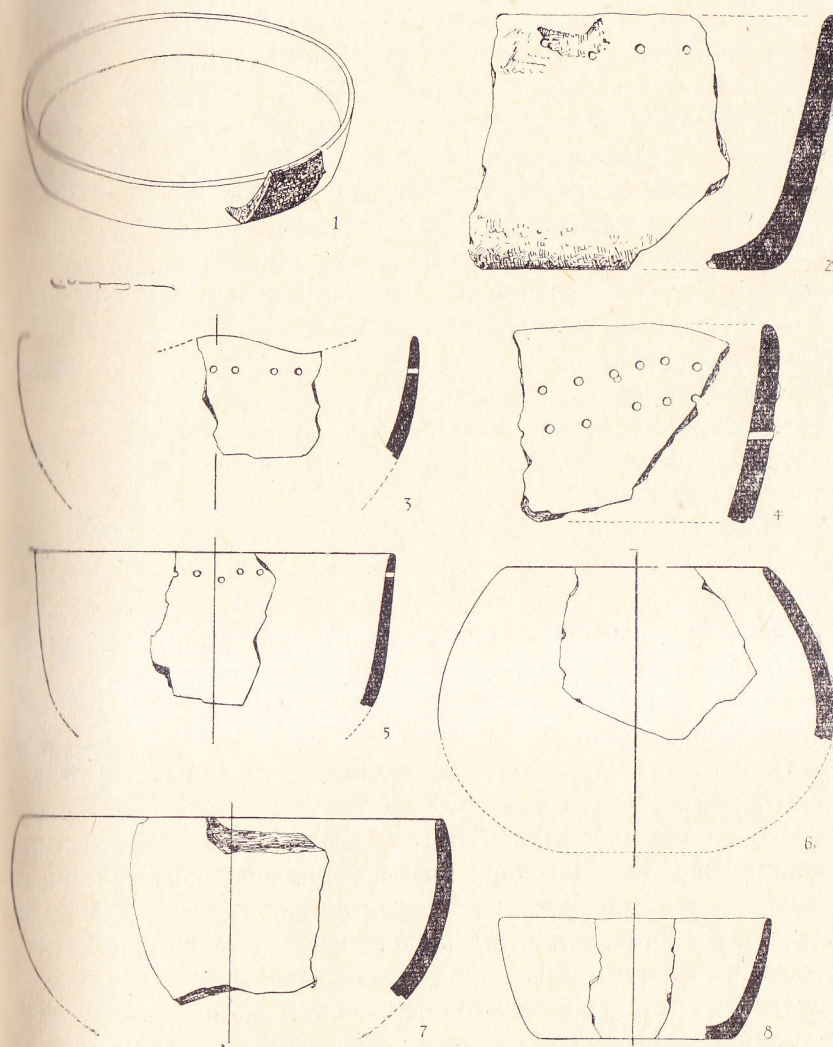
Прежние занятия уже не были решающими в жизни неолитических обитателей Араратской равнины. Вместе с пилами из кремня и обсидиана во время раскопок неолитических поселений из культурных растений найдена пшеница, а в глине — обгоревшие зерна ячменя. Стало быть население Армении в эпоху неолита сеяло пшеницу и ячмень и косило серпами, изготовленными из кремневых вкладышей. Земля обрабатывалась каменными мотыгами, хотя не исключается, что сеяли без предварительной обработки земли в наносе, образующемся в результате разлива рек. Надо полагать, что зерно не только косили, но и срывали руками. Пилы, найденные в большом количестве, служили вкладышами серпов. Зерно размалывали зернотёрками. Земледелие дополнялось скотоводством. Был крупный рогатый скот, а также стада овец и коз.

Пластины керамического нового каменного века из поселений:
1—Касах II, 2,3,4,8—Кхзьяк-Блур, 5—7—Маштоц-Блур, 2/3 натур. велич.

Земледельческое хозяйство определило новый характер поселений. Это был уже не охотничий лагерь и не сезонная стоянка, а настоящее выстроенное по проекту село, где жила родовая община.

Таблица VII

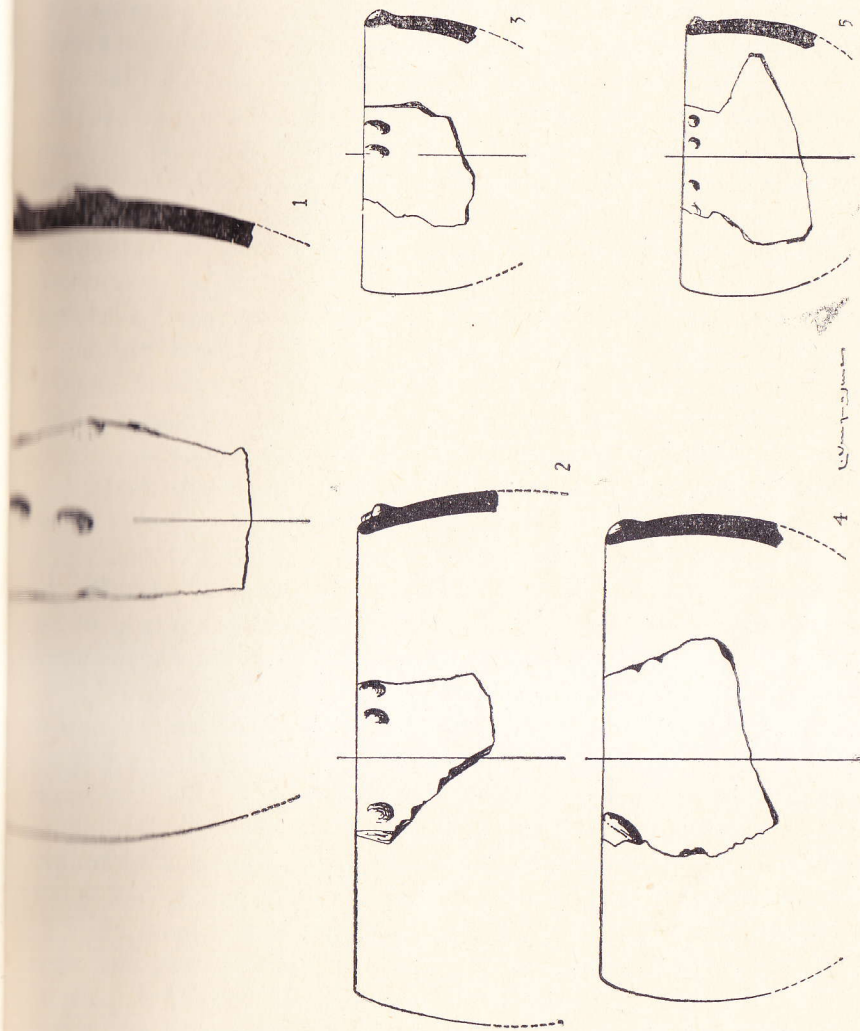

Керамика нового каменного века из поселений:
1, 2, 7—Кхзьяк-Блура, 3, 4, 6—Маштоц-Блура, 5, 8—Тертери-Дзора, 1/5 nat. в.

В Армении (Арагатская равнина) известен также и ряд других памятников времени поселений Кхзак-блур и Маштоц-блур.

Поселение Тертери-дзор, Ст. тапа и Агвеси бнер. Люди этих поселений строили прямоугольные и круглые жилища, состоящие из нескольких небольших помещений с каменным основанием, стенами из сырцового кирпича, заштукатуренными глиной, с низким и узким входным отверстием шириной не более метра. От стен сохранился лишь фундамент. Жилища покрывались ветвями деревьев и навесом из сплетенных камышей, который замазывался глиной. Часть четырехугольных помещений имеет размеры 13×10 м, диам. круглых жилищ — 6—8 м. Именно здесь, по-видимому, ютились люди. Имеются и большие жилища со стенами из камня, глины или дёрна. Эти жилища построены в определенном порядке, на определенном расстоянии друг от друга, как бы образуя улицы. Это уже своеобразное село, пригодное для оседлых земледельцев. Рядом с жилищами обнаружены также кладовые, где найдены сосуды с остатками запасов пищи и костей животных.

Неолитические раскопки в Армении дают ясное представление о том уровне развития, которого достигли жители поселений в раннем неолите. Эти жилища являлись составной частью большого связанного кровными и хозяйственными узами общинного дома. Предметы, найденные в поселениях, несомненно, принадлежали конкретным большим семьям, из объединения которых составлялась вся неолитическая родовая община. Это были, по-видимому, уже большие матриархальные семьи, но которые все еще находились в рамках родового общества. Жизнь в этих поселениях прервалась в раннем энеолите благодаря новым социально-экономическим условиям, связанным, по всей вероятности, с развитием земледелия и скотоводства. Гончарное искусство жителей этих поселений отличается низким уровнем развития. Сосуды изготовлялись вручную, из слабо обожженной глины с примесью песка и соломы, часть их очень груба. Но наряду с ними встречаются сосуды с очень тонкими стенками. Например, широкие низкие чаши с вогнутым или гладким дном; полусферические и полуовальные сосуды; суживающиеся кверху ци-

Керамика нового каменного века, из поселений:
1, 2—Кхзак-Блур, 3—Шенгавит-I, 4, 5—Маштоц-Блур, 1/5 nat. велич.

цилиндрические сосуды; большие горшки типа карасов; чаши для воды с узким горлышком и боковыми ручками. Выделяются чаши с характерным для неолита выгравированным линейным или пунктирным геометрическим орнаментом формы треугольника с параллельными линиями и чаши со сквозными отверстиями по ободку, скрепленные ушками. Среди каменных орудий имеются мотыги, зернотёрки, маленькие ступки, шлифованные долотца для обработки дерева, а также маленькие орудия—скребки, остроконечники, ножи, треугольные наконечники стрел, изготовленные из вулканического туфа и другие.

Древние земледельцы Араратской равнины в эпоху неолита имели довольно широкие связи с другими племенами, обитателями гор, от которых получали сырье для изготовления каменных орудий. В Армении имелся ряд неолитических стоянок-мастерских по изготовлению орудий из камня. Арагац, Масис (Арарат), среднее течение Раздана—Нех-Масик (Сипан), Немрут и другие горы Армянского нагорья давали обсидиан, а позднее, в энеолите, районы медных рудников—медь.

Важное значение имело скотоводство. Уже были приручены овцы, козы, корова, собака и другие. В Армении до сих пор можно встретить диких овец и коз.

Ранние находки неолитических поселений дают возможность составить определенное представление о жизни и искусстве неолитических людей.

Жители этих поселений не были единственными древними земледельческими племенами. Родственные им по культуре и развитию многочисленные племена жили в VI—IV тысячелетиях до н. э. в Араратской равнине и других местах Армении. К этому времени относится ряд других памятников Араратской равнины, в которых земледельческая и скотоводческая жизнь получила дальнейшее всестороннее развитие.

На Араратской равнине найдены и другие, существовавшие длительное время земледельческие поселения неолита, которые занимали площадь в 1,5—2 га.

Судя по нашим раскопкам, культура древних племен Армении на Араратской равнине в это время еще сохраняла унаследованные от мезолита архаичные черты. Здесь встречаются изделия из обсидиана геометрической формы, служившие лезвием для костяных и деревянных орудий, остроконеч-

ники из обсидиана, резцы, скребки с полукруглой выемкой для изготовления орудий из кости.

Жители Араратской равнины обрабатывали также другие многочисленные орудия из обсидиана: крупные ножевидные пластины, наконечники стрел и дротиков, зубчатые вкладыши серпов и т. д. Имелись шлифованные топоры, молотки (которыми обрабатывали дерево), мотыги, изделия из кости—иглы, шилья.

Многообразны глиняные сосуды с грубой обработкой. Жители неолитических поселений Араратской равнины, как и другие их современники, живущие на территории Армении, разводили домашних животных и занимались земледелием. В их жилищах остались земледельческие орудия—каменные зернотёрки, ступки, пестики. Всё это характерно для матриархата, который, по всей вероятности, продолжал существовать в Араратской равнине. Маленькие размеры зернотёрок и ступок из нижнего слоя поселений Кхзьяк-блур, Маштоц-блур и Агвесибнер исключают возможность размалывания зерен. Последние использовались для размалывания орешков, плодов и кореньев. Наряду с охотой, собирательством и рыболовством жители Араратской равнины в период неолита занимались также скотоводством и земледелием: они разрыхляли землю каменной мотыгой, сеяли пшеницу, ячмень, просо. Земледелие становится основой их жизни. Зерно жали серпами, составленными из кремневых вкладышей с деревянным, костяным основанием. Зерно хранили в глубоких, выкопанных в земле ямах, дно, стенки и верх которых покрывали соломой и травой; каменными зернотёрками размалывали пшеницу и крупу. Домашними животными были корова, бык, коза, овца, свинья и другие.

* * *

К этому времени относятся поселения Сев-блур—1, Кхзьяк-блур 3, Маштоц-блур 3, Шенгавит 1, Шреш-блур—1, Мохра-блур 1. В жизни его обитателей, наряду с земледелием и скотоводством, большую роль играла охота на таких животных, как горный козел, дикий баран (муфлон), дикий кабан. Развитию древнего охотничье-собирательского хозяйства Ар-

мении способствовала богатая животным миром и фруктовыми деревьями природа.

Дома в этих неолитических поселениях также строились с каменным фундаментом и кирпичными стенами, развивалось гончарное дело.

Следы этой культуры найдены в древнейших поселениях Армении, где бросаются в глаза каменные ступки, зернотёрки и зубчатые пластины из кремня (вкладыши серпов). Земледелие сочетается с охотой и собирательством, о чем свидетельствуют разные размеры наконечников стрел, каменные мотыги и другие орудия. Значительно меняется также характер каменных орудий: большие орудия изготовлялись из камня путем шлифовки. Преобладали орудия типа топора и молотка, часть которых использовалась, вероятно, в качестве мотыги. Имеются и другие орудия из камня. Другой особенностью является глиняная посуда, которая отличает обитателей поселений Шенгавит—1, Шреш-блур—1 и Мохраблур—1 от людей более древних поселений Араратской равнины. Сосуды в этих поселениях изготовлялись вручную из смеси глины и песка, имеют плохой обжиг, светло-желтоватый (соломенного цвета) ангоб.

Культура древних земледельцев становится богаче и ярче, чем прежде, развиваются производительные силы, развивается и земледелие. Среди домашних животных, как и прежде, встречаются овцы, козы, свиньи, а также крупный рогатый скот—коровы; наряду с ними—лошади, ослы и другие. Обнаружена первая телега с колесами; животные начинают использоваться в качестве тягловой силы. Обнаружены круглые жилища, окруженные четырехугольными помещениями, в которые входили через коридоры; имелись также прямоугольные помещения. Широко использовался сырьевой кирпич наряду с другим строительным материалом—камнем.

Особенно высокого уровня достигло гончарное дело. Обнаружены разнообразные, маленькие, каштанового цвета (кухонные), красные сосуды, довольно грубые горшки для продуктов. Однако совершенно другой вид имела глиняная посуда, разнообразная по форме, лучше обработанная светло-желтоватым ангобом, серого цвета, тщательно обожженная и

орнаментированная. Стенки орнаментированных сосудов иногда бывали очень тонкими. В них хранилось зерно и продукты питания. Разнообразие сосудов свидетельствует о возросших хозяйственно-бытовых потребностях неолитических земледельцев Армении. Яркий пример тому орнамент сосудов, являющийся в искусстве земледельческих племен основной известной формой творчества.

Орнаментированные сосуды позднего неолита Армении характеризуются разнообразием орнамента, отдельными элементами его и новыми композиционными формами. Неолитическая орнаментовка в Армении носит геометрический характер. Вместе с тем мастера позднего неолита не ограничивались декоративным орнаментальным творчеством: здесь встречается также линейный, пунктирный с елочным орнаментом и геометрический орнамент.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПОСЕЛЕНИЙ НОВОГО КАМЕННОГО ВЕКА (НЕОЛИТА) АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ И СОСЕДНИХ СТРАН

Одновременное возникновение памятников раннего новокаменного века Армении — Кхзьяк-блур, Сев-блур — II, Маштоц-блур и аналогичных в большей части Передней Азии — Чатал-Гуюк, Хаджилар (Центральная Малая Азия), Аликош (Иран), Калаат-Джармо (северная Месопотамия), Расшамра — 5 (Сирия), Библ — I (Финикия) и даже Мерсин (Киликия) и Иерихон (Палестина) свидетельствуют о взаимных связях древних обитателей этих территорий. Это относится особенно к керамике новокаменного века (простые бороздчатые узоры, в елочку), датируемой приблизительно временем от начала шестого до четвертого тысячелетия до н. э.

Выяснен ряд вопросов, освещающих единство этих культур. Можно предположить, что оно развилось, как самостоятельная часть более широкого культурного единства, охватывающего обширные территории. Первичными центрами распространения этой древней цивилизации явились Армянское нагорье, центральная Малая Азия и Киликия.

Поселения, отражающие своеобразие культуры нового каменного века Армении, открыты — к востоку от Армянского

нагорья, в южной и юго-восточной частях Ирана, в Верхней Месопотамии, Сирии, Палестине и Киликии².

Эти поселения аналогичны стоянкам, открытым в Арегуни (Барож) и Зага. То же самое можно сказать и о докерамических поселениях нового каменного века — Иерихоне (Иордания), Калаат-Джармо (Верхняя Месопотамия).

Сходные холмовые поселения нового каменного века ныне раскопаны в некоторых местах Малой Азии, Ирана и Ирака и на побережье Средиземного моря; среди них заслуживают внимания киликийское Юмюк-тепе (близ Мерсина)³ и Тарс⁴. Находки этих памятников сходны с материалами поселений ранне неолитических отложений Араратской равнины — Кхзьяк, Маштоц и Сев-блур — II. Та же простая керамика, кремневые и обсидиановые орудия. Мерсин также относится к поселениям оседлой земледельческой общины нового каменного века⁵.

Культура поселений развитого новокаменного века Армении — Сев-блур — I, Мохра-блур — I, Шенгавит — I имеет параллели — Кан-Хасан-гуюк (в Центральной Малой Азии), Табат эл-Хама, (в Библе), Амук (в Сирии), поздний Тахуна и Ярмукиан (в Палестине и Ливии), Хасуна — Ia (в Ираке) и Хаджи Пируз (в Иране).

Находки сходных предметов в отдаленных друг от друга районах Передней Азии являются показателем нового исторического процесса, охватывающего обширные территории. О подобных ранних исторических общностях свидетельствует факт возникновения и развития оседлых земледельческих поселений.

Подобные соответствия наблюдаются также и среди ос-

² П. П. Ефименко, Неолитический Мерсин С. А., I, 1958, стр. 291—299. M. Burkitt, The earlier cultures at Mersin, *Annals of Archeology and Anthropology*, V. XXVI, No 1—2, Liverpool, 1939, p. 51. R. Neuville, La paléolithique et la Mésolithique du Désert de Judée. Paris. 1951, p. 166.

³ J. Garstang, *Prehistoric Mersin*. Oxford, 1953, V.I—XVIII, p. 1—171. G. Contenau, *Manuel d'Archéologie Orientale*, t. IV, Paris, 1947, p. 2286.

⁴ П. П. Ефименко, там же.

⁵ H. Goldman The relative chronology of South-Eastern Anatolia, *Relative chronologies in old World archeology* Chicago, 1954, p. 161.

татков культуры поселений⁶ нового каменного века Центральной Малой Азии, Мерсины и Араратской равнины.

Вопрос абсолютной датировки памятников нового каменного века Армении пока не решен. Поселения Араратской равнины—Кхзьяк-блур, Сев-блур—II и Маштоц-блур, мощность слоев которых не превышает 5—4 м, повидимому не отражают все ступени развития культуры нового каменного века, ибо в них отсутствуют докерамические, характерные для раннего нового каменного века, артинские (Барож) материалы. Пока что для абсолютной датировки памятников нового каменного века Армянского нагорья существенное значение имеют только хронологические данные ряда поселений нового каменного века Передней Азии, полученные методом радиоуглеродного анализа.

Аналогичный тип культуры Маштоц-блур и Кхзьяк-блур (раннего неолита) представляет многослойный памятник, называемый Юмуктепе Мерсинский, нижний слой которого относится ко времени 6.000 лет до н. э. (слой нового каменного века превышает десять метров).

Неолитические поселения Сев-блур—II, Тертери-дзор имеют общности с Хаджиларскими 9—6 слоями из Центральной Малой Азии; возраст слоя Хаджилара 8—6, 5500—5400 лет до н. э., а Хаджилара 9—8, 5600—5500 лет до н. э. Этим памятникам по возрасту соответствует ряд поселений Чаталгуюка и Кизил-кая (из Малой Азии) и Калаат-Джармо Хасуна—1а (из Северной Месопотамии)⁷.

Ко времени от VII до IV тысячелетия до н. э. в Армянском нагорье и Передней Азии уже существовали постоянные прочно-оседлые поселения аборигенов нового каменного века, составлявшие отдельные звенья сменявших друг друга культурных фаз, с раннего каменного века до эпохи медно-каменного века.

Эту явную общность памятников новокаменного века Ар-

мении и сопредельных переднеазиатских стран—Малая Азия, Северная Месопотамия, Сирия, Палестина, можно рассматривать как глубокое культурное родство прародителей древних народов Армянского нагорья и Передней Азии, которое расширяет ареал культуры нового каменного века Армении и родство носителей этой культуры—коренных племен. Истоки этих взаимосвязей возникли в глубокой древности.

Культура нового каменного века Армянского нагорья составляла часть культуры Передней Азии, занимавшей пространственные территории. Основное население этих мест состояло из коренных племен Передней Азии.

Истоки взаимосвязей Армении и сопредельных стран восходят к очень отдаленным временам. Сопоставление фактов позволяет выделить важную роль Армянского нагорья в снабжении стран Передней Азии обсидиановой рудой, еще в эпоху древнего и нового каменного веков. Ряд стран Передней Азии не имел естественной обсидиановой и металлической руды. В развитии каменной индустрии, а в дальнейшем и металлургии, рудники Армянского нагорья должны были играть важную роль. Армения снабжала страны Кавказа и Закавказья, а также Западную Малую Азию, Северную Сирию, Палестину и Месопотамию не только обсидианом, но и металлами⁸.

Пути распространения и обмена обсидиана в пору первых шагов цивилизации, иначе именуемой, земледельческой или «неолитической революцией», были проложены восемь тысяч лет назад до н. э., когда человеческие группы в Передней Азии впервые стали заниматься земледелием и скотоводством и когда основывались первые постоянные оседлые поселения. Обсидиан обменивался как в виде готовых орудий, так и в виде сырья, играя важную роль в развитии производства того времени. Это подтверждают найденные в ранних поселениях Передней Азии обсидиановые орудия.

⁶ Ж. Де Морган, Доисторическое человечество, 1926, стр. 271—272, 278—295.

J. Garstang, Prehistoric Mersin, Oxford, 1953, XXVIII, XXIX. R. J. Braidwood and L. Braidwood, Excavations in the plain of Antioch, I. OIP. LXI, 1960, p. 382, Fig. 294; M. Dunand, Fouilles de Byblos, II, Paris, 1954, p. 363, 398, Fig. 11836, p. 409, Fig. 397, 10.21, 10.22, Fig. 433, 10.979.

⁷ J. Mellaart, Excavations at Hacilar, Fourth preliminary report, 1960, As. XI, p. 39—75; Ero же, Early cultures of the South Anatolian plateau, As. XI, 1961, p. 159—177.

⁸ J. Mellaart, Excavations at Hacilar, Fourth preliminary report, 1960, As. XI, p. 39—75; Ero же, Earliest civilizations of the Near East, London, 1965, p. 77—101, 102—114.

Образцы обсидианового производства, найденные в ранних поселениях Передней Азии, дают возможность восстановить первичные источники сырья обсидиана и пути его обмена⁹. Однако обсидиан являлся одним из тех необходимых материалов, которые служили базой для товарообмена между человеческими группами. В Передней Азии обнаружен ряд поселений нового каменного века, в которых изготавливались каменные орудия. В местах, где не было сырья для каменных орудий, его доставляли из отдаленных районов.

Обсидиан вывозился в большом количестве из Немрута, Бюракна (Бингёл), Арарата, Арагаца, среднего течения Раздана и других мест. Так, сопоставление спектрографического анализа, найденных в центре Ирана, в поселении Аликош, обсидиановой чаши и ряда других вещей с обсидианом Немрута (Армения, озеро Ван) показывает, что обсидиановые изделия аликошского поселения изготавливались из обсидиановой руды горы Немрут.

Джармо, считающееся одним из рано возникших поселений Северной Месопотамии, имело тесную связь с рядом месторождений обсидиановой руды. В Джармо были обнаружены большие обсидиановые глыбы, весом в 450 фунтов, которые, несомненно, были переброшены сюда либо на руках, либо на спине или на паромках (по течению Тигра), так как иными перевозочными средствами (прирученные ослы, лошади и волы) люди стали пользоваться гораздо позже, приблизительно ко времени пятого-шестого тысячелетия до н. э., а гужевой перевозкой еще позже.

По свидетельству археологов в новокаменном веке армянский обсидиан распространялся путем обмена, через Сирийскую пустыню до Левантского озера в юго-западную Сирию. А позднее, когда появились другие виды перевозки, армянский обсидиан нашел большое распространение во всей Передней Азии, достиг до нынешней Бахры (Персидский залив), центральных частей Малой Азии, Иордании, южной части бассейна Каспийского моря и окрестных поселений Тегерана¹⁰.

⁹ J. E. Dixon. J. R. Cann and Colin Renfrew Obsidian and the origins of trade. „Scientific American“, March, 1968, p. 38—46.

¹⁰ В журн. «Саентифик Эмерикн». в мартовском № 1968 г., опублико-

Параллельно с обменом обсидиана, безусловно, имел место и обмен открытиями техники и другими достижениями, получившими более широкое распространение. Обмен стимулировал развитие техники и способствовал распространению достижений культуры, что явилось мощным толчком в развитии культуры земледельческих общин.

Итак, исследование обсидиана, извлеченного из древних поселений, проливает новый свет на историю поселений эпохи «неолитической революции», которая начинается на восемь тысяч лет раньше. Важным стимулом этой революции послужило зарождение земледельческой культуры, вызвавшее решительный переворот в развитии неолитической экономики. И поэтому было бы неправильным, обитавшие где-то племенные группы и их поселения, считать источником возникновения земледельческой системы и родиной первой цивилизации. Было бы также неверно первыми поселениями земледельческой цивилизации, считать только плодородные районы Месопотамии, Леванта, Загросских гор и Малой Азии.

Переход к земледельческому быту осуществлялся не в

вана интересная статья под заголовком «Обсидиановый камень и пути торговли», написанная тремя английскими учеными: Дж. Е. Диксоном (Кембриджский университет), Дж. Р. Каном (Британский музей), Келин Ренфрю (Шеффилдский университет) и американскими исследователями.

Работы по анализу состава обсидиана начаты в последнее время и имеют целью установить пути обмена и связи между ранними поселениями Передней Азии, Месопотамии, Малой Азии, Армянского нагорья, Ирана, Палестины, Сирии и Египта.

Обсидиановые изделия каменного века являлись важным фактором в деле перехода человечества к цивилизации. Они обнаружены почти во всех средиземноморских и среднеазиатских древних поселениях. Однако большинство этих поселений находилось на расстоянии сотен километров от месторождений обсидиановой руды, основная часть которой добывалась в Армянском нагорье, Малой Азии, Эфиопии и на ряде островов Средиземноморья.

На основании результатов анализа разновидностей обсидиана английские ученые определили местонахождение рудников обсидиана. Для нас до некоторой степени важно то, что этих ученых занимало также определение видов обсидиана Армянского нагорья, т. е. определение видов «армянского обсидиана» и степень его распространения. В пределах Передней Азии изучаются главным образом месторождения армянского обсидиана, находящиеся в окрестностях гор Немрута, Бюракна (Бингёл) и около озер Ван и Урмия.

локализованных пределах, а на более обширных территориях, разумеется, в отношении времени приоритет принадлежит Передней Азии и долинам Нила, где родовые общины занимали большие территории, и где пути сообщения, как сухопутные, так и водные, до некоторой степени способствовали осуществлению первичного обмена.

Подобный вид обмена пока еще не касался устоев общинно-хозяйственного уклада каменного века. В родовых общинах продолжали господствовать коллективный труд и общественная собственность.

Использование обсидиана, для изготовления орудий, идет на убыль с появлением раннего металла—с конца четвертого тысячелетия до н. э.

Нет сомнения, что уже на заре цивилизации Армянское нагорье, со своими обитателями было одной из движущих сил, установивших связь между разбросанными, а порой и обособленными поселениями Передней Азии, и внесших неоспоримый вклад в основу высокой производственной культуры человечества.

Исследование культурных связей новокаменного века Армянского нагорья и стран Передней Азии подтверждает предположение, что культура нового каменного века Армянского нагорья, в том числе и Арагатской равнины, имеет местное происхождение и тесно связано с передовой цивилизацией племен Передней Азии, Месопотамии, Сирии, Палестины и Ирана.

Выясняется также, что общность этих культур можно объяснить передвижениями переднеазиатских народов.

Археологические материалы показывают, что ранние жители Армянского нагорья, в восточных и западных его частях, ко времени от VI—IV тысячелетий до н. э. путем внутри-племенных сдвигов уже достигли некоторой степени культурно-исторического развития, формирование же родовых объединений возникло на основе скрещивания местных культур нового каменного века. Именно с тех пор и начинают развиваться культурные взаимосвязи между племенами Армянского нагорья, Передней Азии и Месопотамии. Для осмысления этой ранней истории Армении неоценимым источником являются богатые памятники поселений новокаменного и меднокамен-

ного веков Сев-блур—II, Кхзак-блур и Шенгавита с их сложной стратиграфической последовательностью.

На территории Передней Азии ряд крупных племенных групп был объединен почти в однотипные хозяйства.

Возникновение различных групп населения в каменном веке явилось крупным событием, положившим начало формированию этнических групп. Это известно уже из последующих письменных источников. Укажем попутно с маленькой оговоркой, что именно эти переднеазиатские племена нового каменного века и явились предками древних переднеазиатских народов.

В конце нового каменного века разрозненные родовые общины Армянского нагорья, развиваясь, объединялись в малочисленные племенные союзы, что способствовало их дальнейшему прогрессу и одновременно явилось предпосылкой формирования племенных объединений.

Именно с этого времени и зарождаются языковые общности между родственными племенами.

Культуру нового каменного века Армянского нагорья следует ассоциировать как раз с этническими формированиями того времени—с переднеазиатскими доаборигенными племенами—хурритами и формированием предков ряда других народов, ставших здесь известными ко времени от шестого до четвертого тысячелетия до н. э.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ КАМЕННОГО ВЕКА АРМЕНИИ

Среди памятников материальных культур Армении эпохи каменного века особое место занимают найденные в ряде мест наскальные изображения¹¹. Они не раз привлекали вни-

¹¹ С. А. Сардарян, Первобытное общество в Армении, 1967, стр. 113—122, XIX—XXXII, рис. 24—29. Наскальные изображения в небольшом количестве были найдены гораздо раньше. О них имеются сведения у Гр. Капанцяна, по словам которого «у самых снежных «ачеканц» (седловин) горы Арагац, на ряде скал, выведены сцены охоты—олени со своими детёнышами, собаки» (И., 1914, 95).

Сходные изображения заметили также Месроп Смбалян и Месроп Тер-Мовсесян на высоких склонах Арагаца, «где представлены рогатые животные—козули или олени и люди, вооруженные луками» (И., 1914, 66).

мание археологов заставляя задумываться над тайной их возраста и происхождения. Эту проблему нельзя считать окончательно решенной и в настоящее время, несмотря на то, что для освещения истории первобытного человека наскальные изображения не менее значительны, чем пещерные изображения каменного века Европы.

Интересующие нас наскальные изображения имеют самобытный стиль и богатое содержание.

На склонах горы Арагац, в разных частях Гегамских гор, на Пайтасаре (Нал-тапа) и других местах, ныне заброшенных и безлюдных, нам удалось выявить (в 1945—1965 и 1966—1970 гг.) многочисленные изображения: козулей, муфлонов, оленей, собак, лошадей, ослов, буйволов, хищников, женщин, охотников (вооруженных луком, стрелами и копьями), птиц, телег, выполненных нарезкой на выглаженной поверхности скал. Они имеют не только историческое, но и важное художественное значение.

Места открытий наскальных изображений Армении можно отнести к числу выдающихся памятников древности. Они занимают громадные пространства и чаще встречаются в горных долинах, на больших скалах и отшлифованных камнях. Большие коллекции этих наскальных изображений тысячами сохранились в неглубоких горных долинах и пещерах Гегамского хребта, Арагаца, в горах Сюника (Сисян, Джермук)¹².

Упомянутые Гр. Капанцяном, М. Смбацяном и М. Тер-Мовсисяном наскальные изображения в небольшом количестве повторяются также Х. Самвеляном, «Культура древней Армении», т. I, 1933, стр. 162, (на арм. яз.).

С 30-х годов исследованием наскальных изображений занимался Ашх. Калантар, выявив их в небольшом количестве на склонах Арагаца («Арагац в истории», 1935, стр. 73—74). Эти материалы отдельным сборником недавно издал Л. Барсегян (Историко-филологический журнал, 1966 г., 3. Проблемой наскальных изображений и их возрастом интересовался также Б. Б. Пиотровский («Археология Закавказья», 1949 г.).

Ряд геологов—А. П. Демехин, В. Аветисян, С. Баян, Э. Малхасян, в разное время, при проведении полевых работ фотографировали обнаруженные ими наскальные изображения на Гегамском хребте, в Зангезуре и Джермук. В 1966—1968 гг. в Зангезуре, на горе Ухтасар было найдено большое количество наскальных изображений: Гр. Караханяном и И. Сафяном. «Наскальные изображения Сюника» Ереван, 1969.

¹² Множество наскальных изображений имеется в Карсе, Пирине и других областях.

Наблюдается некоторая закономерность в их географическом расположении. В наскальных изображениях Гегамских гор преобладают рисунки животных и людей, вооруженных луком и стрелами. Они относятся к новому каменному веку и находятся в горах каменных глыб горных долин, преимущественно на склонах невысоких холмов. Цепь этих горных долин тянется к северо-востоку от села Артиз доходит до Пайтасара, и далее до горы Зиарат. Громады каменных глыб с наскальными изображениями расположены вдоль этой цепи, примыкающей к поясу летних пастбищ, высоких альпийских лугов.

Наскальные изображения Арагаца и Гегамских гор находятся на самых высоких горных поясах Армении, в каменных горных долинах. Из них самую богатую коллекцию содержит Пайтасар—на высоте 3 000 м над уровнем моря. В настоящее время он является самым удобным летним пастбищем для кочующих скотоводов, а в древности, надо полагать, был местом поклонения, или встреч горных охотников и скотоводов. На протяжении около 50 км в длину тянутся горные долины, с разбросанными на них обломками скал, покрытыми изображениями как бы являя великолепную художественную галерею под открытым небом.

К древнейшим памятникам наскального искусства Армении относятся слоновидные изображения в Джермук и на стенах одной из пещер Арагаца. Композиция изображает цепное шествие стад, состоящих из длиннорогих маток козуль и козлят, предводительствуемых козлом-вожаком; их преследуют охотники, вооруженные копьями, луками и стрелами.

Этому раннему периоду наскальных изображений присущи сильно упрощенные линейные рисунки (заги), они компонованы несколькими прямыми линиями, которые, постепенно утрачивая детали, переходят в геометрические фигуры. Среди памятников раннего периода примечательны вырезанные фигуры диких буйволов. Остатки этих давно вымерших животных найдены в поселениях нового каменного и медного веков Армении. Выцарапанный на громаде скалы этот рисунок, быть может, образец древнейшего искусства, на нем изображен

момент, когда охотник в сопровождении двух собак стрелой, выпущенной из лука, пронзает криворогое животное (буйвола); чуть ниже изображен человек с вытянутыми по бокам руками, ниже собак—фигура козы. На левой стороне камня, над козой—олень и козел. Исключительный интерес представляет изображение человека, держащего рукоятку сохи. На втором камне высечены 6 оленей и человек, вооруженный луком и стрелой и сопровождаемый собакой. Неопределенного вида зверь, похожий на льва, обведен окружностью. Все рисунки контурные. Здесь изображены также трехколесные и двухколесные крытые и открытые телеги. В другом месте, в центральной части камня—телега со стоящими на ней мужчиной и женщиной вооруженными луком и стрелой. На голове и по обе стороны ног женщины нарисованы круги. С правой стороны две нагие женщины, одна с протянутыми руками, другая с руками, поднятыми вверх. На левой стороне—мужчина с распростертыми руками и с кругами по обе стороны головы, спереди изображения коз.

Несколько другого типа изображение человека, стоящего на козле и взявшегося за его рога. Поперек дороги стоит охотник, козла преследует собака. Рядом на скале трое оленей и стрелок с колчаном на боку, причем лук его и стрелы положены на большую кривую подпорку, для увеличения силы размаха.

Главными объектами искусства ранней эпохи служили крупные дикие животные. Но первобытный художник был равнодушен и к действующим лицам. На почерневшем от времени обломке скалы, недалеко от Пайтасара, изображена сцена, полная глубокого драматизма. Оленья matka приютила между ног детеныша, как бы защищая его от охотника и собак.

Большая часть наскальных изображений раннего периода состоит из разных композиций, представляющих рисунки-бывков, оленей, козуль, баранов, лошадей и птиц. Преобладают парные рисунки: мать с детенышем, самец и самка. Особенно характерны состоящие из длинных рядов рисунки однородных животных.

Однако групповые рисунки, изображающие сцены охоты, животных, собак, вооруженных веревками людей имеют па-

раллели в других местах, что свидетельствует о культовом характере этих петроглифов, связанных с магическими обрядами ранней охоты. Сходные изображения—рядами движущихся друг за другом оленей, коз, лошадей, птиц выгравированы на керамических изделиях, найденных в Шенгавите (III тыс. до н. э.).

На древнейших наскальных изображениях нагота мужчин и женщин представлена во всех деталях; мужчины и женщины вооружены луком и стрелой, их сопровождают собаки и животные.

На одном из камней изображены мужчина, женщина и ребенок с поднятыми руками. На другом—мужчина и женщина с звероподобными головами и поднятыми вверх руками, видимо, они в масках. На третьем человек кормит домашних животных—овцу и козу. Некоторые черты бытового характера носит сцена «Семья во время охоты». Не исключено, что стимулом к ней послужила магия. К более позднему времени относится изображение охоты, о чем свидетельствует его плоскостный стиль, характерный для искусства охотничьей эпохи.

В наскальных рисунках, исполненных методом гравировки, искусство в групповых изображениях достигает совершенства. Рисунки эти превосходят шедевры палеолита. Появляется новая черта—многофигурность композиции. В композиции Гегамских гор реалистично представлена группа охотников, в том числе женщина с ребенком, вооруженных дубиной, копьем и гарпуном, веревками, луком и стрелами. В сопровождении собак они преследуют животных—диких овец, козуль, серн, оленей и быков. На одной стороне находятся вооруженные люди, на другой—животные. Рисунок поражает динамичностью, фигуры устремлены вперед, с широко расставленными ногами. Здесь метко схвачены характерные черты стрелков, стоящих с натянутыми тетивами луков. На животных направлены дубины, стрелы, копья, гарпуны и силки.

Одной из особенностей наскальных изображений Армении является отсутствие расписных рисунков. Имеются редкие следы росписи, говорящие о том, что некоторые из наскальных изображений были когда-то расписаны минеральными красками (преимущественно охрой), но такие до сих пор не встре-

чались. Исследование пещер даст объяснение этого вопроса.

К эпохе охотничьего хозяйства относятся высеченные небольших размеров, но мастерски исполненные контурные фигуры животных (козуль, оленей, диких быков) и людей, на фоне Гегамских гор, Арагаца, Зангезура. Здесь, налицо некоторый опыт правдивого изображения животных и стремление к художественному осмыслению образа. Для большей выразительности контура художник отчеканивает линии, как бы подчеркивая динамичность образа. Блестящее мастерство древнейшего художника сливается здесь с глубоким знанием изображаемого предмета, что отражается в фигурах охотников, козуль, оленей, лошадей, ослов и птиц. Олени миниатюрны, однотипны, но с характерной особенностью и выразительностью, каждый в отдельности. Своеобразие художественного исполнения усиливает динамику и напряженность образа животного. Контурной нарезкой, с сохранением деталей, переданы не только силуэты, но и отдельные части, оттененные четкими штрихами. Мастерство исполнения и органически связанное с ним содержание создали глубоко впечатляющую выразительность рисунка. Искусство нового каменного века последующего периода—периода скотоводства и земледелия—по своим формам и содержанию более многообразно. Наилучшим выражением этого являются наскальные изображения, разбросанные по склонам холмов в юго-западной части Пайтасара. Многочисленные выветренные скалы как бы составляют обширную площадь, поверхность которой напоминает полотно художника. Тщательное изучение этих наскальных памятников Арагаца и Гегамских гор показывает, что искусство того времени переживало длительный процесс развития.

Здесь на отдельных камнях, стоящих бок-о-бок, обнаружены рисунки, выполненные в разные времена. Часть этих изображений относится к линейным рисункам раннего времени. Сделаны они в несколько схематизированной манере и не всегда удается интерпретировать их. Многие из них остаются неразгаданными; как например, разного вида чудовища. На ряде камней чудовища представлены рядом с козами и собаками. Это сверхъестественные фантастические существа, с массивными длинными и кривыми туловищами, длинными

кривыми ногами, орлиными когтями и звероподобной головой на длинной шее. Шея снабжена рогами.

К концу нового каменного века в Армении возникают первые овцеводческие племена, изобразительное искусство Гегамских гор вступает в новую фазу. Появляется сложно-сюжетная гравировка, изображающая переселение обитателей и стад с равнин и низменностей на высокие горные пояса. Самые ранние образцы изобразительного искусства этих мест относятся к скотоводческому периоду. В каменистых долинах Гегамских гор и Арагаца их тысячи. На выветренных камнях черного базальта вырезаны рядами фигуры муфлонов, козуль, быков, оленей и других животных, даже лошадей.

По содержанию рисунки эти сходны с наскальными изображениями Сюника (Зангезур)¹³. Последние также представляют фигуры козуль, газелей, бизонов, туров, кабанов, оленей и лошадей. Из хищников фигурируют ягуар, лев и пещерный медведь. Человек здесь представлен крупным планом,—он вооружен луком, стрелами, копьем, щитом, в сопровождении собаки. Встречаются изображения быков, запряженных в двухколесные и четырехколесные телеги.

Здесь также господствуют сцены охоты, преобладают фрагменты из охотничьей жизни.

Ранние образцы наскальных изображений обнаружены в Гегамских горах. В сценах охоты обычны—овцы, козули, быки, бизоны, олени, собаки и хищные звери, повидимому, из семейства тигровых. Фигуры людей, миниатюры—с короткими массивными ногами, а порой—удлиненные, с тонкими корпусами, узкими в поясе, большими круглыми головами. Рисунки более позднего времени становятся контурными и переходят к более усовершенствованным формам. Последние встречаются в Гегамских и Зангезурских горах. Интересна стилизация быка и человеческих фигур.

Примечательно, что изобразительное искусство Гегамских гор, связанное по возрасту и стилизации с наскальными изображениями Арагаца и Зангезура, развивалось тем же пу-

¹³ Г. Караханян, П. Сафян, Наскальные изображения в Сюнике, «Советакан арвест», № 1, 1967, стр. 31—38. Их же, Новоявленные памятники древней истории Армении, Историко-филологический журнал, 1969 г., № 1, стр. 275—283.

тём—от примитивного линейно-натурального изображения к реальному, а затем, с резко выраженной стилизацией, к контурному изображению более позднего времени. Последние отличаются тонкостью линий, повидимому художник пользовался более твердым материалом и более искусно вырезывал камень. Встречаются и более сложные композиции. С течением времени высеченные линии выветрились, вылиняли и образовали патину цвета ржавчины. Наскальные изображения встречаются везде, отдельными композициями идущих в одном направлении небольших стад изящных серн и коз.

На одном из камней изображение группы людей помещено наверху, а внизу, на переднем плане, видны животные. Для показа множества оленей и коз художник иногда увеличивал число ног, или же рисовал только рога.

Искусству палеолита было чуждо отношение к человеку, свойственное наскальным изображениям позднесреднего каменного века, неолита и медного века Армении. Это заметно в стремлении художника внимательнее и детальнее вырезать фигуры человека, как бы подчеркивая тем самым его ведущую роль. Основное содержание искусства древней Армении—человек, как главная движущая сила природы. Повествовательный характер наскальных изображений и подчеркивание деталей в них дают довольно ясное представление о жизни людей того времени. Мужчины зачастую наги, женщины—одеты.

Известно, что до неолита главным занятием человека была охота. Охотились на благородных оленей, серн, диких овец, козуль, но в рисунках нового каменного века изображены также и собака. Поразительна наблюдательность художника при изображении охоты на диких зверей: на переднем плане—охотник, вооруженный копьем, луком и стрелами; лук представлен в двух формах: больших размеров лук имеет форму длинной и широкой дуги, у маленьких луков—в середине выгиб. Весьма возможно, что большие луки типичны для более отдаленных времен.

Для племен раннего неолита домашним животным, судя по рисункам Гегамских гор, считалась лишь собака, но в развитом неолите также овца и коза.

На одном из рисунков изображена примечательная сцена

охоты: охотник пересекает животному дорогу, а чуть выше те же животные натыкаются на других охотников, угрожающих ему копьями. На некоторых рисунках изображены охотники, которые с устремленными вперед головами, вытянутыми вперед копьями, луками и стрелами гонятся за сернами и оленями.

В высокогорных поясах Армении кочующие племена задерживались надолго, ибо и там, вследствие особо благоприятных условий жизни, развелось не только большое количество диких животных, но со временем получило распространение и скотоводство. Рисунки, изображающие эту эпоху, дают представление об охотниках-скотоводах каменного века.

Точной датировки наскальных изображений Армении не существует; установление их абсолютного возраста сопряжено с большими трудностями, так как они не изучались параллельно с археологическими открытиями. Они не совпадают по возрасту с известными первобытными стоянками и поселениями. К тому же, археологические памятники, и тем более, каменные орудия, за исключением материалов, извлеченных на Арагаце (Заги), не увязываются с местами наскальных изображений. Материалы существующие в ограниченном количестве, недостаточны для установления их возраста, и потому вопросы хронологии, систематизации и датировки этих памятников до сих пор остаются неразрешенными. Труднее всего определить возрастные границы наскальных изображений раннего периода.

Сличение ряда пещерных рисунков (давших археологический материал) с рисунками на обломках скал дает возможность осуществить приблизительную датировку. Для этой цели мы сопоставляли изображенный на них животный мир с историческими данными. Осуществляя приблизительную датировку этих рисунков мы основываемся пока на цвете патины, на которой соответственно возрасту заметен переход от темных к светлым тонам, а также на стиле рисунков, мастерстве их исполнения и содержании.

Датировка наскальных изображений Гегамских гор, Арагаца и Зангезура затрудняется и тем, что в ряде случаев рисунки исполненные в разное время покрывают камни, лежащие очень близко друг от друга, и среди них, как мы уже от-

мечали, самыми ранними считаются рисунки, выполненные схематично, одной непрерывающейся линией, и очень плохо сохранившиеся.

Разумеется, более древние наскальные изображения появились в Армении очень рано, о чем свидетельствует наличие фигур исчезнувших слонов, диких быков и других животных гигантских размеров.

Древнейшее наскальное изображение Армении найдено в Джермуке. Это рисунок животного, напоминающего слона или мамонта, повидимому, характерный для верхнего палеолита. Рисунок этот затем заменяется, так называемой линейной вырезкой.

К последующему периоду относятся пещерные рисунки Арагаца—сцены охоты без участия собак.

Первобытное искусство Арагаца представляет собой особый интерес: найденные в этих пещерах мезолитические орудия дают возможность отнести наскальные изображения также к древнейшим временам (мезолиту).

На Гегамских горах в настоящее время насчитываются десятки тысяч наскальных изображений, которые по времени относятся к мезолиту, неолиту и медному веку.

Следует полагать, что наскальные изображения Армении существовали еще в период верхнего палеолита. Творцами этого искусства были многие поколения охотничьих и скотоводческих племен, которые в те далекие времена заселяли названные места. Гораздо позднее в новокаменный и медный века, искусство скотоводов достигло высокого уровня совершенства и имело весьма длительное развитие—несколько тысячелетий.

В эпоху медного века в Армении появляются изображения лошадей и других тягловых животных, как и рисунки сохи и телеги. Стиль рисунка этого периода постепенно становится контурным. Работы более позднего времени отличаются не только формой, но и подходом к изображаемому предмету, контуры людей и животных приобретают ясность, появляются даже черты лица. Плохо датирован также и следующий период, знаменующий переход к контурному изображению животных.

Таким образом, наскальные изображения эпохи перво-

бытного общества Армении своим содержанием и стилевыми особенностями делятся на несколько основных периодов.

1. Памятники древнейшего периода наскальных изображений Армении—фигуры слонов-мамонтов. Период наскальных изображений, представляющий слонов-мамонтов, присущ позднему древнекаменному веку (верхний палеолит), 40000—12000 лет до н. э.

2. Период однолинейных наскальных изображений, знаменующий появление фигур коз и овец, как и сцен охоты, с вооруженными луком, стрелами и копьями людей, без участия собак. Это характерный период позднего среднекаменного века—мезолита (12000—8000 лет до н. э.).

3. Период гравирования углубленным контуром, когда возникают многофигурные сюжетные рисунки, изображающие разнообразных животных, охоту на коз, овец, быков, оленей и вооруженных луком и стрелами людей в сопровождении собак. Это период раннего земледелия и скотоводства, характерный для неолита (7000—4000 лет до н. э.).

4. Период высекания контуров и силуэтов—фигуры вырезаны контурами, преобладают сложные композиции, сюжетные рисунки. Появляются лошади, люди, сидящие верхом на лошадях, вооруженные луком и стрелами, сопровождаемые собаками, сцены охоты на коз, овец, быков, оленей. В земледельческом и скотоводческом хозяйстве находят применение тягловые животные, характерные для энеолита-меднокаменного века (3000—2000 лет до н. э.).

Небольшую группу наскальных изображений (преимущественно материалы Сюника), можно отнести и к более позднему времени—первому тысячелетию до н. э.

Наскальные изображения указанных четырех периодов встречаются повсюду, а древние памятники ранних эпох сохранились в немногих местах. Лучшие изображения Арагаца, Сюника и Гегамских гор по праву могут считаться шедеврами первобытного искусства Армении.

В Западной Армении (в районах Пирина-Адиямана и Карса) также широко распространены наскальные изображения. Они открыты в 1937 г. в небольшой пещере, у дороги в Паланлы, Адияман, Малатия. Пещера состоит из трех глубоких ниш; на двух из них имеются патинизированные рисунки.

Они высечены на известняковой скале и изображают стилизацию диких коз. Э. Питар полагает, что их можно отнести к Мадленскому периоду верхнего палеолита и находит в них некоторое сходство с наскальными изображениями Передней Азии, Северной Африки и Испании.

Исходя из особенностей наскальных изображений Армении (Арагац, Сюник, Гегамские горы) мы приходим к выводу, что материалы Пирин (Адияман) и Карса нельзя датировать по времени ранее верхнего палеолита и мезолита, как и нельзя датировать более поздним временем, чем медный век, так как наскальные изображения Армении дают материалы верхнего палеолита, мезолита, неолита и медного века.

К этому выводу приводят нас наблюдения над высокохудожественными рисунками и статуэтками медного века, получившими свое развитие как в контурных рисунках оленей, коз, баранов, лошадей, собак, так и в выразительных статуэтках этих животных.

ЧАСТЬ IV

МЕДНЫЙ ВЕК (ЭНЕОЛИТ) В АРМЕНИИ

Глава первая

ПЕРЕХОД К РАННЕМУ МЕТАЛЛУ

Первая обработка меди в Передней Азии, вероятно, имела место в районах, богатых медными рудниками—Малой Азии и Армении, где производство предметов из меди в эпоху энеолита достигло особенно высокого развития. В Армении—в поселении Шенгавит и могильниках—найжены орудия из меди, украшения, подвески, спиральные завитки, булавки с кривым концом, браслеты, а также орудия: гравёрки, шилья, крючки, долота, плоский топор (тесак), топор с отверстием для рукоятки, листообразный наконечник копья, серп и т. п. Булавки найжены на большой территории в Тепе-Гиссаре, Трое, Шенгавите. Эти находки обнаружены вместе с черной лощеной энеолитической керамикой с геометрическим орнаментом.

В некоторых поселениях энеолита—в Кюль-тепе, Шенгавите—найжены также литейная форма для плоского топора с отверстием для рукоятки, а в энеолитическом слое Гарни—литейная форма для проушного топора.

Эти находки образцов ранней ступени металлообрабатывающего литья Армении из слоев энеолитических поселений, большие запасы медных рудников (эти рудники были широко распространены на Армянском нагорье) указывают на факт местного производства предметов из меди с начала III тысячелетия до н. э. Медные изделия обнаруживаются с начала энеолита.

В медных изделиях периода энеолита Армянского на-

горя, как и Закавказья, встречается небольшая примесь мышьяка. Это обстоятельство привело к расхождению мнений некоторых исследователей относительно энеолита. Так, Т. Бартон Браун отмечает, что если в составе меди имеется большой процент мышьяка, то его уже нельзя считать естественной примесью. Это—обдуманый сплав. А К. Партингтон утверждает, что если в древних сплавах наличие мышьяка превышает 2,8%, то его надо считать дополнительным материалом, намеренно сплавленным с медью. Такого же мнения придерживается и ряд советских археологов—А. А. Иессен и другие¹.

В медных предметах из раннеэнеолитического слоя начала III тысячелетия до н. э., найденных в результате наших раскопок поселения Шенгавит, мышьяк составляет—по данным химического и спектрального анализа лаборатории Института геологии АН Арм. ССР—0,01 %, в медных изделиях позднего энеолитического слоя начала II тысячелетия до н. э. содержание мышьяка составляет 0,1—0,3 и 2,2%, а в раннеэнеолитических слоях Кюль-тепе близ Нахичевана, начала III тысячелетия до н. э. мышьяк, по данным этого же анализа, составляет 6,79%. Стало быть в раннем энеолите мышьяка добавляли больше, чем в позднем. Это явная неосновательность. Такая примесь, несомненно, случайна и ни в коем случае не могла быть намеренным сплавом. Исследования показывают, что подобные примеси характерны для естественного состояния меди рудников Армении, из которой, по всей вероятности, и изготовлялись эти предметы². Об этом свидетельствует химический анализ медной ру-

¹ T. Burton-Brown, Excavations in Azarbaijan 1948, London, 1951, p. 188.

K. Portington, Origins and development of applied chemistry, London, 1935 p. 54.

А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 33; Его же, Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры, К. С. И. археологии, 93 АН СССР, 1963, стр. 3—14.

² По свидетельству геологов, занятых изучением медных рудников, почти во всех из них (Алаверди, Ахтала, Шамлуг, Кафан, Мец-дзор и т. д.), независимо от глубины залегания руды, даже в поверхностных слоях наряду с естественной медной рудой, встречается руда с примесью

ды Армении, в которой мышьяк составляет до 5% (Анкаван). Если иметь в виду, что эти анализы сделаны на руде, обогащенной медью, а во время обработки последней часть мышьяка могла отойти (испариться), то это означает, что естественная руда содержала в себе мышьяка значительно больше.

Здесь мы имеем прямо противоположную картину. Полученные из сплава меди и мышьяка орудия и оружие, как утверждают технологи, по прочности более слабы ломки (хрупки) и намного уступают изделиям из чистой меди. В древности, в условиях низкого уровня техники, первобытный человек не был в состоянии удалить из медной руды примесь мышьяка. Лишь впоследствии с помощью более совершенных методов люди получили возможность полностью удалять мышьяк, как вредный материал, из меди.

Несмотря на то, что Дж. Меллард³ в ходе раскопок в довольно ранних слоях Хаджилара (VI), хотя и редко, но обнаруживал медную руду, однако, она, как указывает сам Меллард, использовалась для шлифовки орудий, и потому не может быть отнесена к медному веку.

Наличие кусков медной руды в слоях нового каменного века (5600 лет до н. э.). В Массон объясняет, в частности, тем, что в поселениях нового каменного века—Хаджилара и Сиро-Киликии производство кремня было развито сравнительно слабо.

Позднее выяснилось, что в Чатал-Гуюкских поселениях нового каменного века (6500—5500 лет до н. э.) металлы—медь и свинец—употреблялись в более раннюю эпоху (IV слой). Особенно большое распространение получили свинцовые бусы и привески, найденные в VII—VI отложениях. Име-

мышьяка, никеля и серебра. К числу этих руд принадлежат энаргит и тенантит.

В энаргите медь составляет 48 %, мышьяк—19 %, а в тенантите медь составляет около 53 %, мышьяк—20 %, никель—0,003 %, серебро—0,5 %.

Серебро содержится также в руде халькопирита/Содержание мышьяка, никеля, серебра в этих металлах совершенно не связано с глубинными горизонтами рудного месторождения.

³ J. Mellaard, Earliest civilizations of the Near East, L. 1965, p. 105.

ются также украшения, изготовленные из меди—бусы, при-
вески, кольца, а во II-м слое найдены булавки и шилья.

Следы использования меди обнаружены также в более
древних памятниках Ближнего Востока, доходящих почти до
эпохи мезолита. Однако наличие медных украшений, как и
первых железных бус отнюдь не свидетельствует о начале ме-
таллического века. Оружие и орудия поселенцев Чатал-Гюя-
ка еще состояли из камня и кости, которые соответствовали
уровню общественно-экономического развития того времени.

Итак, начало медного века, как мы уже отметили, отно-
сится ко времени осуществления выплавки металлов, следова-
тельно, найденная в малом количестве натуральная медная
руда и раскопанные в Чатал-Гююке украшения из железа и
свинца, также не могут свидетельствовать с начале медного
века⁴.

Хотя Меллард предполагает, что в эпоху формирования
верхнего слоя Чатал-Гююка, плавка меди была уже известна,
тем не менее вопрос этот полностью не исчерпан⁵.

В Армении, на некоторых холмах-поселениях, ниже слоев
раннемедного века непосредственно залегает слой позднего
каменного века, в то время, как на других холмах-посе-
лениях за культурой нового каменного века верхнего гори-
зонта, стратиграфически следует слой культуры раннего ме-
дного века, следовательно, гипотеза о «медно-мышьячном брон-
зовом веке» остается непонятной.

Наконец, в Армении нижним раннеэнеолитическим слоям
некоторых холмов-поселений (Шенгавит) непосредственно
предшествует культурный слой позднего неолита, а за верх-
ним горизонтом неолитической культуры некоторых неолити-
ческих холмов-поселений (Кхзьяк-блур) стратиграфически сле-
дует культурный слой раннего энеолита.

Это доказывают также впервые раскопанные и исследо-
ванные нами в разных районах Армении многочисленные нео-
литические и энеолитические поселения, давшие превосход-
ный материал. Благодаря многослойным поселениям Армении

⁴ В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, 1964, стр. 71.

⁵ В. М. Массон, Неолит Южной Турции. Археология старого и нового
света, М., 1966, стр. 163—164.

мы имеем возможность исследовать раннюю историю по-
селений Армянского нагорья в целом.

Наши периодические исследования в Араратской равни-
не, Арагацотне (1945—1970 гг.), дали десять слоев разновре-
менного (керамического) материала, позволяющие просле-
дить стратиграфическую последовательность новокаменного,
медного и бронзового веков Армении, установить взаимосвязи
с другими культурами и уточнить датировку древнейших па-
мятников всего Армянского нагорья. Ныне определены основ-
ные фазы этой древнейшей культуры, которые восстанавлива-
ют общую картину исторического процесса раннего периода
Армении. Обнаруженный археологический материал охваты-
вает промежуток времени от докерамического неолита до
медного и бронзового века.

Первая группа указанных поселений характерна для ран-
него, среднего и позднего новокаменного века (Сев-блур вто-
рой, 1, 2, 3, слой). *Вторая группа* — для раннего, среднего,
позднего новокаменного и начала раннего медного века
(Кхзьяк-блур 1, 2, 3 слой), в конце которого производство но-
вокаменного века переходит к началу медного века. Для сло-
ев 1, 2 Сев-блур и 1, 2 Кхзьяк-блур характерны грубые, тол-
стостенные, с неровной поверхностью, каштановые и светло-
желтые сосуды полушарной формы со сквозными отверстия-
ми на венчике или с выступами, в виде елочного узора, входя-
щими друг в друга углами, с врезным и точеным узором.

Слой Кхзьяк-блур 3 (переход от неолита к энеолиту) де-
лится на подслои 3а и 3б. Для слоя 3а характерна тонкозер-
нистая с примесью песка и соломы позднееолитическая ке-
рамика со светложелтым ангобом, красного и бурого цвета.
А в слое 3б появляется характерная для начала раннего эне-
олита расписная и черная, с красной подкладкой посуда с ша-
ровидной ручкой или же ущемленным выступом вместо ручки,
без узора. На этой посуде отсутствует характерный геометри-
ческий прореченный мотив.

3 слой Кхзьяк-блур датируется временем Каваблур
(Боздаг)—2, Маштоц-блур—3, Кюль-тепе—1—(около Нахич-
евани и Техута⁶ (около Эчмиадзина).

⁶ Р. М. Торосян, Раскопки Техутского поселения И. Ф. Ж., Ереван,

Третья группа поселений характерна для позднего неолита и всего раннего энеолита (Шреш-блур—1,2). В этом поселении керамику поздненеолитического типа слоя За Кхзьяк-блур заменяет черная лощеная с красной подкладкой, полушарными ручками, украшенная вдавленными ямочками, спиралями, концентрическими кругами посуда.

Четвертая группа поселений, два нижних слоя которых тождественны слоям Кхзьяк-блур—3 и Шреш-блур 1, 2, а верхние слои следуют за Шреш-блуром, характерна для новокаменного и раннего, среднего и позднего медного века (энеолита), Шенгавита—1, 2, 3, 4, из ^{тор}коих Шенгавит 1, 2 характерны и сходны с Шреш-блуром 1, 2. Для Шенгавита—2, раннего энеолита характерны расписная и черная лощеная керамика с геометрическим узором, ямочками, спиралями и концентрическими кругами (типа Кюль-тапа—2).

Для Шенгавита 3-й слой среднего энеолита, характерны расписная и черная лощеная посуда, с тонким прочерченным узором, типа поселения Такаворанисг, а Шенгавит—4-й слой характерен для позднего энеолита. Для этого слоя характерна расписная и черная лощеная посуда с крупным прочерченным узором. В древнейших поселениях Армении в небольшом количестве расписная керамика встретила в переходном слое от неолита к энеолиту, раннем, среднем и позднем энеолите в сочетании с меньшим количеством черной лощеной. На некоторой посуде расписной узор проведен на внешней поверхности сосуда, а иногда узор наносился и на внутренней поверхности сосуда, который имел чернолощенную поверхность с тонким, прочерченным узором. Это показывает, что в Армении, начиная с ранних времен, было одновременное производство обоих типов керамической продукции. Эта группа поселений медного века Армянского нагорья тесно связана с поселениями позднего этапа новокаменного века.

Пятая группа поселений (Иджеванатун-блур) содержит разновременные слои, которые позволили доказать последовательность древнейших культур энеолита и бронзы. Это поселение характерно для позднего медного, раннего, среднего и

позднебронзового веков. Таким образом, для уточнения датировки медного и бронзового веков, где встречается и керамика позднего медного, раннего, среднего и позднебронзового веков, важное значение имеет изучение поселения Иджеванатун-блур, где замечена стратиграфия позднего медного и бронзового веков.

Нижний (первый слой) поселения Иджеванатун-блур дает керамику типа Шенгавит—4, с черной лощеной поверхностью, крупным прочерченным геометрическим узором, полушарными ручками. Над ним находится слой следующего периода развития культуры Армении—раннебронзовой и расписной посуды типа нижнего слоя Кармир-берда (Кэл-Кала), а выше этого располагается средне-и-позднебронзовый (типа Лчашен) слои (2, 3, 4 слои Иджеванатун-блур).

После всего сказанного не выдерживает никакой критики «теория мышьячно-бронзового века». Неверный вывод является результатом того, что исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, археологически недостаточно изучили и познали культуру энеолита Армении, они почти не знают неолитической культуры и, наконец, не знакомы со взаимосвязью неолита и энеолита. Без учета всего этого, попытка приписать культуру энеолита времени «ранней» или «древней бронзы» была бы иллюзией.

Армянское нагорье в эпоху энеолита, несомненно, не было обособленной территорией; оно составляло важную часть древнего культурного очага Передней Азии. Изучение памятников древнего мира все более отчетливо выявляет связи, существовавшие между ними в древности и выразившиеся в таких взаимных торговых и культурных сближениях, которые могли возникнуть лишь между странами, находящимися на сходном уровне развития.

Уровень развития материальной культуры Армянского нагорья был настолько высок, что не мог не повлиять на соседние страны. Это влияние заметно в Сирии, Палестине и на севере Кавказа, где распространена черная лощеная керамика, родиной (центром) которой является Армянское нагорье. Известно, что Армянское нагорье было очень богато металлом.

Уже с III тысячелетия до н. э. в Армянском нагорье на

довольно высоком уровне была обработка металла. Следовательно, Армянское нагорье могло стать одним из древнейших и наиболее важных очагов сырья и готовой металлургической продукции.

Племена Армянского нагорья в медном веке были связаны с высокой культурой Передней Азии. Армения была основным центром добычи меди, отсюда металл (медь) проник в IV—III тысячелетии до н. э. к племенам Передней Азии. Многие крупнейшие центры производства меди находились на Армянском нагорье. Об этом свидетельствуют многие источники⁷. Такими центрами являются рудники в провинциях Васпуракана (Ванская область), Мокса, Харберда (Капан-Маден), Себастии, Агдзника (Аргана-Маден), Спера, Диарбекира, Лори (Алаверди, Шамлух, Ахтала), Сюника (Капан), Гохтана, а также рудники Дилижана, Вайоцзора, Анкавана, Гехаркуника и другие. В древности они, несомненно, имели большое значение, поскольку общий подъем культуры Армянского нагорья в то время был непосредственно связан с передовыми странами древнего мира—с центрами древнего Востока, что в свою очередь способствовало развитию культуры Армении. Некоторые археологические открытия говорят о связях, существовавших между Арменией и Месопотамией. Это отчетливо проявилось в сходных формах медных орудий и украшений.

Связь энеолита Армении с центрами Передней Азии особенно очевидна на материалах, извлеченных из могильников Шенгавита. Выявленные в результате этих раскопок параллели с культурой энеолитических племен Месопотамии, Ирана и Малой Азии неоспоримы. Неопровержимо сходство браслетов из меди, спиральных украшений (завитки), шильев, а также медных листовидных наконечников копий, плоского топора (тесака) и массивного топора с отверстием для рукоятки с памятниками Нижней Месопотамии (Шумера) древнего города Ур. Форма так называемых «царских могильников» и

⁷ Մովսիսի Խորենացու «Պատմութիւն հայոց», Թիֆլիս, 1913 թ. Ղեկանդայ մեծի վարդապետի «Պատմութիւն հայոց», Պետերբուրգ, 1887 թ.: Մովսիսի Կաղանկատուացու «Պատմութիւն աղվանից աշխարհի», Թիֆլիս, 1912 թ., էջ 15: Ղազարայ Փարպեցու «Պատմութիւն հայոց», Թիֆլիս, 1907, էջ 21:

шенгавитских булавок аналогична находкам в городе Киш в Месопотамии⁸ в Тепе-Гисар в Иране⁹ в Малой Азии (Троя I, II)¹⁰ и в Египте. Специфические формы развития указанной группы медных изделий характеризуют ранний период металлообработки.

Итак, памятники медного века Армении очень близки памятникам этого же периода Передней Азии, отличающимся определенным своеобразием и оригинальностью. Это свидетельствует о том, что жившие в этом районе племена развивались самостоятельно. Нет никакого сомнения, что древнее население Армении в большей степени, чем племена северных стран, использовало достижения культуры народов Месопотамии и Передней Азии.

В Армении найдены также проушные топоры, которые встречаются на обширной территории. Они указывают на дальнейшее развитие плоского топора и топора с отверстием для рукоятки, которые были сходны с каменными, при этом проушной, массивный топор с отверстием для рукоятки и формовки каменных и глиняных топоров имели широкое распространение; эти топоры применялись в III тысячелетии до н. э. в качестве оружия. Это явствует из материалов раскопок энеолитических памятников Армении—Шенгавита, Кюль-тепе, Гарни. Подобные топоры встречаются также в районах Карина-Эрзерума (Караз), Игдирия и Карса¹¹.

Жители Армянского нагорья распространяли изделия из южного металла, проушные топоры с отверстием для рукоятки и др. далеко на север.

⁸ Woolley, C. Leonard, 1930. Excavations at UR, 1929—30, Pennsylvania university, University Museum; Museum journal XXI. 81—105, Philadelphia, 1934, UR excavations, II. The royal cemetery, 2 vols. Text and plates, London. Woolley, C. Leonard. The royal cemetery (Ur excavations vol II), New York, 1944, Table 146 (pl. 12467, p. 583). Maskay Ernest, A sumerian palace and the „A“ Cemetery at Kish. part II, Field Mus. of Nat. Hist. anthr. Mem. V, I, Chicago, 1929, p. 209—211, Tab. XLVI, 8—9.

⁹ Schmidt, Erich. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, II, 1937, pp. 56—57, v. XVI, NH. 3658, V. XXVIII, 1119, 1920.

¹⁰ H. Schmidt, Troja Mykhne—ungarn Zeitschr. für Ethn Bd. XXXVI, Berlin, 1904, pp. 615, 624. Г. Чайльд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 146, рис. 461.

¹¹ H. Z. Kosay, Turfan Kemal, Erzurum-Karaz, Türk Tarih Kurumu, Belleten, m. XXIII, 1959, No. 91, p. 174.

Указанный комплекс медных изделий, найденный на территории Армении, свидетельствует о наличии определенного этапа в развитии общества, периода освоения металла, который связан с древним поселением Шенгавит. Первоначальные формы его характерны для памятников раннего периода медного века, а найденные в Армении топоры с отверстием для рукоятки подтверждают следующий этап развития медного века и связываются с развитым энеолитическим поселением Шенгавита.

Эти параллели медного века Армении в большей части, несомненно, являются аналогиями стадияльного порядка и выражают один и тот же уровень развития металлообработки. Предметы, найденные в энеолитических поселениях Армянского нагорья, отражают хорошо известную абorigенам Армении культуру медного века.

Итак, наиболее вероятной датой освоения в Армении раннего металла—меди, которая охватывает большой промежуток времени, необходимо считать отрезок времени с конца IV тысячелетия—до начала II тысячелетия до н. э.

Энеолит Армянского нагорья как исторический этап завершает эпоху неолита и предшествует бронзовому веку.

ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ЭНЕОЛИТА НА АРМЯНСКОМ НАГОРЬЕ

В настоящее время на Армянском нагорье известны остатки целого ряда поселений, представляющих культуру медного века—одного из важнейших этапов развития культуры первобытного общества. Раскопки открыли эти древние поселения, тесно связанные с памятниками позднего неолита Армении.

В настоящее время изучение этой культуры осуществлено на более широкой территории—почти на всем Армянском нагорье—в Араратской равнине, бассейнах озер Ван и Урмия, до территории Карина (Эрзерум) и в других частях Армянского нагорья. К числу земледельческих и скотоводческих очагов Армянского нагорья относятся: Араратская равнина,

Лори, Нахичеван¹², Яйчи, Игдирь (Сурмалу)¹³, Карс, Байбурт, Ардаан, Ван, Багреванд (Алашкерт), Беркри, Тарон, Буланых, Маназкерт, Арцке (Адилджаваз), Бадноц, Малатия, Харберд, Аджатаман, Аргана-Маден, Дивриги, Кангал, Артаван, Гекимхан, Акадаг¹⁴, Карин (Эрзерум)¹⁵, Геой-Тепе¹⁶ и другие районы.

Довольно хорошо изучена восточная часть Армянского нагорья, в особенности районы Араратской равнины. Здесь обнаружены памятники, очень похожие на энеолитические памятники Передней Азии. Эта культура представлена в районах долин открытыми поселениями, образующими искусственный холм, а в предгорных районах—на естественных холмах искусственно укрепленными крепостями-поселениями. Часто наличие в этих поселениях мощных культурных отложений свидетельствует о длительном пребывании обитателей в данном месте. Это—искусственные возвышенности, образовавшиеся из слоев поселений и жилищ, последовательно отложившихся друг на друге, которые армяне обычно называют «блур» или «мохраблур».

На территории Армянского нагорья памятники этой классической культуры впервые были выявлены и изучены в 1913 и 1928 гг. на Шреци-блуре, в 1945 г. и в 1960—1961 гг. на Мохра-блуре, близ Эчмиадзина, в 1936—1938 гг.¹⁷, и в 1958—1965 гг. в Шенгавите (Ереван). Найденные интересные мате-

¹² Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, „Советская археология“, т. XI, 1949 г., стр. 182.

Е. А. Лалаян, Археологические раскопки в Эриванской губернии, И. А. К., прибавление к вып. 14, 1905, стр. 47—48. (перепеч. из газеты „Кавказ“ от 16/XI (1904 г.), Նախընթացի գաղափար «Ազգագրական հանդես» Ժողովածու, XIII, Ժ. II, Թիֆլիս, 1906, էջ 207—208.

О. А. Абибуллаев, Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевана в 1955 г. МИА 67, 1959; Его же, Археологические раскопки в Кюль-Тепе, Баку, 1955, (на азерб. языке).

¹³ Б. А. Куфтин, Урартский „колумбарий“ у подножия Арарата и Куро-Аракский энеолит, ВГМГ, XIII, т. XI, 1944.

¹⁴ С. А. Burney, Eastern Anatolia in the chalcolitic and early bronze age „Anatolian studies“, VIII, 1958, p. 164.

¹⁵ Kosay, Hamit Zübeyir—Turfan, Kemal. Erzurum—Karaz, Türk Tarih Kurumu, Belleten, т. XXIII, 1959, No. 91, s. 174.

¹⁶ T. Burton Brown, Excavations in Azerbaijan, 1948, L., 1955.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, „Советская археология“, т. XI, 1949 г., стр. 182.

риалы имели многочисленные параллели с другими сходными поселениями Армении—Франганоц, Хэнавуз (Эчмиадзин), Такаворанист, Жданов (Кировакан), Малаклу, Яйчи (у Игдиры), Кюль-тепе (Нахичеван), Элар (Котайк), Сев-блур, Аревик (Гузигдан) и т. д.

Энеолитическая культура охватывает большой промежуток времени. Нижние слои многих урартских и средневековых крепостей и городов Армении—Ахтамурская крепость, Армавир-блур, Двин, Гарни и другие дают материал периода энеолита. Все они были постоянно оседлыми поселениями земледельческих и скотоводческих племен с многочисленными следами обработки культурных растений и разведения домашних животных. В поселениях раннего энеолита земледелие сначала было примитивным, а в конце энеолита получило большое развитие.

В IV тысячелетии до н. э. земледельческие и скотоводческие очаги были широко распространены также в южных районах Армянского нагорья—в разных частях Западной Армении. Подобные поселения впоследствии возникли также в северо-западных районах Армянского нагорья.

Территория Армянского нагорья—один из древних очагов земледельческо-скотоводческой культуры Передней Азии. Особенностью положения этих древних культурных отложений является то, что культурные слои медного века находятся в многослойных поселениях и закрывают собой более древние отложения, которые своей материальной культурой отражают предшествующее исторически длительное развитие. Стратиграфическое исследование этих древних памятников Армении определило постепенное развитие культурных остатков последовательных слоев и дает нам возможность установить хронологическую периодизацию всего новокаменного века и энеолита по их ранним, средним и поздним этапам.

К позднему неолиту и к разным периодам энеолитической культуры относятся Шенгавит 1, 2, 3, 4; Шреш-блур 1, 2; Мохраблур 1, 2; Севблур 1, 2; Кюль-тепе 1, 2 (близ Нахичевана); Караз 1 (близ Эрзерума); Геой-тепе N, M, K (близ оз. Урмия); Малаклу (у Игдиры).

В настоящее время на Армянском нагорье собран большой материал энеолитической культуры, в значительной мере

расширился его ареал, определилась его жизненная необходимость, возможность распределения ряда локальных групп и хронологических подразделений: зона распространения энеолита Армении включала все Армянское нагорье и, проникая на север, достигла реки Куры—Амиранис-гора, Сачхере, Кулбакеби, Кикети, Бешташени, Квацхелеби, Хизанатгора (Грузинская ССР)¹⁸. В долине Агстафа-Баба-Дервиш, Тойра-тепе, Шаму-тепе, район Казаха (Аз. ССР).

В последнем десятилетии памятники этой культуры обнаружены и частично исследованы также в западной части Армянского нагорья—в бассейне оз. Ван, в Карин-Эрзеруме, Муше, Харберде¹⁹; на юге она распространялась до бассейна оз. Урмия. Далее, керамика и другие элементы проникали на юго-запад—в районы Антиохии, Северной Сирии и частично Палестины²⁰, где керамика датируется серединой или второй четвертью III тысячелетия до н. э. и известна под названием Кирбет-Керакской. Энеолитическая культура Армянского нагорья долгое время сохранялась в Араратской равнине, Ване, Муше, Карин-Эрзеруме и Геой-тепе у озера Урмия), между тем как на севере (на Кавказе) и на юго-западе в Сирии и Палестине она длилась недолго и не была так ярко выражена. Она возникла, распространилась и сохранялась долгое время на территории Армянского нагорья. Несмотря на то, что вопросы точной датировки ещё не решены окончательно, однако о длительном существовании этой культуры свидетельствуют находящиеся над слоями новокаменного века следующие друг за другом слои раннего, среднего и позднего энеолита, которые были открыты в Шенгавите, Шреш-блуре, Севблуре, Мохра-блуре, Кюль-тепе²¹, Геой-тепе²², Каразе²³.

¹⁸ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Историческое значение южного Кавказа в III тыс. л до н. э., С. А. 3, 1964, стр. 10.
И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов, Агстафачайское поселение близ г. Казах, С. А. IV, 1962.

¹⁹ С. А. Burney, Eastern, Anatolia in the chalcolithic and early bronze age. AS V, VIII, 1958. pp. 157—209.

²⁰ Т. Byrton-Brown, Excavations in Azerbaijan, 1948, L, 1955, стр. 16 (слой „K“).

²¹ О. А. Абибуллаев, Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевана в 1955 г., МИА СССР, № 6, 7, 1959, стр. 431 и 452.

²² Excavations in Azerbaijan, Стр. 16, сл. „K“.

²³ Н. Kosay, K. Turfan, Erzurum-Karaz kazısı raporu T. T. K. Belleten XXIII, 1959, No. 91, S. 349—413.

Общность культур в восточной и западной частях Армянского нагорья свидетельствует о наличии связей у древнего населения этих территорий. Эти связи населения юга с населением западных и южных районов Армянского нагорья восходят к очень раннему периоду. Об этом можно судить по близости нескольких находок энеолитической культуры Армянского нагорья (сравнить с материалами Западной Армении — Караза²⁴, Геой-тепе, Яйчи²⁵ и на берегу озера Урмия), в особенности керамики, датируемой началом III тысячелетия до н. э. Этим сравнением объясняется единство названных культур. Этапы ее развития нам уже ясны. Ряд исследователей пробует определить время оформления этой культуры и пути ее дальнейшего распространения. Некоторые из них полагают, что районы Триалети и Урмии были окраинами этой культуры, а ее основными центрами считают западную часть Армянского нагорья и районы среднего течения Аракса²⁶ (Аракатская равнина).

Весьма вероятно, что энеолитическая культура Армянского нагорья была перенесена населением на юг — в Сирию и Палестину (Кирбет-Керакская керамика) — на некоторое время, но довольно интенсивно. Однако характер этих передвижений еще неясен. В этом вопросе более вероятна точка зрения, по которой керамика с красным и черным лощением²⁷ из поселений района озера Амук (Сирия) не считается «результатом больших северных передвижений народов», как это полагают другие²⁸.

Сторонники этой точки зрения подчеркивают для нового периода обнаруженные на этом же этапе вместе с керамикой хронологические и стратиграфические схемы, в которых сохранились местные традиции, особенно в производстве керамики. Этой точке зрения противостоит предположение о насильственном перемещении населения.

²⁴ Там же.

²⁵ C. A. Burney, Excavations at Yanik Tepe (North-West Iran). „Iraq“, V. XXIII, No. 2, 1961. pp. 138—153.

²⁶ C. A. Burney, Eastern Anatolia... pp. 165, 166.

²⁷ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood, Excavations in the plain of Antioch, I, OIP LXI 1960, p. 518.

²⁸ L. Woolley, A forgotten kingdom, London, 1958, pp. 31, 32.

Выходит, что пути проникновения керамики в Сирию и Палестину еще неясны. Нам кажется более вероятным, что распространение этой культуры происходило с северо-востока, с Армянского нагорья, поскольку все параллели ведут нас на северо-восток Передней Азии — к Армянскому нагорью. Исходя из этого необходимо отметить предположения ряда исследователей о важной роли Армянского нагорья в деле снабжения обсидианом и металлом районов Месопотамии и Сирии²⁹.

Известные в Сирии металлические изделия, позволяющие изучить связи с северо-востоком, приписываются времени проникновения на юг Кирбет-Керакской керамики (половина III тысячелетия до н. э.) и более позднему периоду — до начала II тысячелетия до н. э. Здесь речь идет об очень важных центрах древней металлургии. Медные рудники Передней Азии находились в ее северных областях, главным образом, на Армянском нагорье. Указанные центры медных рудников издавна установили связь с севером и на ранних этапах развития металла должны были играть существенную роль в снабжении металлом как районов Армянского нагорья, так и Северной Сирии, Месопотамии, Шумера и Элама³⁰.

Энеолитические памятники Армянского нагорья развивались как самостоятельная часть довольно широкого культурного единства, занимая обширную территорию на юге и западе до озера Урмия и районов Харберда и Малатии.

До последнего времени нам не были известны многие важные вопросы далекого прошлого Армянского нагорья. Нам оставалось неясным, имели ли его обитатели первые культурные оседлые земледельческие и скотоводческие очаги эпохи неолита, предшествовали ли этой системе развития хозяйства более ранние этапы как в Армении, так и в примыкающих к ней с юга странах.

В настоящее время в разных частях Армянского нагорья

²⁹ H. Hubert, Des quelques objets de bronze trouvés à Byblos. „Syria“, VI, 1925, pp. 16—29. Cl. F. A. Schaeffer, stratigraphie comparée de l'Asie occidentale, Oxford, 1948, pp. 545, 546. *Unpublished* Les porteurs des turques, „Ugaritica“. II, Paris, 1949, pp. 109, 119. M. Dunand, Fouilles de Byblos, II, Paris, 1954, pp. 397—399.

³⁰ S. E. Birgi, Notes on the influence of the Ergani Copper mine on the development of the Metal industry in the Ancient near east, Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung I, Bd. Heidelberg, 1951, S. 445—451.

открыт ряд поселений с культурными слоями как энеолита, так и предшествующего ему новокаменного века; мы имеем возможность выяснить вопрос о первых оседлых земледельческо-скотоводческих очагах Армянского нагорья.

Шенгавитское поселение (в Ереване), являющееся наиболее известным земледельческо-скотоводческим памятником периода энеолита в Армении и Передней Азии, дает более цельную картину энеолитической культуры. Поселение Шенгавита находится на левом возвышенном берегу реки Раздан. Площадь холма около 6 гектаров, высота около 30 м над уровнем реки Раздан. С трех сторон к реке спускаются крутые склоны и лишь в южной части — неглубокий овражек, вероятно, древний заплывший ров. Жилища поселения составляют единую группу, окруженную мощным крепостным ограждением, сложенным из крупных камней; с северной стороны река Раздан имеет спускающийся подземный проход³¹.

Вполне допустимо, что не только в Шенгавите (где это исследовано), но и на других холмах-поселениях энеолитические поселения были окружены оборонительными сооружениями. Одна из главных причин возникновения и быстрого развития холмов-поселений могла преследовать обеспечение безопасности родовой или племенной общины.

Весьма вероятно, что уже в древние времена (с начала энеолита) строительное искусство племен медного века разработало не только форму технического действия, порядок и проектирование новых жилых построек, но также целостные и периодические перестройки отдельных участков старых, разрушающихся жилищ.

Раскопки в Шенгавите открыли четыре последовательных периода строительных слоев культуры древнего населения, мощностью в 4 метра. Поселение содержало в себе остатки строительного комплекса жилищ и материал различных времен энеолита. В находках каждого слоя имеется значительное

³¹ Согласно предположению авторов К. Кушнаревой и Т. Чубинишвили, более ранние памятники (Шреш-блур и др.), на первом этапе энеолита, якобы были обнесены каменными оборонительными стенами (стр. 70—96). Раскопанные нами в 1945—1950 и 1956—1960 гг. памятники Шреш-блур и другие дают право отрицать наличие там стен.

различие. Благодаря раскопкам Шенгавита ныне возможно изучение истории ранней, средней и поздней эпох поселений энеолита. Раскопки выяснили, что эти четыре последовательных слоя (с остатками поселений и жилищ) построены один на другом.

1—4 слои Шенгавита относятся к периоду от конца IV тысячелетия до начала II тысячелетия до н. э. В поселении Шенгавит раскрылись более ранние отложения: 1-ый слой поселения Шенгавита характерен для позднего неолита. Керамика этого слоя изготовлена из глины с примесью соломы со светлым ангобом поверхности. Найдены обломки мисок, чаш, кувшинов и других предметов с елочным орнаментом по краям выступов.

Во втором слое Шенгавита уже встречаются медные изделия с черной лощеной керамикой, красной внутренней поверхностью и геометрическим орнаментом резные и рельефные спирали, концентрические круги, вдавленные орнаменты, шаровидные ручки (т. IX₁). Там найдены также подковообразные подставки очагов с зооморфными (бараными) головами. Большая часть орудий изготовлена из камня.

Жители поселения Шенгавит обитали в круглых (диаметром в 6—8 метров) жилищах и примыкающих к ним четырехугольных помещениях. Для поселения Шенгавит (и поселений стран соседней Передней Азии) характерна довольно развитая архитектура. Стены круглых жилищ на каменном фундаменте сложены из сырцового кирпича, в центре помещения находится круглый глиняный подвижной очаг в форме трилистника со впадиной и выступами, поверхность украшена рельефным орнаментом. Наряду с этими очагами одновременно использовались другие глиняные зооморфные подставки очагов (цилиндрические, подковообразные) с плоскими рогообразными выступами. Крупный камень в центре жилища служил, вероятно, базой для поддержки конической крыши, изготовленной из жердей и тростника; это напоминает характерное для Армении архаическое жилище — армянский «азарашен», а четырехугольные помещения, по-видимому, имели плоскую крышу. Внутри жилище вымощено галечником, который сверху покрыт слоем сырцового кирпича или глины. Судя по одной части хорошо сохранившихся остатков построек, эти

строения являлись многокомнатными жилищами родовой общины, где обитали, по всей вероятности, парные семьи, ведущие родовой образ жизни.

Дальнейшее развитие земледелия и скотоводства имело место в поселениях, относящихся ко времени 3-го слоя Шенгавита (средний энеолит.). Население по-прежнему обитает в жилищах со стенами из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Каждое жилище состоит из одной круглой постройки и примыкающих к ней четырехугольных помещений. Значительно усложнился орнамент глиняных сосудов, который сейчас имеет сложное и разнообразное оформление.

Здесь характерна черная лощеная или красная керамика с серой внутренней частью, орнаментированные геометрическими мелким тонким линейными резными узорами, меандрами, треугольниками, ромбами и флагами (табл. IX₂). Большая часть орудий изготовлена из камня. Для медного века характерны удлиненные формы орудий—формы тонких пластин, ножи из кремня, обсидиана и скребки, наконечники стрел, вкладыши серпов, обработанные еще неолитической техникой, шлифованные и сверленные молоты, топоры с отверстием для рукоятки, головки пряслиц, бусы и другие. С булавами Сирии, Палестины, Малой Азии³² схожи каменные сверленные шаровидные булавы. Круглые жилища поселения Шенгавит также похожи на энеолитические жилища Месопотамии (Арпачия близ Ниневии)³³. Характерно, что в более поздних

³² A. Mallon, R. Koeppel, et Neuville Rene, *Telilat Chassul. I. Comptes rendus des fouilles de L' Inst. Bibl. pontifical*, 1929—1932, Rome, 1934, т. 35, p. 71.

A. Jirku, *Einige Kleinfunde aus palestina und Syrien*, Zeitschr. Deutsch. Morg. Gesellsch., NF, Bd. XIII, 1934, S. 168—169.

Schmidt-Erich F. *Anatolian through the ages discoveries at the Alisar mount*, 1927—1929, Chicago, 1931, p. 91. Fig. 138.

³³ M. E. Mallowan, and R. Cruikshank *Prehistoric Assyria excavations at Tell Arpachiyah, Iraq*, II. London, 1935, p. 29, 30. Fig. 13, Tab. I d. p. 3, Fig. 20.

Starr Richard F. S. *Nuzi. Report on the excavations at Iorgan Tepe near Kirkuk, 1927—1931*, London, 1939, t. I, p. 7—9, t. II, plan No. 44 (траншея 2 и 9a)

Tabler A. J. *Progress of the joint expedition to Mesopotamia*, Bull. of the Amer. Schools of or. Research, 1948, No. 71, pp. 22, Fig. 5. *Archiv für orientforschung* Bd. XII 6, Berlin, 1939 S. 403, Fig. 11.

поселениях Армении изделия из обсидиана почти в большей своей части заменяются орудиями из кремня; из костяных предметов найдены наконечники стрел, шилья, иглы, крючки, клюшки и другие. Вместе с каменными и костяными орудиями в 3—4-ых слоях Шенгавита встречаются также медные изделия, количество которых увеличивается в верхнем слое. Культура Шенгавита представляет исключительный интерес, поскольку подтверждает наличие в Армении древнейшего населения, связанного с древними культурными центрами Передней Азии—Месопотамии³⁴, Малой Азии, Сирии и Палестины.

Но Шенгавит мог быть связующим звеном не только с Месопотамией, Малой Азией и Сирией, но и с цивилизацией Кавказа. Поселение Шенгавита, давшее правильную стратиграфическую картину, следует датировать, начиная с конца IV тысячелетия до начала II тысячелетия до н. э.

Материалы четвертого слоя Шенгавита (поздний энеолит) показывают дальнейшее развитие энеолитической культуры, в особенности, скотоводства и земледелия, развитый энеолит Армении. Памятники этого периода широко распространены на всем Армянском нагорье, где исключительного мастерства достигло гончарное искусство. О развитии его свидетельствует керамика, ставшая более разнообразной.

Здесь характерна керамика с черной лощеной, красной и оранжевой поверхностью, серой и красной внутренней частью.

Встречаются крупные линейные резные и рельефные геометрические орнаменты—параллельные линии внутри треугольников, пересекающиеся крестообразные сетчатые орнаменты, вдетые друг в друга углы (таб. IX₃). Найдены высококачественно изготовленные маленькие и большие сосуды, карасы (рис. 20_{1,2}), горшки, чаши, миски, тазы, вазы, похожие на чайник сосуды, цедилки, сита и другие. Орнамент посуды нижних слоев также характерен для керамики медного века. Имеются орнаментированные сосуды, указывающие на связь с соседними районами и, прежде всего, на связь между Малой Азией и Армянским нагорьем.

С конца IV тысячелетия и до начала II тысячелетия до

³⁴ V. Müller, (Types of Mesopotamian House. *Journal of the Am. or. Soc.* V. 60, Philadelphia. 1940, p. 161. т. 1).

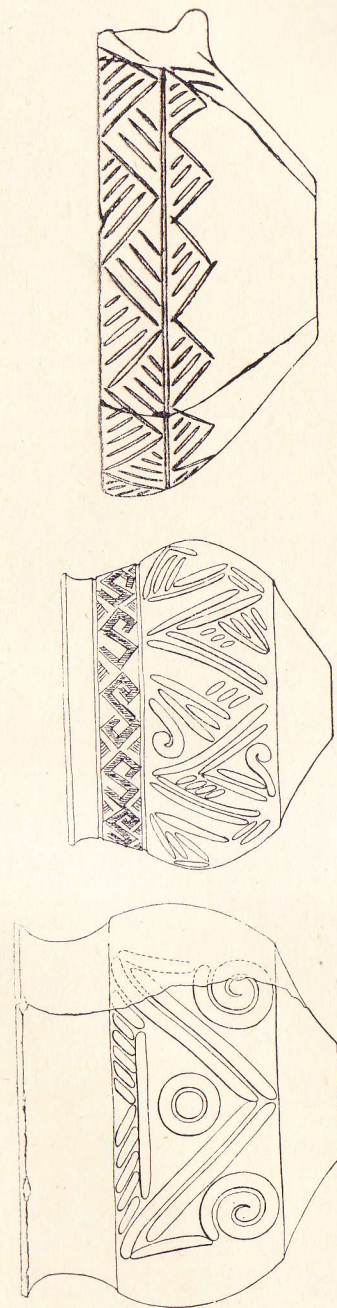
и, э. в пределах земледельческих очагов Армянского нагорья была распространена своеобразная черная лощеная, красная, серая, оранжевая полированная керамика с красиво выгравированным рельефным, выпуклым и вдавленным бороздчатым (в форме линии, концентрического круга, спиральной и прямых линий), изрезанным и вдавленным геометрическим орнаментом или с изображениями животных, птиц, козы, лошади и оленя. Сосуды имеют хорошо профилированные полушарные ручки с круглыми отверстиями. На основе этих материалов распространенная на Армянском нагорье культура энеолита получила название культуры черной лощеной керамики с выгравированным геометрическим орнаментом.

Эта керамика имеет ряд разновидностей как по форме, так и по орнаменту, в зависимости от хронологической или территориальной принадлежности.

Отдельные сосуды снаружи имеют гравированный геометрический орнамент, а внутри—красную роспись на светлом фоне, что указывает на связь с племенами Передней Азии и Месопотамии, имеющими расписную керамику.

Керамика Шенгавита имеет большое сходство с керамикой позднего неолита и энеолита южного Ирана, Месопотамии и Малой Азии. Медный век Месопотамии и Ирана характеризуется расписной керамикой. В Армении вместе с небольшим количеством упомянутой керамики большей частью встречается керамика с гравированным орнаментом, которая, хотя по смыслу и близка расписной, но отличается техникой исполнения, вдавленным орнаментом на одноцветной полированной поверхности сосуда.

Найденные в Шенгавите орудия труда и оружие—молотки, топоры, булавы, ступки, пестики, зернотёрки, ножи, наконечники стрел, вкладыши серпов и каменные мотыги—изготовлены из кремня, обсидиана и твердых пород камня; найдены орудия из кости и рога—шилья, проколки, сверла, мотыги и другие. Материалы древних земледельческо-скотоводческих поселений типа Шенгавита дают возможность говорить о существовании там в конце IV тысячелетия земледельческой культуры, определенно связанной с центрами Передней Азии.

Черная лощёная геометрическая гравированная орнаментами керамика медного века:

1. Чаша раннего энеолита из поселка Шреш-Блуга.
2. Чаша среднего энеолита из поселка Шенгавита.
3. Чаша позднего энеолита из поселка Шенгавита, 1/2 натур. велич.

В Шенгавите открыты также могильники³⁵, относящиеся к этому же историческому периоду (поздний энеолит). Могильники в Шенгавите имеют форму четырехугольника. В каждом могильнике захоронены десятки людей. Они, без сомнения, являются родовым кладбищем парной семьи, что уже свидетельствует о наличии устойчивой патриархальной организации³⁶. Ни по размещению умерших, ни по составу захороненных предметов здесь не заметна экономическая и социальная дифференциация. Рядом с каждым покойником в могиле имеются глиняные сосуды, оружие или предметы личного потребления из различных камней: бусы из сердолика и яшмы, наконечники стрел из кремня и обсидиана, каменные булавы, медные предметы. Обитатели позднего энеолита—Шенгавита—4 достигли ступени экономического расслоения и возникновения частной собственности.

Погребения этого типа известны также в Арцахе (в Карабахе)³⁷—на берегу реки Хачен и около древних поселений Степанакерта. Глиняные сосуды, найденные в этих могильниках, с гравированным богатым геометрическим орнаментом напоминают посуду Шенгавита, Шреш-блур, Мохра-блур и других поселений и погребений.

Керамика могильников Шенгавита характерна для энеолита и свидетельствует о том, что могильники Шенгавита относятся к III тысячелетию до н. э. Материалы поселений и могильников энеолита Армянского нагорья составляют единый комплекс. Постепенное развитие их позволяет определить хронологическую разницу между ними.

Поселения медного века, размещенные в границах культуры Армянского нагорья, позволяют провести ряд важных стратиграфических наблюдений, а такие поселения, как Мохра-блур (близ Эчмиадзина), Кюль-тепе (близ Нахичевана),

³⁵ Неправильно датированы и погребения Шенгавита, приписываемые первой половине энеолита.

³⁶ Неверна также датировка ранним энеолитом времени становления патриархата (стр. 176—177). По раскопкам Шенгавита переход к патриархату в Армении произошел в среднем энеолите (Шенгавит—3). Это определение доказывается заменой женских статуэток мужскими в 3 и 4 слоях Шенгавита.

³⁷ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, 1949.

Малаклу (близ Игдиры), Геой-тепе (около озера Урмия), Караз (близ Эрзерума), Шреш-блур, Сев-блур, Алтын-тепе, Тилки-тепе (Шамирам-алти) и другие расширяют границы как хронологического, так и территориального распространения культуры медного века Армянского нагорья.

Материалы слоев поселения Шенгавит имеют исключительное значение для понимания древней истории Армянского нагорья. Шенгавит и другие подобные ему памятники одновременно показывают, что здесь мы имеем дело с очень характерной и ярко выраженной культурой, носители которой должны были играть важную роль в первоначальный период истории древнего Востока.

Поселение медного века Шенгавит, несомненно, не единично. Памятники этого периода Армянского нагорья относятся к одной культуре, оставившей следы на очень обширной территории.

Для абсолютной датировки энеолита Армянского нагорья существенное значение имеет определение возраста методом радио-углерода (C_{14}).

Анализ ЛЕ угля второго слоя Кюль-тепе³⁸ аналогичный II слою Шенгавита (взятого на глубине 8,3 м) указывает 163—4880±90 лет, т. е. 2920±90 г. до н. э., а конец неолита Шенгавит—I и начало энеолита Кюль-тепе I надо датировать IV тысячелетием (3807±90) до н. э.

Анализ угля четвертого слоя Шенгавита (взятого на глубине 1 м) методом радио-углерода указывает C_{14} ЛЕ: 458—4020±80 лет до н. э., т. е. 2020±80 г. до н. э. Таким образом, конец энеолита (поздний энеолит) следует датировать началом II тысячелетия до н. э.

Кюль-тепе (близ Нахичеванской АССР)³⁹ мощность культурных отложений которой достигает 21,10 м высоты, является искусственным холмом, образованным из остатков жилищ и скоплений золы. Толщина самого древнего слоя (I) составляет 8 м, а второго (II)—слоя энеолита—8,3 м. Первый слой

³⁸ В. А. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радио-углероду (C_{14}) СА, 1961 г., № 2, стр. 11.

³⁹ О. А. Абибуллаев, Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевана. 1955, МИА, 1959; Его же, Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе, «Советская археология», № 3, 1963 г.

делится на 1а и 1б подслоя. Толщина самого нижнего 1а слоя равна 2 м.

Керамика первого слоя резко отличается от более позднего второго слоя, за исключением нескольких расписанных черепков. Вся остальная посуда первого слоя изготовлена из глины с примесью соломы, плохо обожжена. Широко использовался ангоб на поверхности, полировка; цвет внешней поверхности черепков разных оттенков—красного, серого, темно-каштанового, со светло-желтоватым ангобом. Поверхность, несмотря на ангоб и лощение, зачастую шероховата. Формы сосудов простые: это миски, глубокие чаши с плоским дном, кувшины, выгнутые по бокам сосуды с узким горлышком и т. д. Отсутствуют ручки, замененные выступами различной формы. Керамика первого слоя отличается по содержанию, уступая высококачественной керамике более позднего энеолита. В первом (1б) слое найдено 4 предмета из меди вместе с расписной керамикой. Один из сосудов, найденный на глубине 17,3 м, представляет собой чашу, изготовленную из смеси глины и соломы с остатками расписного орнамента в виде широких красных наклонных полос. Два других сосуда толстые, изготовлены из смеси глины и песка. Они отличаются от общей керамики этого слоя. Сосуд с орнаментом красного и черного цвета найден на глубине 16,8 м, а другой—темно-каштанового цвета—на глубине 18,8 м. Строительные остатки найдены в небольшом количестве: до глубины 16,3 м на разных уровнях обнаружены остатки основ каменных стен с пятью строительными горизонтами. Открыты остатки круглых и прямоугольных строений. Глубже строительные остатки не обнаружены. Исследователь делит отложения нижнего первого слоя на 1а (глубже 19 м)—конец неолита,—а 1б (19—12,8 м)—начало энеолита. Слою 1б присуща также расписная керамика. Обитатели поселения первого слоя со второй половины своего существования (слой 1б) уже употребляли металл (медь).

Керамика 2-го слоя Кюль-тепе тщательно обработана. У нее тонкие стенки, полированная лощеная поверхность, светлая внутри. Формы сосудов многообразны. Найдены подковообразные очажные подставки, двухстворчатая глиняная форма с отверстием для рукоятки (для литья топора). Из метал-

лических (медных) изделий найдены шилья, булавки, наконечники копий.

Мохра-блур (близ Эчмиадзина). Толщина культурных отложений этого поселения достигает 10 м. Нижние 1—2 слоя дали керамику приблизительно типа комплекса первого и второго слоев Кюль-тепе (близ Нахчевана). Керамике, найденной в 1-ом слое Мохра-блур, присуща смесь глины и соломы, сосуды имеют светло-желтый—беловатый, цвета соломы ангоб, встречается также керамика красного и каштанового цветов и цвета глины.

При сопоставлении с керамикой слоя Геой-тепе «М» выясняется, что Геой-тепе имеет более развитую культуру. По керамическому материалу Мохра-блур 1 близок к Кюль-тепе 1, черная лощеная ранняя керамика второго слоя Мохра-блур сходна с керамикой 2-го слоя Кюль-тепе, обнаруженная в конце 2-го слоя Мохра-блур развитая черная лощеная керамика с геометрическим орнаментом аналогична керамике Шреш-блур.

*Караз (близ Эрзерума)*⁴⁰—искусственный холм. Высота—15 м, диаметр—200 м, по культуре аналогичен Шенгавитом и Шреш-блуром. Здесь также открыты фундамент прямоугольных жилищ с круглыми глиняными очагами и нижними выступами, глиняная подставка очага, по форме напоминающая голову барана. Нижний слой Караза характерен для периода энеолита. В этом слое найдена разнообразной формы черная лощеная керамика с полировкой, тщательно обработанная, зачастую с рельефным орнаментом на поверхности, с круглыми полушаровидными ушками. Ей присущи также красные глиняные крышки, наконечники стрел, ножи из обсидиана, кремневые вкладыши серпов и другие предметы. Из металлических (медных) предметов найдены булавки, шилья, наконечники стрел, топор с отверстием для рукоятки и другие.

Слой Караза с черной лощеной керамикой следует датировать началом III тысячелетия до н. э.

Черная лощеная и красная керамика типа Шенгавита и

⁴⁰ Н. Kösay, K. Turfan, Erzerum—Karaz Kazısı, *Türk Tarih Kurumu Bülteni* XXIII, 1959, № 91, p. 349—412. Fig. 31, 35, 37, 38. 42, 49, 51, 172, 173.

Тагавораниста распространена на территории Северной Сирии (Амуке) и Палестины (Кирбет—Кераке); найденные здесь сосуды имеют ряд особенностей в форме и в деталях орнамента. Формы сосудов многообразны, найдены подковообразные подставки очагов, напоминающие головы животных, изделия из меди и другие. Эта керамика обнаружена в других поселениях в середине III тысячелетия до н. э.—позднего Мерсина, Алтын-тепе, Блуре (Пулуре)⁴¹.

Особенностью культуры оседлого земледелия Армянского нагорья, Киликии и Сирии в эпоху энеолита является керамика с характерной черной, реже серой или красной поверхностью, зачастую отшлифованной и полированной до сильного блеска. Иногда она украшена простым вдавленным или бороздчатым рельефным круглым и четырехугольным двойным спиральным орнаментом.

Поселение Геой-тепе⁴² около оз. Урмия—искусственный холм с диаметрами 450 и 270 м, в котором открыты 6 культурных слоев. Соответствующая слою энеолита Армении культура этого поселения—снизу 3-й слой «К»—толщина его 6,65 м, снизу вверх три разных горизонта «К₁ К₂ К₃», расположены на более древних отложениях. Отложения слоя энеолита Геой-тепе «К» аналогичны со вторым слоем Кюль-тепе Нахичевана и поселениями энеолита Шреш-блуром и Эларом. Керамике слоя «К» присуща полированная черная лощеная поверхность энеолитического типа, со светлой внутренней поверхностью. Формы многообразны.

Характерны также выемчатый орнамент, концентрические круги, спирали, и орнамент, напоминающий наконечник стрелы.

Кроме сосудов из глины, найдены также глиняные статуэтки животных, модели колес; из мелких предметов—наконечники копий, булавки и спирально скрученные подвески (за-

⁴¹ R. Braidwood, Mounds in the plain of, Antioch, Chicago, 1937. R. Braidwood, L. Braidwood, Excavations in the plain of Antioch Chicago, 1961. B. Maccon, R. J. Braidwood and L. S. Braiowood, Excavations in the plain of Antioch, OIP, LXI Chicago, 1960. Summary of Archaeological research in Turkey, in 1960, „Anatolian studies“ XI, 1961.

⁴² Burton Brown, Excavations in Azerbaijan 1948, London, 1951. p. 264; Указ. соч., т. I, II, III, № 43, 97, рис. 4, 5, стр. 179, № 1209, 1210.

витки). Непосредственно под слоем «К» лежат более древние слои «М» и «Н». Слой «М» имеет толщину 0,95 м, под ним находится слой «Н», толщина которого 0,15 м. В слое «М» открыты остатки фундамента круглых и прямоугольных жилищ. Найдена светлая глиняная посуда с примесью соломы. Эта керамика технически полностью соответствует слою 16 Кюль-тепе. Керамика Геой-тепе отличается от керамики Армении большой распространенностью росписи и рисунков, на которую не похожа расписная керамика Кюль-тепе, отражающая также формы сосудов—встречаются черепки сосудов, краевые лощеные, а иногда и серые.

В слое «Н» имеется не очень красная, лощеная керамика и серая, нелощеная. В слое «М» найдены 3 обломка медных изделий с незначительной примесью мышьяка. Сравнение слоя «М» с 1-ым слоем Кюль-тепе показывает, что слой «М» относится к более позднему времени, чем слой 1а Кюль-тепе.

На основании сравнения орнаментированной керамики времени Геой-тепе слой «М» (2-ой) датируется приблизительно концом IV тыс. до н. э., а слой «К» (3-ий) первой половиной III тыс. до н. э.

Шамирам-алти (Тилки-тепе)—близ Вана⁴³ имеет три слоя. Для верхнего первого слоя характерна глина с примесью соломы, красный расписной орнамент⁴⁴ с перпендикулярными, волнообразными или прямыми широкими полосами. В среднем втором слое керамика с расписным орнаментом отсутствует, имеется однотонная лощеная керамика из смеси глины, песка и соломы⁴⁵.

Нижний-третий слой содержит керамику с расписным орнаментом халафского типа⁴⁶. Толщина первого слоя равна приблизительно 1,5 м⁴⁷, второго—5 м, третьего—2 м.

⁴³ A. Jenny, Schamiramalti prehistorische Zeitschrift, XIX, No. 3/4, Berlin, 1928, S. 280—304.

E. B. Reilly Tilkitepedeki ilk kazilar 1937, (Tees excavations at Tilki-tepe 1937), Türk tarih arkeologya ve etnografya dergisi, IV, 1940. S. 145—178; K. Bittel, Archeologische Fund aus der Türkei, 1934—1938. A. A. 1939, столбцы 108, 109.

⁴⁴ A. Jenny, Указ. соч., рис. 36, т. 33; E. B. Reilly, указ. соч., рис. 8, 9, 16.

⁴⁵ E. B. Reilly, Указ. соч., рис. 10.

⁴⁶ A. A. Jenny, Указ. соч., рис. 1, 5; E. B. Reilly, указ. соч. рис. 11, 13 и 18.

⁴⁷ C. A. Burney, Eastern Anatolia..., pp. 160, fig. 77—122, A. A. 1940, столбцы. 583.

Тилки-тепе I сходен с Геой-тепе «М», а второй и третий слои одновременно относятся ко времени Кюль-тепе I⁴⁸. Керамика типа Тилки-тепе I известна также в других районах Западной Армении. Энеолит Западной Армении (Ван, Муш⁴⁹), является отражением единства халафской и шенгавитской культурной зоны. В начале энеолита—во время культуры Кюль-тепе Iб—замечается проникновение восточных элементов на запад (Ван, далее в район Муша); более позднее—в период оформления культуры энеолита Западной Армении—она проникает на восток, в восточные и юго-восточные районы Армянского нагорья, на Араратскую равнину, (Каваблур) С. тапа, Кхзак, Шенгавит, Зейва, Нахичеван и Геой-тепе.

Что же касается Армянского нагорья, то можно определенно утверждать, что оно было очагом возникновения черной лощеной керамики. Здесь на основе неолита оформилась эта культура энеолита—черная лощеная керамика, с которой сочеталась также расписная керамика во весь период энеолита, хотя и сравнительно в ограниченном количестве.

Вопрос хронологии энеолита Армении ныне все более выясняется благодаря изучению ряда многослойных памятников, которые находятся в стратиграфической последовательности поселений с оседлым, земледельческо-скотоводческим укладом наиболее раннего новокаменного века.

Сравнение памятников энеолита восточной части Армянского нагорья—Шенгавит, Шреш-блур, Франганец, Мохраблур, Элар, Сев-блур (Араратская равнина), Гарни, Такаворанист (в Кировакане), Малаклу, Яйчи (Сурмалу), Кюль-тепе (Нахичеван), Норбаязет, Дираклар с памятниками энеолита западной части—Тилкитепе, Арнист (Ван), Огонк (Муш), Геойтепе, Караз (Эрзерум)—показывает, что с конца IV тысячелетия до начала II тысячелетия до н. э. на Армянском нагорье существовала большая культурная общность. Особенно много параллелей замечается между памятниками Араратской равнины, бассейна оз. Ван, близ оз. Урмия и Эрзерума.

Начало энеолита Армянского нагорья восходит к концу

⁴⁸ B. Hrouda, Die bemalte Keramik des Zweiten Jahrtausends in Nord mesopotamien und. Nord Syrien. Istanbuler Forschungen, 19, Berlin 1957, Tab. 12.

⁴⁹ C. A. Burney, Eastern Anatolia..., pp. 160, 164.

4-го тысячелетия до н. э., что могло бы предшествовать культуре энеолита Сирии, Палестины и севернее—культуре энеолита Кавказа⁵⁰.

Такой древний памятник западной части Армянского нагорья, как Караз (близ Эрзерума)⁵¹, похожий на Шреш-блур, Шенгавит 2-й (очаги и черная лощеная керамика с геометрическим орнаментом) также нужно отнести к началу III тысячелетия до н. э. Памятником, сходным с центром Малой Азии, является поселение Бейче султан⁵², 13 и 14 слои которого дали черную лощеную керамику с рельефным спиралевидным орнаментом и очаги с рогообразными выступами. По времени ему близки энеолитические слои Мерсина (Киликия) и Геойтепе⁵³. Что же касается районов, находящихся на юго-западе Армянского нагорья, где встречается керамика с мелким тонколинейным геометрическим орнаментом типа Шенгавита 3, таких как Амуқ, Табара-эль-Акрад (в Сирии), Кирбет-Керак (в Палестине)⁵⁴, то все они датируются серединой или концом III тысячелетия до н. э.⁵⁵—развитым энеолитом. Памятники этой известной культуры поселений Карина-Эрзерума, Вана, Муша вместе с другими поселениями Армянского нагорья можно рассматривать как древние местные западные разновидности культурного единства всего Армянского нагорья. Эти данные в значительной мере расширяют реальный ареал культуры Шенгавита, доводя ее западную границу до центральной части Малой Азии, Сирии и Северной Палестины. Эти поселения подтверждают древнейшее культурное единство предков народов Армянского нагорья в эпоху неолита и энеолита.

Таким образом, попытки исторического определения ма-

⁵⁰ А. А. Иессен, Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до н. э., КСИА АН СССР, 93, 1963 г., стр. 4, 161, 165, 168.

⁵¹ J. Mellaart, Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze age, AS. VII, 1957, pp. 73—75.

⁵² W. Lamb, The culture of the North-East Anatolia and its Neighbours. AS. IV, 1954, pp. 21.

⁵³ S. Lloyd, J. Mellaart, Beycesultan Excavations, AS, VIII, 1958, p. 113.

⁵⁴ S. Hood, Excavations at Tabara el Akrad. 1948—49. AS, I, London, 1959, p. 113. C. A. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze age, AS, VIII, 1958, p. 207.

⁵⁵ C. A. Burney, Указ. соч., стр. 178—186.

териалов, выявленных в последние годы на Армянском нагорье, вынуждают нас признать наличие определенного единства древней культуры среди древнейших племен, которые в III тысячелетии до н. э. населяли всю территорию Армянского нагорья. Эта культурная общность двух крупных районов Армянского нагорья—западной и восточной частей—органически связывается с Сирией, Палестиной и северной единовременной (синхронной) культурой. Культура энеолита Армении является центральной и северо-восточной местной культурой переднеазиатского исторического района. Взаимные тесные связи Армянского нагорья с Передней и Малой Азией, а также прежнее культурное единство несомненны. Вспомним ввоз обсидиана в Переднюю Азию из Армянского нагорья еще в эпоху палеолита и неолита, а впоследствии и проникновение меди в Сирию, Ливан, Палестину, Северный Ирак⁵⁶.

Некоторые исследователи утверждают, что на базе этого сырья могла развиваться металлообработка⁵⁷ даже в таких центрах, как Шумер и Аккад.

Истоки взаимосвязей культур Армении и соседних стран уходят в глубокую древность, в новокаменный век. Керамическая культура раннего этапа Армянского нагорья (новокаменного века)—простая светлая керамика, была распространена на Араратской равнине в поселениях новокаменного века⁵⁸: в южной Малой Азии (Хаджилар, Чатал-Гуюк), Сирии (Амук), Киликии (Мерсин)⁵⁹, в северном Междуречье (Калаат-Джармо)⁶⁰, (Хасун) и т. д. Это показывает, что племена новокаменного века Передней Азии в VI—IV тысячелетии до н. э. занимали обширное пространство. В Передней Азии в первой половине новокаменного века постоянные оседлые скотоводческо-земледельческие поселения основываются на ши-

⁵⁶ M. Dunand, Fouilles de Byblos II, Paris, 1954, p. 398.

⁵⁷ Hubert, Des quelques objets de bronze trouvés à Byblos, „Syria“, VI, 1925, pp. 16—29.

⁵⁸ С. А. Сардарян, Первобытное общество в Армении, 1967 г., стр. 141—144, т. XXXIX—XLI.

⁵⁹ J. Mellaart, Early cultures of the South Anatolian plateau AS, 1961, vol. XI, p. 159—171, Fig. 2—6, его же Excavations at Catal Huyuk AS, V, XII, 1962, p. 41—56, Fig. 9.

⁶⁰ J. Mellaart, Earliest civilizations of the Near East, 1965, p. 47—50, Fig. 25.

роких плодородных равнинах: в среднем течении Аракса, на Араратской равнине—Сев-блур—2, Кхзьяк-блур, Маштоци-блур, Агвеси-бнер, в прибрежном районе восточной долины Тигра (район Ирана и Ирака, Калаат-Джармо, Тепе-сараб, Тепе-Гуран, Аликош), на западном берегу Евфрата—Букрас, на средиземноморской равнине Сирии—Палестины—Амук, Рас-шамра, Библос, Иерихон, Мерсин, Тарсус, на средиземноморской равнине Киликии, в средиземноморских прибрежных районах югозападной Малой Азии—Чатал-Гуюк, Хаджилар, Канхасан, Кизил-кая, Алан-Гуюк и др.

Племена новокаменного века, обитавшие в этих поселениях впоследствии распространились по всей Передней Азии. Этот процесс повторялся и в конце новокаменного века, и в конце раннего медного века и в конце позднего медного века. В результате, в некоторых поселениях Армянского нагорья жизнь заглохла. Это было связано с определенным серьезным процессом, по всей вероятности, с исчезновением ледников севера страны, увеличением населения и сегментацией племен. Сухой климат и разделение племен заставляют население переселяться в более удобные места. Однако в некоторых поселениях жизнь, несомненно, продолжалась. Вероятно, из Армянского нагорья некоторые племена переселяются в разные районы Армении и Передней Азии: в раннем энеолите—на юг, к озеру Урмия (Геой-тепе, Яник-тепе, Хасанлу), и на запад (Караз-Харберд, Малатия); в раннем и среднем энеолите—на север (Кировакан, долина Агстева); в среднем энеолите—на юго-запад (Сирия—Палестина, поселение Амука и Кирбет-Керака с культурой черной лощеной блестящей керамики, носящей геометрические узоры).

В энеолите в Передней Азии—(Армянское нагорье, Сирия, Палестина), общность культуры новокаменного века нарушается, на смену ей приходят культуры Шенгавита, Амука, Кирбет-Керака с черной лощеной керамикой.

В Междуречье, Иране, на юге Сирии—Палестины появляется культура расписной керамики Хассуна, Халафе, Эль-Обейда. В северо-западной и юго-западной Малой Азии общность культуры новокаменного века заменяется другой. На смену приходит культура энеолита (медного века) Беиче-Султане, Кум-тепе, Диклдаша, Чатал-Гуюка, Канхасана-Гуюк,

вероятно, связанная с проникновением нового этнического элемента. На Армянском нагорье, в Сирии, Киликии, юго-западной Малой Азии керамику новокаменного века стратиграфически заменяет черная лощеная посуда с геометрическим прочерченным узором (Шенгавит, Кюль-тапа, Шреш-блур, Такаворанист), связанная с хурритским этносом, предшественники которых создали на Армянском нагорье культуру новокаменного и медного века. Таким образом, как мы уже отметили, Армянское нагорье в древности было населено хурритами. Вероятно, что впоследствии хурриты из южных и центральных частей, Армянского нагорья поднялись на север (Кировакан—Агстев)⁶¹, в Закавказье и, позднее на Северный Кавказ. На юг же они проникли, в район озера Урмия (Геой-тепе, Уник-тепе)⁶² в раннем медном веке, в течение первой половины III тысячелетия до н. э. Часть населения этого района дала характерную керамику раннего энеолита типа Шреш-блур и Кюль-тапа (Шенгавит—2).

Эта культура на юго-западе распространяется на Сирию (Амук Н, I), Палестину (Бетшан, Кирбет-Керак) в середине III тысячелетия до н. э.⁶³, где указанные поселения дали керамику среднего медного века (энеолита) типа Шенгавит—3, Такаворанист.

Археологический материал дает возможность проследить последовательность распространения культуры среднего периода энеолитической культуры Армении в Палестине. Здесь известна культура т. н. кирбет-керакской керамики, а в Сирии культура Табарат-Эль-Акрад, Амук.

Восточная граница распространения черной лощеной блестящей керамики с геометрическим узором Шенгавита—Арцах (Хаченагет, Степанакерт и Нахичевань (Кюль-тапа), верхнее течение Тигра и озера Ван).

⁶¹ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. С. А. № 3, 1963 г., стр. 10; И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов, Актефчайское поселение близ г. Казах, С. А. 4, 1962 г.

⁶² T. Burton Brown, Excavations in Azerbaijan, 1948, L. 1955, p. 16 („K“ сл.); И. М. Дьяконов, Предыстория Армянского народа, 1968, стр. 20—22.

⁶³ S. Hood, Taborat-al Akrad, AS I. 1951, 13, 13a, Fig. 7, p. 131, pl. XII B₃ Bethshan AS I. 19a, Fig. 8, (p. 136) and т. XII, A₃ (b) (c). G. M. 106

На западе Армянского нагорья эта культура распространяется до долины верхнего Евфрата (Хиндзор) и до хребта Антитавра (Хазар-тепе, Арслан-тепе)⁶⁴, совпадающего по времени со средним и поздним энеолитом (Шенгавит—3-й и 4-й слой).

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ И СОСЕДНИХ СТРАН

Хотя полная и верная оценка всех материалов древнейших поселений невозможна без стратиграфических раскопок западной части Армянского нагорья, ибо материал, собранный в Западной Армении исключительно поверхностный и не позволяет определить никакой их последовательности, все же энеолитические памятники нагорья, в особенности материалы керамики Восточной Армении, дают возможность определить последовательную очередность энеолитических поселений и их абсолютную хронологию.

Только керамика, обнаруженная в результате стратиграфических раскопок в Восточной Армении, вместе с другими материалами достаточна для периодизации соответствующих памятников также западной части Армянского нагорья, поскольку там культура развивалась на основе слияния двух элементов—культурного единства южной и юго-восточной части Передней Азии и Армянского нагорья.

Высокоразвитая культура энеолита Армянского нагорья носит переднеазиатский характер. В свете новых открытий, сделанных в последнее время в Передней Азии, древнейшая культура Армянского нагорья и ее носители все чаще и чаще указываются в научных исследованиях, посвященных судьбе первоначальных времен Передней Азии.

Культура Шенгавита с характерными для своего времени материалами керамики, с черной лощеной поверхностью, гео- Fitzgerald „the Earliest pottery from Bethshan“, Museum journal, Philadelphia, XXIV, 1935, pl. VII, N 13, 48. B. Brentjes, Trialeti satchchere und Kirbeet Kerak, Труды XXV международного конгресса востоковедов, I. M., 1963, стр. 61.

⁶⁴ C. A. Burney, Eastern Anatolia in the chalcolithic and Early Bronze age AS, VIII, 1958, pp. 195—196.

метрическим орнаментом отличается от источников юга и составляет часть культуры Передней Азии, которая занимает обширную территорию, распространяясь с западной и южной частей Армянского нагорья на восток—Арцах, на север—в долину реки Куры, в Араратскую равнину, на запад—в центральную часть Передней Азии, Эрзерум, Малатию, на юг—к бассейну озер Ван и Урмия, в Месопотамию, на юго-запад—в Сирию и Северную Палестину.

Несмотря на то, что этот культурный район является довольно обширным и делится на несколько отдельных частей, памятники которых отличаются своеобразием, тем не менее следует отметить, что он составляет большую гармоничную цельность, возникновение которой надо искать в одном определенном месте. Путем распространения и постоянного взаимного обмена в этом обширном районе оформились черная лощеная с геометрическим орнаментом шенгавитская культура и тельхалафская расписная керамическая культура. Следует полагать, что население этого района состояло из коренных переднеазиатских племен, переселявшихся по разным направлениям из центральной части Армянского нагорья или с севера Месопотамии.

При всех случаях, население, имеющее черную лощеную с геометрическим орнаментом керамику, распространялось с территории расположенной между Западным Ираном, Северной Месопотамией, западной Малой Азией и рекой Курой.

Сравнение форм орнамента керамики Шенгавита, Арцна (Караза), Геой-тепе, Кирбет-Керака показывает, что общность этих культур можно объяснить только переселениями племен арменоидов (переднеазиатских). В III тысячелетии до н. э. существовала связь между культурами населения севера Армянского нагорья (Араратская равнина) и Западной Армении. Одна ветвь переднеазиатских племен распространилась до Северной Армении.

Таким образом, родиной арменоидов переднеазиатских племен их первоначальным местом обитания—следует считать Армянское нагорье. Впоследствии эти племена распространились по всему Армянскому нагорью, на запад—в Малую Азию, в конце неолита—начале энеолита племена эти переносят сюда вещественные памятники, в том числе круглые

энеолитические жилища с глиняным очагом, сени типа «могарон»—длинные прямоугольные помещения, известные с древнейших времен. Черная лощеная с геометрическим орнаментом древнейшая керамическая культура развивалась на основе местной неолитической культуры, созданная сложными взаимоотношениями между племенами Араратской равнины и западной части Армянского нагорья.

Многолетние исследования предоставили богатый материал, позволяющий выяснить оформление не только энеолитической, но и неолитической культуры Армянского нагорья, а также восстановление хронологии памятников и окончательное разрешение загадки возникновения черной лощеной с геометрическим орнаментом керамической культуры. Это стимулирует исследование более ранней культуры неолита Передней Азии.

Для лучшего восприятия культуры энеолита Армянского нагорья необходимо знать культуру неолита, его различные районы и соответствующую древнейшую цивилизацию Передней Азии. Археология Армении уделяла большое внимание изучению культуры энеолита. В результате своих многолетних исследований, в вопросе этногенеза ранних обитателей Передней Азии, мы пришли к выводу о том, что они относятся к переднеазиатскому антропологическому типу арменоидов.

Обстоятельное изучение материалов эпохи неолита показывает, что на Армянском нагорье переход от неолита к энеолиту имеет две основные разновидности, связанные с освоением различных местностей страны. Неолитические племена были тесно связаны с горными речками, реками и озерами, их поселения размещались на прибрежных низких террасках, спускаясь в низменности и луга, омываемые водой. Рыболовство продолжало оставаться ведущей отраслью производства. Впоследствии некоторые племена, наоборот, порывают с прежним образом жизни и поднимаются в горные долины, в поисках более плодородных земель. У этих племен заметно развитие примитивного земледелия периода неолита. В неолите продолжает существовать и углубляться противопоставление двух основных форм культуры. При этом, охотничьи племена в большей части занимают горную или лесную зоны, а земледельческие—равнинные и степные.

В период неолита на Армянском нагорье совершается переход к земледелию и скотоводству, возникает гончарное дело, осваиваются черноземные низменности равнин и бассейнов рек. На этой базе развивается местная неолитическая земледельческая и скотоводческая культура, за которой следует культура неолита.

Известная в археологии черная лощеная керамика с геометрическим орнаментом, обнаруженная вместе с медными предметами, является основой культуры племён, обитавших в равнинных и предгорных местностях Армянского нагорья. Возникновение здесь металлообработки многие исследователи связывают с постоянно осуществлявшимся обменом, который осуществлялся между племенами земледельческо-скотоводческой культуры древних центров восточной части Малой Азии (Армянского нагорья) и Передней Азии. Такими центрами на Армянском нагорье были: Арагартская равнина, долины Вана, Муша, где в течение VI—V тысячелетий до н. э. происходило приручение животных и возделывание зерновых злаков. На обширной территории восточной и западной частей Армянского нагорья в период раннего неолита происходит оформление одинаковой примитивной земледельческой и скотоводческой культуры, в основном местного характера, генетически связанной с периодом неолита, предшествовавшим общему развитию. Неолитические поселения земледельческого характера известны в ряде районов. В основном они обнаружены в бассейнах рек.

Генетическая связь неолитического поселения с культурой периода раннего неолита аргументируется изучением керамики поселений позднего неолита и раннего энеолита, как, например, анализом материалов Шенгавита, Кюль-тепе, Иреш-булу, Таравраниста, Малакту, Мохра-булу, Кхзак-булу, Сев-булу, Тертеп-дзора, Маштоп-булу, Чимера, Арвеси-бюер. Исследование этих материалов всех поселений Арагартской равнины выявляет поставленную связь керамики неолита с черной лощеной керамикой. Хотя вопрос возникновения и развития первоначальных ступеней энеолита достаточно сложный, но благодаря археологическим раскопкам удалось проследить общие черты энеолита и генетическую связь в

системе хозяйства, в орудиях производства, керамике, технике строительства жилищ, многочисленных, построенных на фундаментах, галечника домов и аналогичном характере разнородных отделённых друг от друга поселений. Эти аналогии позволяют рассматривать памятники материнской культуры как результат общих изменений развития локального характера. Хотя в этот период и замечаются местные особенности культуры, однако очевидно также наличие взаимоотношений между племенами восточной и западной частей Армянского нагорья—Малой Азии и Закавказья в ранний период развития энеолита.

Раскопки на Арагартской равнине и сопоставление материнской культуры с открытыми в Киликии и других районах Передней Азии показывают, что населению этого обширного района уже были знакомы культурные растения—пшеница, ячмень, подсолнух. Вместе с земледелием развивается скотоводство, появляются такие домашние животные, как бык, овца, коза, собака, свинья, чуть позднее—лошадь. Об этом свидетельствуют глиняные статуэтки домашних животных, найденные в Шенгавите и в Мохрабугуре. Здесь найдены также женские и мужские статуэтки. Древнейшие поселения занимают довольно обширную территорию, на которой можно встретить жилища местного населения периода неолита и энеолита; для их изучения важное значение имеют раскопки неолитических и энеолитических слоёв Маштоп-булу, Кхзак-булу, Арвеси-бюер, Тертеп-дзора.

Главными орудиями энеолитических племён являются изготовленные из камня клинообразные мотыги, зернотёрки, кремнёвые вкладыши серпов, пластины из обсидиана, ножи, скребки, наконечники стрел; найдены в небольшом количестве глиняные сосуды, причем керамика в этот период находилась на сравнительно высокой ступени. Боратые образцы черной лощеной керамики с геометрическим орнаментом привлекают сегодня внимание археологов. Известна многочисленная разнородная энеолитическая керамика, выполненная вручную, без гончарного круга. Учитывая, что культура энеолита имеет местное происхождение и связана с культурой черной лощеной с геометрическим орнаментом керамики, мы считаем, что для выяснения

развития ее путей необходимо сосредоточить внимание на существующей связи между энеолитом западной части Армянского нагорья и древней культурой Малой Азии. Переход от неолита к периоду раннего металла показывает, что энеолитическая культура была достаточно развита и, как переднеазиатская культура, была тесно связана с соответствующими культурами Малой Азии и Закавказья. Изучение существовавших культурных связей и отношений с Востоком в IV—III тысячелетиях до н. э. показывает местный (автохтонный) характер развития неолитической культуры Араратской равнины в III тысячелетии: она проявляется в очевидном многообразии и богатстве форм материальной культуры. Это многообразие и богатство особенно подчеркнуто в керамических изделиях, что можно объяснить тесной связью племен Армянского нагорья с передовой цивилизацией Передней Азии—Малой Азии, Месопотамии, Сирии, Палестины и Ирана.

Таким образом, проникновение культуры черной лощеной керамики с ее своеобразной техникой, вместе с другими достижениями, из Армянского нагорья в Переднюю Азию и Закавказье происходит постепенно и охватывает племена, населяющие север Армении—Кировакан, долины рек Агстег и Кура, причем это сношение северных и южных племен происходило в направлении с юга на север—из Араратской равнины на восток к Нахичевану; затем по реке Аракс к Сурмалу и по западной части Армянского нагорья (Карину, Вану, Мушу, до Харпуга и Малатии, а оттуда—в северную Сирию и Палестину).

Примечательно, что керамика этого типа (черная лощеная с геометрическим орнаментом—вдавленная) встречается в наиболее ранних слоях энеолитических поселений и в группе керамики со спиралевидным орнаментом. Эта керамика встречается во втором слое Шенгавита, Сев-блуга I, Мохра-блуга, Кхзьяк-блуга III, Маштоц-блуга III, Агвеси-бнер и Чимера, а также в верхних горизонтах других поселений. Находки вдавленной керамики встречаются и в дальних районах Араратской равнины. Подобная керамика встречается в древнейшем горизонте поселения—в Шреш-блуге. Особый интерес представляет распространение черной лощеной керамики со вдавленными ямочками, в Геой-тепе, в частности в его слое «К».

Наличие керамики вдавленного типа замечается в материалах раскопок Шреш-блуга. К этому древнейшему времени и нужно отнести проникновение первых медных предметов на запад Армянского нагорья. Все это говорит о том, что в древнейший период развития энеолитических племен, обитающих на Араратской равнине, в Нахичевани, в среднем течении Аракса, они находились в постоянных межплеменных сношениях с населением северного и южного районов Армянского нагорья.

На дальнейшей ступени развития энеолитической культуры—Шенгавит 2 (ранний энеолит) за керамикой с углублениями и вдавленным орнаментом следует более характерная для Шенгавита своеобразная черная лощеная керамика с мелким тонким линейным геометрическим орнаментом—Шенгавит 3 (средний энеолит). На основе изучения выявленной энеолитической керамики определяются тесные культурные связи восточной части Армянского нагорья—Шенгавита с Западной Арменией.

Племена Северной Армении (Кировакан, Агстег и Араратской равнины), а на юге—племена Шарура, Нахичевана и Сюника возможно получали медь из Алаверди и Капана (Кафан). Отсюда племена, обитающие на правом берегу Аракса, а через их посредство другие энеолитические племена знакомились с первыми металлическими предметами. Более ранние изделия из меди в долине правобережного Аракса, связанные с энеолитической культурой, определенно тяготеют к северу—к древним металлообрабатывающим центрам Алаверди и Капана; в это время в поселениях, имеющих черную лощеную с геометрическим орнаментом керамику типа раннего энеолита, широкое распространение получил способ набивки орнамента, который применялся одновременно с гравированием орнамента. Сравнивая керамику энеолита Западной Армении с керамикой Восточной Армении, мы замечаем, что керамика с вдавленным и спиралевидным орнаментом, известная в Шенгавите—2, Шреш-блуге, в нижнем слое Мохра-блуга, в верхнем слое Кхзьяк-блуга и Маштоц-блуга, во втором слое Кюльтепе, датируется 3000—2700 гг. до н. э.

Тонкая линейная керамика с геометрическим орнаментом в виде меандров и треугольников характерна для среднего энеолита. Она встречается в Шенгавите—3, Тагаворанисте (Кировакан) и может быть датирована 2600—2400 гг. до н. э.

Для последующего периода—позднего энеолита—представляет особый интерес керамика ряда поселений Армянского нагорья с орнаментом из крупных линий и выгравированных треугольников, которая характерна для Шенгавита—4 и датируется 2300—2000 гг. до н. э. С этого времени заметна тесная связь Араратской равнины и горных медных рудников, а также историко-культурные связи племен, обитающих в восточной части Армянского нагорья, с одной стороны, с западной частью Армянского нагорья, с Малой Азией и Кавказом, с другой.

Эти племенные связи ныне подтверждаются изучением памятников, открытых на Араратской равнине, в Карине, Ване, Муше, Малатии, в Малой Азии и в Закавказье.

Культуре позднего энеолита присуще усиление связей с югом (с Месопотамией и Малой Азией), которое проявляется в соответствующих материалах Малатии, Харпута, Карина, Северной Сирии и Северной Палестины. Из таких памятников на Араратской равнине известны поселения типа Шенгавит—3 и Тагавораниста.

Именно в это время расширяются культурные связи энеолита Армении. В середине III тысячелетия до н. э. культура энеолита получила широкое распространение, достигая на севере границ лесной полосы (Тагаворанист), поселений Кировакана до долины реки Агстеф, а в конце III тысячелетия на юге—Арцах, где имеются поселения и могильники позднего энеолита Степанакерта. Поселениями позднего энеолита являются Шенгавит—4, Хзнавуз и Ахтамур. Материалы этих поселений, в особенности керамика, дают возможность проследить имеющее здесь место в эту эпоху скрещивание культуры племен энеолита с только что возникающей культурой ранней бронзы. Приведенный археологический материал показывает, что древнее население Армянского нагорья уже в IV—III тысячелетии до н. э. по внутреннему развитию племен составляло историко-культурную общность, оформленные родовых—племенных союзов в восточной и западной частях Ар-

мянского нагорья, которое происходило на базе скрещивания местных культур неолита и энеолита. Именно в это время начинают развиваться культурные взаимоотношения между племенами Армянского нагорья, Малой Азии и Кавказа. В результате скрещивания этого сложного явления, на Армянском нагорье в IV—III тысячелетии до н. э. развиваются земледельческие и скотоводческие племена эпохи энеолита, которые в дохурритский период были наиболее развитыми крупными племенными союзами.

Для изучения взаимоотношений древнейших племен Армянского нагорья и более ясного представления о происхождении древней переднеазиатской культуры необходимо также исследовать новые археологические открытия Передней Азии, на основе которых можно будет установить историко-культурные связи Передней Азии, Малой Азии, Армянского нагорья, Месопотамии, Египта, Эгейских островов и других районов, связи, берущие начало задолго до IV тысячелетия и усиливающиеся в III тысячелетии до н. э.

Обобщая нашу мысль, отметим следующее: для цивилизации Передней Азии IV—III тысячелетия до н. э. характерны три ареала керамики и культуры.

Первому ареалу или центру присуща культура керамики, известная в Египте под названием амаратская и бадарская, она отличается черной поверхностью с белым орнаментом и имеет начальную культурную общность с культурой восточного побережья Средиземного моря и Египта. Население этого ареала принадлежит к антропологическому европеидно-средиземноморскому типу⁶⁵.

К тому же времени относится *второй культурный ареал*, которому присуща керамика Хасуна и Халафа. Свое название она получила по имени поселений Хасун и Телль-Халаф, находящихся на реке Хабур, где была впервые обнаружена эта керамика.

Эту культуру характеризует расписная керамика с серым и черным орнаментом на красном или желтом фоне. Судя по соответствующим находкам, она распространилась восточнее Тигра, занимая водораздел предгорий Ирана до берегов Средиземного моря (юг Сирии и Палестины). Антропологические

⁶⁵ Г. Чайльд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956.

и лингвистические данные проливают свет также на древнейшую историю жизни человека в долинах Тигра и Евфрата.

В историческую эпоху население долины состояло из двух разных этнических элементов, которые говорили на разных языках и принадлежали антропологическому типу европеидной группы арменоидов (переднеазитских). До объединения всей страны под властью первой династии Вавилона южная часть Месопотамии, включающая в себя города Эриду, Ур, Ларсу, Лагаш, Умму, Адаб, Урук, Шуруппак и Фарру, была населена народом, известным под названием шумерийцев. Язык и одежда также отличали её от других. Как свидетельствуют археологические раскопки, шумерийцы в какой-то ранний период населяли северную часть Месопотамии и затем проникли в Ассирию. Предполагается, что они произошли от горских народов, спустившихся, вероятно, еще в позднем неолите. Эту группу языков Н. Марр называет яфетической.

Север Месопотамии и горные районы Армении в древности были населены людьми, которые не были ни семитами, ни шумерийцами и отличались от последних светлым цветом кожи. Смит именует их субаритами или хурритами (их язык также яфетический), считая, что они принадлежат к антропологическому типу арменоидов (переднеазиатских). Весьма возможно, что в незапамятные времена их соплеменники заняли Шумер⁶⁶. Археологический материал позволяет проследить определенную последовательность культур.

Третий ареал цивилизации Передней Азии охватывает керамическую культуру Шенгавита и Кхзьяк-блуре, которая датируется неолитом и ранним, средним и поздним энеолитом. Ей присуща черная лощеная с полированной поверхностью керамика с рельефными выступами или гравированным геометрическим орнаментом. Она встречается на всем Армянском нагорье, откуда распространяется до Сирии и Северной Палестины.

Средний период этой культуры в Палестине известен под названием Кирбет-Керакской керамической культуры. Эта керамика распространена также в Табара-эль-Акраде (Северная Сирия)⁶⁷. Керамика типа Шенгавита стратигра-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ B. Maisler, M. Stekelis, M. Avilonach. The Excavation at Beth-Lerach (khirbet el kerak), 1944—1946 Israel Explorat. J. II, 1952, p. 116.

фически найдена в Кирбет-Кераке, которая в Табара-эль-Акраде называлась под 7—8 слоями. Она несет на себе влияние культур Онейя и Урука. Кирбет-Керакская керамика, характерная для среднего энеолита, появляется в Сирии в долине Амук.

Керамика более раннего времени (Шенгавита 2) на Армянском нагорье характерна для культуры Ариня (Кхзьяк-блуре). Она также сходна с керамикой Шрен-блуре и керамикой, найденной в Гей-тепе.

Кирбет-Керакская керамика связывается на Армянском нагорье с керамикой Шенгавита—3 и Тагаворанства. Эта керамика, по-видимому, распространялась с Армянского нагорья, а ее появление в Сирии и Палестине связано с проникновением этнических элементов из Армянского нагорья. Граница распространения керамики Шенгавит—3 и Табара-эль-Акрада на юге приблизительно совпадает с границей проникновения субаро-хурритских племен в Сирию и Палестину.

Найденная на Араратской равнине—в Маштоц-блуре и Кхзьяк-блуре—керамика свидетельствует о наличии на Армянском нагорье более древних памятников культуры неолита типа нижнего слоя Мерсина, более ранних, чем культура 1—2 слоев Шенгавита и современна Кхзьяк-блуре.

Поселений типа Тармил, Шамши, Татарли, содержащих типичные слои дометаллического периода и сходных с нижним слоем Мерсина и Сакче-Гёзи, в Малой Азии немного. Кроме этих трех поселений, энеолитические находки в Яриме и Хаджиларе⁶⁸ позволяют предположить наличие также более ранней культуры.

Археологический материал указанного периода соответствует ранней цивилизации западной части Армянского нагорья и Месопотамии, находившейся под влиянием развитой халасской культуры: по времени она совпадает с началом троянской культуры. В этих районах замечается также сильное влияние культуры западной части Армянского нагорья, которое наблюдается не только в керамике, но и в архитектуре. Указанные явления характерны также для районов Ваши, Муша и Малатии, где в это время большее место зани-

⁶⁸ J. Mellaart, Excavations at Hacilar. AS, V. XI, 1961, p. 39.

мают элементы месопотамской культуры и позволяют сравнить образцы местной культуры энеолита с халафской культурой. Особенно интересно скрещивание культуры Армянского нагорья с халафской, что наблюдается в Шенгавите, Кюль-тепе, Шамирам-алти и Геой-тепе. Этой керамике присущ широкий ареал; более раннему периоду—изготовленные халафским способом сосуды.

Энеолитические глиняные рогообразные подставки очагов и жертвенники, связывающие культуру раннего Бече-султана с культурой Армянского нагорья—Шенгавита, Шреш-блур, Ардна (Караз), Геой-тепе, сопоставимы с материалами Кирбет-Керака и имеют общность культуры.

Районы материальной культуры восточной и западной частей Армянского нагорья связаны друг с другом, причем для начала эпохи металла стимулирующую роль играл Тавр, через который распространялось культурное влияние. Районы, расположенные на юге, были связаны с Южной Сирией, а северные районы с Северной Сирией и Палестиной.

Таким образом, новые открытия помогают осмыслить материалы, которые характеризуют истоки культуры, лежащие в основе ранней истории Армении. Неоценимую услугу оказывает богатый памятник Шенгавита со своей сложной стратиграфической культурной последовательностью, который представляет широкую возможность провести тщательные сравнения горизонтов Шенгавита и других отдельных культур слоев энеолитических поселений.

Несомненно, что эти и последующие находки обогатят наши знания о культуре энеолита, которая уже сейчас, как наиболее развитая и первостепенно важная, охватывает все ступени своего развития и представляет научную ценность.

Дальнейшее изучение археологических памятников Армянского нагорья даст возможность окончательно определить этнический состав древнейшего населения Армении. Найденные неолитические и энеолитические памятники Шенгавита и Кхзьяк-блур связаны с культурой доармянского периода. Они показывают, как еще в эпоху энеолита, на территории Армянского нагорья, на базе племенных взаимосвязей формировались входящие в этнический состав армянского народа, крупные племенные объединения. Не исключено, что

поселения неолитические и энеолитические представляли армян. Упоминание племен и их культура связаны с этническим формированием. Восточная группа предков субархейских племенных союзов населения в то время Армении и ставших изгнанными здесь с эпохи энеолита (начало III тысячелетия до н. э.). С возникновением и распространением энеолитических поселений начинается значительный рост материальной производства—упрочение оседлой жизни, возникают языковые и племенные общности.

Следовательно, на Армянском нагорье в III и II тысячелетиях до н. э. существовала коренная, состоящая из различных племен, древнейшая группа народностей, которая, имея общие и единые с другими народами элементы культуры, развила в своей среде свою собственную культуру, наложив на нее свой особый отпечаток. Эта группа народностей, будучи первоначальным основным слоем народов Армянского нагорья, в течение нескольких тысячелетий сохраняла свои антропологические и культурные особенности и передала оседавшим друг на друга в течение веков разноплеменным слоям—свой особый антропологический образ.

Народы, входившие в этот крупный племенной союз (которые говорили не на семитском и не на индоевропейском языках), проживали здесь также в эпоху бронзы и железа (второе и первое тысячелетие до н. э.), до появления в пределах обширного хурритского государства первых, говоривших на индоевропейском языке, народов.

В конце бронзового века и начале железного века на политическую арену Ближнего Востока проникают племена индоевропейской языковой группы. Первыми из них были племена Митани, которые возглавляли борьбу индоевропейских завоевателей, а сопротивление местных аборигенных хурритских племен возглавляли родственные ему государства Урарту и Мана, а позднее и Хайаса, что продолжалось до падения Ассирии и вторжения в Переднюю Азию мидян и других индоевропейских народов¹.

До открытия нами палеолита и неолита самой ранней эпохой истории Армении считался промежуток времени от

¹ Mellaard, The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia, 1966, Beirut, p. 79—81.

III тысячелетия до н. э.; истории Армении уделялось около 5 000—4 000 лет. Как указано в настоящей работе, человеческое общество существовало в Армении непрерывно сотни тысяч лет, охватывая отрезок времени всего первобытно-общинного строя каменного и медного веков. Таким образом, территория Армении входит в тот обширный пояс, где имел место процесс зарождения, формирования и непрерывного развития первобытного человека и, благодаря этому, Армения может быть названа одной из колыбелей первобытного человека и его культуры.

ПО ДИССЕРТАЦИОННОЙ ТЕМЕ ОПУБЛИКОВАНЫ
МОНОГРАФИИ

1. С. А. Сардарян, «Палеолит в Армении» Ереван, 1954, 15 п. л.
2. С. А. Сардарян, «Первобытное общество в Армении» Ереван, 1967, 40 п. л.